

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Лучший американский автор
детективной прозы
по версии «Нью-Йорк таймс»

**ХАРЛАН
КОБЕН**

**ВСЕГО ОДИН
ВЗГЛЯД**

НЕВИНОВНЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Харлан Кобен
Всего один взгляд. Невинный

Harlan Coben
JUST ONE LOOK
Copyright © 2004 by Harlan Coben
THE INNOCENT
Copyright © 2005 by Harlan Coben

This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest
Literary Agency and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© О. А. Мышакова, перевод, 2010
© Н. В. Рейн (наследник), перевод, 2007
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-
Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Всего один взгляд

*Эта книга посвящается славному парню
Джеку Армстронгу*

Пролог

Беби, даже если вечно
будешь помнить обо мне –
бледные чернила крепче памяти.

*Китайская пословица, переложенная
в стихотворную форму для песни
«Бледные чернила» группы «Джимми
Экс бэнд» (автор – Джеймс Ксавье
Фармингтон)*

Скотт Дункан сидел напротив киллера.

Тишина мрачно-серой комнаты без окон напоминала неловкую тягучую паузу, какая бывает при первых музыкальных аккордах, когда на танцпол не вышла ни одна пара. Помедлив, Скотт непринужденно кивнул. Киллер, одетый в оранжевую тюремную робу и штаны, молча смотрел на него. Скотт сцепил пальцы и пристроил руки на край металлического стола. Киллер – по делам он проходил как Монте Скенлон, но это никак не могло быть его настоящим именем – сделал бы то же самое, не будь его запястья скованы наручниками.

«Зачем я здесь?» – в который раз спросил себя Скотт.

Он специализировался на делах о политической коррупции – в частности, на махинациях с чересчур активным коттеджным строительством в родном Нью-Джерси, но три часа назад Монте Скенлон, настоящий мясник и палач, нарушил долгое молчание и выдвинул требование.

Он потребовал личной встречи с помощником федерального прокурора Скоттом Дунканом.

Это было странно по многим причинам. Во-первых, киллеру не положено что-либо требовать. Во-вторых, Скотт Дункан никогда не слышал о Монте Скенлоне.

Первым нарушил молчание Дункан:

– Вы просили о встрече со мной?

– Да.

Дункан кивнул, ожидая продолжения, но Монте Скенлон молчал.

– Так чем могу быть полезен?

Монте Скенлон пристально посмотрел на него:

– Вы знаете, за что я здесь?

Скотт, не удержавшись, обвел глазами помещение. Кроме него и Скенлона, здесь были еще четверо: с непринужденностью Синатры у фонарного столба к дальней стене прислонилась федеральный прокурор Линда Морган; позади заключенного двумя башнями возвышались неразличимые на вид шкафоподобные тюремные охранники – бицепсы что древесный ствол, грудные мышцы что та кираса. Скотт немного знал этих самоуверенных ребят. Свою работу они выполняли с безмятежностью инструкторов по йоге, но сегодня рядом с этим надежно закованным в наручники заключенным они едва сдерживались. Довершал компанию адвокат Скенлона, хорек, от которого разило дешевым одеколоном. Все выжидающе смотрели на Дункана.

– За убийства, – ответил Скотт. – За многочисленные убийства.

– Я был наемным убийцей. Я был... – Скенлон сделал паузу, – профессиональным киллером.

– Но ваше дело веду не я.

– Верно.

Утро у Дункана началось вполне спокойно – с оформления судебной повестки некоему высокопоставленному чиновнику, отвечающему за утилизацию отходов, – тот «подмазал» мэра небольшого городка. Обычная работа, ежедневная прополка в Садовом штате^[1]. Это было всего час или полтора назад. А теперь он сидел за привинченным к полу столом и вынужден был

разговаривать с преступником, отправившим на тот свет, по приблизительной оценке Линды Морган, не менее сотни жертв.

– Так почему вы просили о встрече?

Более всего Скенлон походил на постаревшего плейбоя эпохи пятидесятых – ему очень подошло бы крутить романы с сестрами Габор. Маленький, высохший, с залезшими назад седеющими волосами и пожелтевшими от никотина зубами. Его кожа словно приобрела оттенок пергамента – результат воздействия полуденного солнца и пребывания в злочной темноте ночных клубов. Никто из присутствующих не знал настоящего имени преступника. При аресте у него изъяли паспорт на имя Монте Скенлона, аргентинца, пятидесяти одного года. Возраст вроде бы соответствовал его виду, но и только. Отпечатков в базе данных NCIC – Национального центра информации о преступлениях – не оказалось. Программа идентификации по чертам лица выдала большой красивый ноль.

– Разговор будет один на один.

– Ваше дело веду не я, – терпеливо повторил Скотт. – Здесь присутствует специально назначенный федеральный прокурор.

– Ее это не касается.

– А меня касается?

Скенлон подался вперед.

– Я вам скажу кое-что, – многообещающе посулил он. – И это перевернет всю вашу жизнь.

Скотту захотелось покрутить пальцами перед физиономией этого самого Скенлона и протянуть: «О-о-о...» Он привык к повадкам отбывающих заключение, к их змеиным маневрам, стремлению взять верх, отчаянным поискам спасения, уверенности в огромной собственной значимости. Линда Морган, словно прочитав мысли Дункана, бросила на него предостерегающий взгляд. Монте Скенлон, вспомнил Скотт, тридцать лет работал на разные кланы, и все в отделе по борьбе с рэкетом и коррупцией, словно голодные у витрины буфета, исходили слюной от желания склонить его к

сотрудничеству. Однако с момента ареста Скенлон упорно хранил молчание, вплоть до сегодняшнего утра.

Поэтому Скотт Дункан и оказался здесь.

– Ваша начальница, – произнес Скенлон, дернув подбородком в сторону Линды Морган, – всерьез надеется, что я заговорю.

– А конец все равно один – инъекция, – подала голос Морган, сохраняя невозмутимость. – Что бы ты ни сказал и ни сделал, это ничего не изменит.

Скенлон улыбнулся:

– Бросьте. Того, что я заговорю, вы боитесь куда больше, чем я – смерти.

– Ага, еще один крутой парень, который ничего не боится. – Линда наконец отклеилась от стены. – Знаешь что, Монте? Крутые все как один обсирают штаны, когда их волокут на каталку.

У Скотта вновь возникло желание покрутить пальцами, на сей раз перед носом Линды. Скенлон по-прежнему улыбался, не сводя с Дункана глаз. Скотту не нравился новый знакомый. Глаза у Скенлона были черные, блестящие и безжалостные, но Дункану начало казаться, что, помимо обычной для преступника такого масштаба пустоты, он разглядел в них нечто неожиданное. В них читалась мольба. Скотт не мог отвернуться от этих глаз. В них угадывалось раскаяние.

И даже угрызения совести.

Скотт посмотрел на Линду и кивнул. Она нахмурилась, и весь ее вид не обещал Скенлону ничего хорошего, но тот и бровью не повел. Тронув за плечо здоровенного стража, Морган подала знак обоим выйти. Поднимаясь со стула, адвокат Скенлона впервые открыл рот:

– Не вздумайте заносить в протокол то, что он скажет!

– Иди с ними, – бросил ему Скенлон. – И проследи, чтобы нас не подслушивали.

Адвокат подхватил кейс и направился к двери за Линдой Морган. Дункан и Скенлон остались одни. Это в фильмах киллеры всемогущи; в реальной жизни – нет. В федеральных тюрьмах

строгoго режима они не освобождаются от наручников. Накачанные охранники, как знал Скотт, стоят за хитрым зеркалом, прозрачным с другой стороны. Интерком отключен, чтобы не раздражать Скенлона, но эти люди видят все.

Скотт чуть повел плечом, словно спрашивая – ну, что тебе еще?

– Я вам не какой-нибудь там мокрушник.

– Угу.

– У меня свой кодекс.

Скотт молча ждал.

– Я убиваю только мужчин.

– Надо же, – восхитился Дункан. – Да вам не чуждо благородство!

Скенлон пропустил сарказм мимо ушей.

– Это мое первое правило. Я убиваю только мужчин. Женщин не трогаю.

– А второе ваше правило – подождать с поцелуями до третьего свидания?

– Да вы меня что, за изверга держите?

Скотт пожал плечами – ответ был очевиден.

– И мой кодекс для вас просто тьфу?

– Какой, к черту, кодекс? Вы убивали людей десятками, а так называемый кодекс придумали ради создания иллюзии собственной человечности.

Скенлон как будто задумался.

– Возможно, – великодушно признал он. – Но мужчины, которых я убивал, были подонками. Меня нанимали подонки для устранения подонков. Я лишь наемный пистолет.

– Пистолет? – переспросил Скотт.

– Да.

– Так ведь пистолету все равно, кого убивать, Монте, – мужчин, женщин, старух, детей. Пистолет палит без разбору.

Скенлон ухмыльнулся:

– Touché [2].

– Вы вызвали меня сюда не на урок этики. Чего вы хотели? – потребовал ответа Скотт.

– Вы же в разводе, верно?

Скотт не ответил.

– Детей нет, расстались по-дружески, в хороших отношениях со своей бывшей?

– Что вам нужно?

– Объяснить.

– Что объяснить?

Скенлон потупился, но только на мгновение.

– То, что я вам сделал.

– Я вас даже не знаю.

– Зато я знаю вас. И давно.

Скотт замолчал. Тишина затопила комнату. Он покосился на зеркало. Линда Морган стоит за стеклом, гадая, о чем они говорят. Потом потребует отчета. Скотт прикинул, нет ли в комнате «жучков». Может, и есть. В любом случае лучше выслушать Скенлона.

– Вас зовут Скотт Дункан, вам тридцать девять лет, вы закончили юридический университет в штате Колумбия. Частной практикой зарабатывали бы намного больше, но вам это неинтересно. Уже полгода служите в офисе федерального прокурора. Ваша матушка и отец в прошлом году переехали в Майами, еще у вас была сестра. Погибла, учась в колледже.

Скотт заерзал на стуле. Скенлон изучающе смотрел на него.

– Вы закончили?

– Знаете, как делается мой бизнес?

Меняет тему. Скотт выждал пару секунд. Скенлон полощет ему мозги, пытаясь вывести из равновесия или зачем-то еще. Поддаваться Скотт не собирался. Ничего из сказанного о его семье не было секретом – подобные сведения можно собрать с помощью нескольких нажатий нужных клавиш и пары телефонных звонков.

– Может, введете в курс дела?

– Ну, вот представим, – заговорил Скенлон, – что вы хотите кого-нибудь замочить.

– Так.

– Вы звякаете другу, у которого есть знакомый, чей дружбан знает человека, который имеет выход на меня.

– То есть вас знает только последний в цепочке?

– Типа того. У меня всего один посредник, но даже с ним я сама осторожность – никаких личных встреч, имена кодовые, платежи всегда идут на офшорные счета. Я открывал новый счет для каждой, скажем так, транзакции и закрывал сразу после поступления и обналичивания средств. Вы меня слушаете?

– Несложная схема.

– Совсем несложная. Но, видите ли, сейчас люди взяли привычку переписываться по электронной почте. Я открывал временный счет на «Hotmail» или «Yahoo!» под вымышленным именем. Ничего нельзя отследить, а даже если можно, даже если вы выясните, кто перевел деньги, что вам это даст? Все сообщения приходят на адрес библиотек и всяких общественных учреждений и там же прочитываются. Самая надежная схема.

Скотт чуть не сказал, что сия надежная схема в конце концов привела Скенлона в тюрьму, но решил не обострять ситуацию.

– И каким же образом это связано со мной?

– Я к этому и веду. – Скотт видел: Скенлон действительно готовится сказать что-то важное. – В прежние времена – когда говорю «прежние времена», то имею в виду восемь-десять лет назад – заказы делались в основном по таксофону. Я ни разу не видел написанного имени, мне называли человека по телефону. – Скенлон остановился, упиваясь тем, что полностью завладел вниманием собеседника. Тон его голоса сделался мягче, менее деловым. – Вот в чем штука, Скотт. Все делалось по телефону. Я слышал имя, но не видел, как оно пишется. – Он выжидательно смотрел на Дункана. Тот, не понимая, кивнул. – Вам понятно, почему я особо подчеркиваю, что заказы шли по телефону?

– Нет.

– Потому что даже такой человек, как я, профессионал с кодексом, по телефону мог и не расслышать.

Скотт некоторое время обдумывал эти слова.

– Все равно не понимаю.

– Я никогда не убивал женщин. Это мое правило номер один.

– Вы уже говорили.

– Если вам по телефону говорят, что нужно шлепнуть человечка по имени Билли Смит, вы, естественно, решите, что Билли – мужчина. Но ведь иногда такое имя бывает и у женщин. Ну что, понятнее?

Скотт замер. Скенлон это заметил. На его лице появилась улыбка, голос стал еще мягче:

– Я тут упомянул о вашей сестре, Скотт...

Тот не ответил.

– Ее звали Джери, верно?

Молчание.

– Теперь вы поняли?.. Джери – одно из таких имен. Когда по телефону слышишь «Джери», естественно, думаешь, что речь идет о каком-нибудь мужчине. И вот пятнадцать лет назад мне позвонили. Тот самый посредник.

Скотта пробила дрожь.

– Мне дали адрес и сообщили, в какое время Джери, – Скенлон дважды согнул пальцы, изображая кавычки, – будет дома.

Собственный голос донесся до Скотта откуда-то издалека:

– Но ведь это был несчастный случай...

– Большинство поджогов сходят за несчастные случаи, если работал профессионал.

– Я вам не верю, – отрезал Скотт, глядя Скенлону в глаза, стараясь не показать, что его мир пошатнулся.

Перед глазами закружились заразительная улыбка Джери, копна непокорных волос, скобки на зубах, забавная мина – она любила поддразнивать брата, когда вся семья собиралась за большим столом на какой-нибудь праздник. Он помнил ее первого

настоящего бойфренда, обормота по имени Брэд, и как ей не с кем было идти на школьный выпускной, и полную энтузиазма речь, когда она агитировала за себя на выборах казначея студенческого совета, и ее первую рок-группу, которая оказалась чудовищной, и письмо о зачислении в колледж...

Скотт почувствовал, что глаза заволокло слезами.

– Ей же был двадцать один год!

Ответа не последовало.

– Почему?!

– Об этом я никогда не спрашивал. Я лишь наемный пистолет...

– Я не о том. – Дункан поднял на него глаза. – Зачем вы мне все это рассказали?

Скенлон рассматривал свое отражение в огромном, на полстены, зеркале.

– Наверное, вы правы, – произнес он очень тихо.

– О чем это вы?

– Может, после всего, что я сделал, мне требуется иллюзия собственной человечности. – Он снова повернулся к Скотту.

Три месяца спустя

Глава 1

Разрывы бывают резкие – с бурными слезами, с острыми лезвиями, раздирающими плоть. Знакомая, привычная жизнь, прокрутившись сквозь мясорубку обстоятельств, становится совсем другой, разлезается лапшой, расплзается, как кишки из вспоротого брюха. А есть моменты, когда жизнь рушится в одночасье. Нитки ровных швов вдруг натягиваются до предела, стежки один за другим рвутся, причем изменения подкрадываются исподволь, незаметно.

Для Грейс Лоусон все началось в «Фотомате».

У самого входа в фотоателье она услышала женский голос, показавшийся ей смутно знакомым:

– Грейс, ну когда же вы купите себе цифровик?

Грейс обернулась:

– Я не в ладах с техникой.

– Ой, бросьте! Цифровые технологии можно освоить в два счета. – Женщина дважды прищелкнула пальцами – видимо, на случай, если Грейс не умеет считать. – Цифровые фотки гора-а-аздо удобнее пленочных. Не нравится снимок – стерли, и дальше снимайте. Как файлы в компьютере. Вот на рождественскую открытку Барри щелкал детей миллион раз – то Блейк моргнет, то Кайл не туда посмотрит, но уж среди такого-то количества наверняка отыщется один приличный!

Грейс кивала, пытаясь вспомнить, как зовут собеседницу. Кажется, ее дочь Блейк учится в одном классе с ее сынишкой Максом. Или в прошлом году в детский сад вместе ходили, где тут уследишь, время так летит... Улыбка словно примерзла к лицу Грейс. Собеседница была довольно приятной, но совершенно заурядной. Уже не в первый раз Грейс посетила неприятная мысль, что она тоже ничем не отличается от остальных, а ее яркая индивидуальность

растворилась в болотном однообразии пригородного существования.

От этой мысли ей стало неуютно.

Женщина тем временем продолжала расписывать чудеса эры цифровых технологий. От улыбки у Грейс свело мышцы лица. Она взглянула на часы, надеясь, что технически подкованная мамаша поймет намек. Без пятнадцати три. Уже пора ехать за Максом в школу. У Эммы тренировка по плаванию, но сегодня юных пловчих повезет другая мамочка. «Погребем до бассейна», как чересчур общительная дама, хихикнув, сказала Грейс. Страшно смешно.

– Нам нужно держаться друг друга, – заключила дама. – А вашему Джеку общаться с моим Барри. Они прекрасно поладят.

– Безусловно.

Воспользовавшись паузой, Грейс помахала ей на прощание, потянула на себя дверь и скрылась в прохладных недрах «Фотомата». Стеклопанельная дверь со щелчком закрылась, задев маленький колокольчик. Грейс поморщилась от резкого химического запаха – универсальный клей? Она вдруг подумала о возможных последствиях работы в подобных местах. Здесь и минуточку-то провести противно.

Юнец, работавший за стойкой (слово «работавший» было бы здесь неслыханной щедростью, просто бессовестной роскошью), щеголял белым клочком пуха под подбородком, шевелюрой, выкрашенной в цвет, который посрамил бы и «Крайолу»^[3], и таким обильным пирсингом, что с успехом мог заменить в оркестре ударные. В уши его были плотно воткнуты наушники-плаги с дужкой вокруг ушной раковины; толстый провод змеился по шее. Музыка была настолько громкой, что Грейс ощутила в груди ритмичную вибрацию. Парень был покрыт татуировками, и Грейс разглядела красную надпись «отпетый» и еще одну, тоже красную – «кайфолом». В середину очень просится «сачок», пришло на ум Грейс.

Парень не реагировал на посетительницу.

– Простите, пожалуйста! – громко сказала Грейс.

Никакой реакции.

– Эй, чувачелло!

Эта фраза привлекла внимание. Парень издал неопределенный звук, означавший «слышу», прищурился, разобиженный, что ему портят удовольствие, и неохотно вытащил наушники.

– Корешок.

– Что?

– Корешок.

Грейс протянула квитанцию, после чего Бородатый Пушок спросил ее имя. Грейс сразу вспомнила телефоны службы поддержки клиентов, где нужно вводить свой домашний номер, а едва дожدهшься ответа оператора, у тебя первым делом спрашивают домашний телефон – типа в первый раз была репетиция.

Бородатый Пушок – Грейс наградила продавца этим прозвищем не без злорадства – проворно перебрал конверты с фотографиями и выдернул один. Оторвав ярлычок, он назвал Грейс цену как за новый фотоаппарат. Она вручила юнцу купон, устроив в сумке раскопки, сравнимые с поиском свитков Мертвого моря, и подождала, пока причитающаяся с нее сумма уменьшится до разумных пределов.

Парень протянул ей пакет с фотографиями. Грейс поблагодарила, но он уже успел залить уши своей музыкой. Грейс помахала, привлекая его внимание.

– Эй, я пришла не только за снимками, но и за приятной беседой!

Бородатый Пушок зевнул и открыл журнал – «Современный сачок», свежий номер.

На улице Грейс обдало сильным порывом ветра. Слово осень холодным плечом отталкивала лето. Листья еще не начали желтеть и краснеть, но в воздухе, можно сказать, уже носился аромат яблочного сидра, в витринах магазинов лежали празднично подсвеченные тыквы и прочие предвестники Хеллоуина. Третьеклассница Эмма выпросила у папы восьмифутовый надувной шар, изображавший Гомера Симпсона в костюме Франкенштейна. Шарик, признала в душе Грейс, был замечательный. Дети любят

«Симпсонов». Наверное, несмотря ни на что, они с Джеком воспитывают их правильно.

Грейс не терпелось заглянуть в конверт. Получая проявленную пленку, она всегда ощущала жгучий интерес, как при распаковывании подарка, радостный душевный подъем вроде «ой, ну что же там, в почтовом ящике», пусть даже это опять лишь ворох счетов. Такого цифровые фотоаппараты при всех своих достоинствах дать не в силах. Но времени не оставалось – первоклассников уже отпустили.

Проезжая по Хайтс-роуд в своем «саабе», Грейс сделала маленький крюк, чтобы посмотреть на город. Контуры Манхэттена отсюда, особенно ночью, казались россыпью бриллиантов на черном бархате. В груди что-то сжалось – Грейс любила Нью-Йорк. Еще четыре года назад чудесный остров был ее домом – они жили в лофте на Чарльз-стрит в Виллидж. Джек работал в крупной фармацевтической компании в отделе медицинских исследований, Грейс рисовала в домашней студии, презрительно морща нос при виде жительниц пригородов с их внедорожниками, вельветовыми джинсами и раздражающей трескотней о «милых крошках». Теперь она стала одной из них.

Припарковавшись у школы рядом с другими мамашами, Грейс выключила зажигание, вынула из сумки конверт «Фотомата» и оторвала верхний клапан. Фоторепортаж с ежегодного сбора яблок в Честере, куда они ездили на прошлой неделе. Джек с нездоровым блеском в глазах щелкал все подряд – ему нравилось быть семейным фотографом. Он считал это частью родительских обязанностей, чуть ли не жертвой, которую отец семейства обязан приносить жене и чадам.

Первый снимок. Восемилетняя Эмма и шестилетний Макс на возу сена – плечи расправлены, щеки покраснелись от ветра. Глядя на фотографию, Грейс почувствовала, как ее захлестнула волна любви, появившаяся откуда-то из глубин души. По спине пробежали мурашки. В этом суть материнства. Суть, явленная нам свыше через

этих крошек. Грейс помнила, что в тот день обещали холод. В яблоневый сад всегда съезжается масса народу, и ехать ей совсем не хотелось. Теперь же, с умилением рассматривая снимки детей, она не могла не удивляться собственной глупости и нежеланию ехать.

Мамаши столпились у школьного забора, оживленно болтая и назначая встречи, кто к кому и когда придет играть. Яркая иллюстрация Америки в эру постфеминизма: лишь за двоими из восьмилеток пожаловали папаши. Одного Грейс знала – он уже больше года сидел без работы: потухший взгляд, медленная шаркающая походка, плохо выбритые щеки. Другой был журналистом-фрилансером, всегда как-то слишком охотно включавшимся в трескотню с молодыми родительницами. Видимо, холостяк или ему просто скучно.

В стекло постучали. Грейс подняла голову. Кора Линдли, ее лучшая подруга в Касслтоне, жестом показывала – открой, мол, замок. Грейс нажала кнопку, и через секунду Кора плюхнулась на пассажирское сиденье.

– Ну как провела вечер? – поинтересовалась Грейс.

– Паршиво.

– Жаль...

– Синдром пятого свидания.

Разведенная Кора казалась слишком сексуальной для обычно нервных и неприступных «женщин в поиске». В блузке с леопардовым рисунком и глубоким вырезом, обтягивающих брючках из спандекса и розовых лодочках, она резко выделялась на фоне широких брюк и бесформенных свитеров других мамаш. Они с подозрением пожирали ее глазами – женское население маленького пригорода порой ведет себя как старшеклассницы.

– Что за синдром?

– Ну, ты редко встречаешься, верно?

– Редко, – признала Грейс. – Наличие мужа и двоих детей сильно изменили мой некогда свободный образ жизни.

– И зря! Видишь ли – только не спрашивай почему, – на пятом свидании буквально все мужчины заводят разговор о... как бы это поприличнее выразиться... О *ménage à trois*^[4].

– Да брось ты!

– Клянусь! На пятом свидании, самое позднее. Так, знаешь, чисто теоретически спрашивают, как я отношусь к *ménage à trois*, будто речь идет о мире на Ближнем Востоке.

– А ты?

– А я отвечаю, что просто обожаю эти «тройки» в постели. Особенно когда двое мужчин начинают целоваться взапрос.

Смеясь, Грейс и Кора выбрались из машины – у Грейс разболелась нога. Прошло больше десяти лет, но ее по-прежнему корбило, когда окружающие пялились на ее хромоту, поэтому она осталась у машины, проводив Кору взглядом. Прозвенел звонок, и дети радостно повывлетали из школьных дверей, как пушечное ядро. Разумеется, и таких мам большинство, Грейс высматривала только своего ребенка. Остальные, пусть это не покажется черствостью, интересовали ее не более, чем окружающий пейзаж.

Макс появился во второй волне великого исхода первоклашек. Шнурок развязан, школьный ранец выглядит отчего-то непомерно огромным, вязаная шапка с надписью «Нью-йоркские рейнджеры» сдвинута на ухо таким французским беретом. Ее вновь захлестнула горячая волна материнской нежности. Макс проскакал по ступенькам, поудобнее пристраивая на плечах ранец. Грейс улыбнулась. Макс заметил ее и тоже расплылся в улыбке.

Он забрался на заднее сиденье «сааба», Грейс пристегнула сына к детскому креслу и спросила, как прошел день. Макс ответил, что не знает. Грейс начала расспрашивать, что Макс делал сегодня в школе. Сын снова ответил, что не знает. Математику учили? А английский, естествознание? Как рисование, труд? В ответ мальчик пожимал плечами и бубнил свое «не знаю». Грейс кивнула: классический случай «болезни Альцгеймера в начальной школе». Не иначе детей

принудили забыть все или вырвали клятву молчать. Одна из загадок жизни.

Только доехав домой и вручив Максу его любимый «Гогурт» – тот же йогурт, только в тубике вроде зубной пасты, можно выдавливать прямо в рот, – Грейс смогла вернуться к фотографиям.

На автоответчике мигал индикатор. Одно сообщение. Проверяя, кто звонил, Грейс обнаружила, что номер не определился. Она нажала кнопку и с удивлением услышала голос старого... друга – определение «знакомый» было бы слишком неуважительным. Впрочем, звонившего можно было смело назвать отцом родным, как ни странно это прозвучало бы.

– Здравствуй, Грейс. Это Карл Веспа.

Ему не было необходимости представляться. Прошло несколько лет, но Грейс сразу узнала этот голос.

– Перезвони мне, пожалуйста. Нужно поговорить.

Прозвучал сигнал отбоя. Грейс стояла неподвижно, ощущая под ложечкой знакомый холодок. Веспа. Звонил Карл Веспа. Это не к добру. Веспа, при всем его хорошем к ней отношении, никогда не беспокоил ее по пустякам. Грейс подумала, не позвонить ли ему прямо сейчас, но решила, что момент неподходящий.

Она ушла в комнату, служившую ей студией. Там никто не жил. В минуты вдохновения, когда Грейс бывала, что называется, в ударе, как любой художник или спортсмен, рука так и тянулась к холсту. Грейс смотрела на улицы, деревья, на людей, мысленно выбирая, какой кистью и каким мазком будет писать, какие цвета смешает и как положит светотень. Картины должны отражать мировоззрение художника, а не копировать реальность, считала Грейс. Все мы видим мир через собственную призму, а искусство в своих лучших проявлениях чуть-чуть меняет реальность, приоткрывая внутренний мир художника, то, что видел он, точнее, что он хотел показать другим. Искусство отнюдь не всегда приукрашивает действительность; живопись зачастую провокационнее, безобразнее, беспощаднее... и притягательнее. Грейс добивалась

реакции. Можно залюбоваться прекрасным закатом, но Грейс хотела, чтобы зрители утопали в ее закате, забыв обо всем, страшась и смотреть, и отвести взгляд.

Не пожалев лишний доллар, Грейс заказала двойной комплект фотографий и сейчас извлекла из конверта толстую стопку снимков. На первых двух Эмма и Макс на возу с сеном. Далее – Макс, потянувшийся к яркому яблоку. Дальше смазанный снимок крупной взрослой руки – это Джек наводил на резкость. Грейс с улыбкой покачала головой – ах, этот ее большой растяпа. Снимки Грейс, Эммы, Макса, яблоки, деревья, корзины. Грейс была растрогана.

Родители Грейс умерли молодыми. Мать сбила машина на пешеходном переходе через Сорок шестое шоссе в Тотове. Грейс было тогда одиннадцать. Полицейские не пришли к ним домой, как показывают в фильмах; о трагедии сообщили по телефону. Грейс до сих пор помнит, как отец, в домашних синих брюках и сером пуловере, взял трубку и привычно протянул «алло» и как его лицо мгновенно побледнело, он вдруг рухнул на пол, и послышались сначала сдавленные, а затем беззвучные рыдания, словно ему не хватало воздуха выразить горе.

Отец вырастил Грейс один, но слабое сердце – в детстве он болел ревматизмом – отказало, когда Грейс училась на первом курсе. Родной дядя Грейс предложил племяннице перебраться к нему в Лос-Анджелес, но она была уже совершеннолетней и решила остаться на востоке страны и пробиваться самостоятельно.

Смерть родителей стала для нее огромным ударом, и с юности Грейс жила с ощущением какого-то бессознательного напряжения. Боль утраты постепенно смягчилась, но преждевременная и внезапная смерть двух близких людей заставила ее вспомнить о важности каждого мгновения жизни. Грейс хотелось как можно плотнее утоптать воспоминания, до краев заполнив себя реальностью, чтобы, как это ни странно покажется, дать собственным детям возможность получше запомнить мать, если ее вдруг тоже не станет.

Именно в этот момент, вспоминая родителей и радуясь, как повзрослели Эмма и Макс по сравнению с прошлым годом, Грейс наткнулась на незнакомую фотографию.

Вот новости, мелькнуло у нее в голове.

Фотография была в середине стопки, ближе к концу, того же размера, ровно уложенная к остальным, правда на ощупь потоньше. Дешевая, отчего-то подумала Грейс, похожа на цветную фотокопию, сделанную на простом принтере.

Посмотрев дальше, Грейс снова удивилась: дубликата не было. Фотография была в единственном экземпляре. Попала в пачку по ошибке, из чужих снимков?

Это была чужая фотография.

Конечно, случайность, ошибка. А еще профессионалы! Взять того же Бородатого Пушкина – да он любое дело запретит, не то что в пачку чужой снимок сунуть.

Возможно, так и было.

В их снимки затесалась неизвестная фотография.

Но что, если...

Фотография выглядела старой – не черно-белой или старинной сепией, нет. Но цвета были блеклыми, словно выгоревшими, без той сочности, какую ожидаешь увидеть на фото в наши дни. А запечатленные на снимке люди... Одежда, прически, макияж давно вышли из моды – лет пятнадцать, а то и двадцать назад.

Грейс положила снимок на стол, чтобы получше рассмотреть.

Резкость была наведена не очень хорошо. На фотографии четверо – нет, вон еще кто-то в углу – пятеро, двое юношей и три девушки, лет двадцати. Студенты, отчего-то подумала Грейс.

Все были в джинсах и футболках, девушки – с длинными распущенными волосами. В них угадывалась подростковая задиристость, только-только проклюнувшаяся независимость. Судя по всему, фотограф щелкнул, когда они еще не подготовились – кто-то повернул голову, а у темноволосой девушки, почти срезанной кромкой снимка, в кадр попали только затылок и часть джинсовой

куртки. Рядом с ней ярко-рыжая красотка с широко поставленными глазами. Ближе к середине какая-то блондинка... Господи, а это еще что такое? Лица не разобрать из-за большого крестового креста. Словно кто-то кого-то вычеркнул.

Да как этот снимок?..

Всмотревшись получше, Грейс начала задыхаться. Девушек она не знала. Юноши очень походили друг на друга – одинаковый рост, фигура, цвет волос, поза. Тот, что слева, был ей незнаком.

Но другого мужчину или парня Грейс узнала. Совсем еще юный. В армию взяли бы? Да, возраст как раз. Но до мужчины ему еще... Юноша стоял в центре, рядом с блондинкой, у которой был на лице крест.

Но это невероятно! Парень на снимке отвернулся от объектива, да и жидкая юношеская борода скрывает пол-лица...

Неужели это муж Грейс?

Она наклонилась ниже, вглядываясь в снимок. В лучшем случае это можно назвать фотографией в профиль. Она не знала Джека в том возрасте. Они познакомились на Лазурном Берегу на юге Франции. Грейс так до конца и не оправилась от травм, хотя физиотерапия длилась целый год. Ее мучили головные боли, не проходила амнезия, она хромала – до сих пор припадает на левую ногу, – но более всего ее донимали шумиха вокруг поднявшегося скандала и всеобщее пристальное внимание к той трагической ночи. Грейс безумно хотела скрыться от всего этого. Она поступила в Парижский университет, с головой окунувшись в изучение искусств, и как-то раз во время каникул, загорая на пляже, познакомилась с Джеком.

Точно ли на снимке Джек?

Конечно, здесь он выглядит иначе: длинные волосы, очки, да еще и бороду отрастил, хотя слишком юн и пухлощек, чтобы носить бороду. Но было что-то ужасно знакомое в его позе, в наклоне головы, мимике...

Это он, ее муж.

Грейс быстро просмотрела остальные фотографии. Снова возы с сеном, яблоки, руки, поднятые к увешанным плодами веткам. Она нашла снимок Джека, который сделала сама, – единственный раз глава семьи скрепя сердце доверил фотоаппарат жене: он просто обожал командовать парадом. На снимке он высоко тянется, а задравшаяся рубашка оголяет округлый живот. Эмма тут же запищала, что это фу как некрасиво, и Джек поднял руку еще выше, чтобы показать толстый пивной живот. Грейс, смеясь, крикнула мужу: «А ну, танец живота!» – и щелкнула «мыльницей», когда Джек, к вящему смущению Эммы, подчинился и заколыхал обширным чревом.

– Мам!

Она обернулась:

– Что тебе, Макс?

– А можно мне плитку с гранолой?

– В машине поешь, – сказала Грейс, вставая. – Нужно кое-куда съездить.

Бородатого Пушка в «Фотомате» не оказалось.

Макс прилип к витрине с фоторамками – «С днем рождения», «Любимой маме» и прочей ерундой. За прилавком стоял человек в полиэстровом галстуке, с чехольчиком для ручек в нагрудном кармане рубашки с коротким рукавом, под которой просвечивала футболка. На бейдже значилось, что он, Брюс, является помощником заведующего.

– Чем могу помочь?

– Мне нужен молодой человек, который был здесь пару часов назад.

– Джоша сегодня уже не будет. А зачем он вам?

– Я забрала фотографии без нескольких минут три...

– Да-да?

Грейс не знала, как продолжать.

– Среди них оказался снимок... Он не должен был там...

– Боюсь, я не совсем понимаю.

– Снимок, которого мы не делали.

Невсемогуший Брюс перевел взгляд на Макса.

– Я смотрю, у вас детки?

– При чем тут...

Помощник заведующего сдвинул очки на кончик носа.

– Просто напоминаю: у вас маленькие дети. По крайней мере один.

– А я спрашиваю, при чем тут это?

– Иногда ребенок может взять фотоаппарат, когда не видят родители, и пощелкать, а затем положить камеру на место.

– Да нет же, снимок вообще не имеет к нам отношения...

– Понятно. Извините. Но заказанные фотографии вы все получили?

– Кажется, да.

– Ничего не пропущено?

– Специально я не проверяла, но, по-моему, вся пленка распечатана.

Брюс открыл ящик стола:

– Вот, возьмите купон. Следующую вашу пленку мы проявим и напечатаем бесплатно. Снимки три на пять дюймов. Если захотите четыре на шесть, нужно будет немного доплатить.

Грейс даже не взглянула на предложенный купон.

– У вас на двери написано «проявка». Вы прямо здесь проявляете?

– Да. – Брюс похлопал по боку большого аппарата. – Старушка Бетси все умеет.

– Значит, и мою пленку проявляли здесь?

– Конечно.

Грейс вынула конверт «Фотомата».

– Вы не скажете, кто занимался этим заказом?

– О, но я уверен, вышла просто ошибка!

– Я не говорю, что умысел, просто хочу знать, кто проявлял нашу пленку.

Брюс посмотрел на конверт.

– Можно узнать, зачем вам это нужно?

– Заказ выполнял Джош?

– Да, но...

– Почему он уже ушел?

– Что, простите?

– Я забрала фотографии примерно в три, вы работаете до шести, а сейчас и пяти нет!

– И что?

– Да вот странно, что смена продавца заканчивается вскоре после трех, притом что ателье закрывается в шесть.

Помощник управляющего как-то официально выпрямился.

– У Джоша дома возникла нештатная ситуация.

– Какого рода?

– Послушайте, миз... – он взглянул на конверт, – Лоусон, я приношу извинения за ошибку. Я уверен, в ваш конверт случайно попала фотография из другой пачки. Не припоминаю, чтобы у нас такое случилось, но позвольте заметить – никто не совершенен. Хотя подождите...

– Что?

– Можно посмотреть на снимок?

Грейс испугалась, что Брюс не отдаст ей фото.

– Не захватила с собой.

– А что там снято?

– Группа людей.

– Ясно, – мрачно кивнул Брюс. – Обнаженные?

– Что?! Нет! Почему вы спрашиваете?

– Мне кажется, вы расстроены. Я подумал, может, фотография оскорбила ваши чувства?

– Нет, ничего такого, мне просто нужно поговорить с Джошем. Не могли бы вы сказать его фамилию или дать его домашний телефон?

– Это исключено. Но завтра он будет в ателье с самого утра. Приезжайте и поговорите.

Грейс не стала возражать, поблагодарила помощника управляющего и ушла. Может, оно и к лучшему. Приехав в ателье во второй раз, она поддалась невольному порыву. Надо остыть. Возможно, она и в самом деле неадекватно реагирует.

Через несколько часов Джек придет домой, вот тогда все и прояснится.

Грейс по очереди с другими мамашами возила маленьких на тренировки в бассейн развлекательного центра. Четыре девочки восьми-девяти лет, прелестные энергичные непоседы, усаживались по двое – на заднее и «самое заднее» сиденье минивэна, наполняя салон щебетом, хихиканьем, «здравствуйте, миссис Лоусон», встряхивая еще мокрыми волосами и распространяя слабый запах жвачки и хлорки, звуками сброшенных ранцев и щелканьем пряжек ремней безопасности. Вперед дети не садились – запрещали новые дорожные правила, но, несмотря на обязанности водителя, а может, и благодаря им, Грейс любила возить девчонок в бассейн. Отличная возможность посмотреть, как дочь общается со сверстницами. В дороге девчонки свободно болтали; взрослый за рулем для них находился в другом измерении, и у мам появлялся шанс узнать много интересного – кто классный, а кто нет, кто влюбился, а кто разлюбил, кто из учителей хороший, а кто злой. Если слушать внимательно, можно расшифровать, на какой жердочке птичьей иерархии в настоящий момент восседает ваше чадо.

Плюс эта поездка – своеобразное развлечение, как и любая вылазка.

Джек снова задерживался на работе. Грейс наскоро соорудила ужин Макс и Эмме – вегетарианские наггетсы (считалось, что они полезнее для здоровья, а с кетчупом дети все равно не отличат), разогрела готовые картофельные оладьи и мороженую кукурузу «Веселый зеленый великан», на десерт почистила два апельсина.

Эмма уселась за уроки – ох, ну и задают же сейчас восьмилетним! – а ее мама, улучив свободную минуту, ушла в гостиную и открыла ноутбук.

Может, цифровая фотография и не была коньком Грейс, но она прекрасно понимала необходимость и возможности компьютерной графики и Интернета. У Грейс был собственный сайт, где можно было посмотреть ее работы, узнать, как их приобрести или как заказать портрет. Сначала эта идея казалась Грейс навязчивой саморекламой, но ее агент Фарли напомнил, что Микеланджело тоже писал за деньги и брал заказы, и Леонардо да Винчи, и Рафаэль, и все великие художники, которых знает мир, да кто она такая, чтобы быть выше этого?

Грейс отсканировала три наиболее удачных снимка с яблоками, чтобы с гарантией сохранились, а затем, повинуясь скорее минутному капризу, чем трезвому расчету, отсканировала и странную фотографию. Управившись, она пошла купать детей. Эмма захотела мыться первой. Когда она вылезала из ванной, Грейс услышала, что в замке поворачивается ключ – пришел Джек.

– Эй, – тихо позвал он. – Любвеобильные обезьянки ждут своего толстого бабуина?

– Дети еще не спят, – отозвалась Грейс.

– Упс.

– Не хочешь к нам присоединиться?

Джек, протопав вверх по лестнице – стены сотрясались при каждом его шаге, – обнял обеих своих девочек. Он был здоровяк, шесть футов два дюйма и двести десять фунтов весом. Грейс нравилось, что такой большой мужчина спит рядом, она любила прислушиваться к его ровному дыханию, любила его мужской запах, мягкие волосы на теле и его руку, обвивающую ее по ночам, обожала ощущение не только близости, но и безопасности. С ним она чувствовала себя маленькой и защищенной. Пусть это по-детски, но Грейс обожала это ощущение.

– Привет, пап, – сказала Эмма.

- Привет, котенок. Как школа?
- Хорошо.
- Все еще сохнешь по своему Тони?
- Фу-у-у!

Довольный такой реакцией, Джек поцеловал Грейс в щеку. Из комнаты вышел Макс, совершенно голый.

- Вы готовы к принятию ванны, милорд? – спросил Джек.
- Готовы, – ответил Макс.

Они хлопнули друг друга ладонью об ладонь. Макс пошел мыться под присмотром отца, нежась в теплой воде и море хохота, а Грейс помогла Эмме надеть пижаму. Из ванной раздавался залиvistый смех. Джек с Максом пели песенку, в которой девочка по имени Дженни Джексон не могла решить, платье какого цвета ей надеть. Джек начинал, предлагая цвет, Макс заканчивал двустишие, подбирая рифму. Грейс позабавила строчка, где Дженни Джексон не может носить голубой, потому что «выглядит как ковбой». Они сочинили уже много куплетов и каждый вечер хохотали над ними до колик в животе.

Джек насухо вытер Макса, одел в пижамку, отнес в постель и честно прочитал сыну две главы из «Чарли и шоколадная фабрика». Макс ловил каждое слово, замороженный, Эмма на правах взрослой девочки читала самостоятельно. Она лежала в кровати, увлеченная последней сказкой Лемони Сникета^[5] о сиротах Бодлер. Грейс присела рядом и полчаса делала наброски. Это было ее любимое время суток – работать в тишине в комнате старшей дочери.

Джек дочитал главу. Макс умолял его прочесть еще одну страничку, но Джек остался непреклонен. Он сказал, что уже поздно, и Макс нехотя согласился. Они поболтали еще пару минут о визите Чарли на фабрику Вилли Вонки, о котором прочитать не успели. Грейс прислушалась. Ее мужчины пришли к единодушному соглашению, что Роальд Даль просто классный.

Джек убавил свет – у них были специальные светильники, потому что Макс не любил спать в темноте, и пришел целовать дочку на

ночь. Эмма, папина принцесса, приподнялась, повисла у отца на шее и не отпускала. Джек просто таял от этого дочкиного способа одновременно выказать любовь и отсрочить отход ко сну.

– Есть что-нибудь новое в журнале? – спросил Джек.

Эмма кивнула. Ее ранец стоял рядом с кроватью. Порывшись в нем, она вытащила школьный журнальчик, развернула и предъявила отцу.

– Мы пишем стихи, – сказала она. – Я сегодня один начала.

– Супер, прочитай!

Эмма густо покраснела от волнения. Джек тоже залился румянцем. Кашлянув, она начала:

Баскетбольный мяч, а мяч,
Почему ты круглый?
Потрясающе бугристый
И нигде не впуклый?

Теннисный мяч, а мяч,
Почему ты так свистишь,
Когда, с размаху получив ракеткой,
Через сетку ты летишь?

Грейс наблюдала за ними с порога. Свободного времени у Джека с недавних пор стало катастрофически мало. В принципе она не возражала – тишина в доме давно стала редкостью. Ей требовался покой. Одиночество, предвестник скуки, стимулирует творческий процесс, поэтому настоящий художник сознательно доводит себя до такой степени уныния, чтобы пришло вдохновение. И оно приходит как миленькое. Знакомый писатель говорил Грейс, что, если уткнешься в сюжетный тупик, лучшее средство – почитать

телефонный справочник: когда приходишь до озверения, муза обычно является прочистить трудовые завалы в мозгах.

Эмма закончила читать стихотворение. Джек, подавшись назад, выдохнул:

– Ух ты!

Эмма скорчила мину, которая означала: она гордится собой, но не желает это показывать.

– Это самые лучшие стихи, какие я слышал, – искренне сказал Джек.

Эмма выразительно пожала плечами:

– Только два куплета.

– Значит, это самые блестящие две строфы, какие мне довелось слышать в жизни.

– Завтра еще о хоккейной шайбе напишу.

– Кстати, о хоккее...

Эмма села в кровати:

– Что?

Джек улыбнулся:

– Я взял билеты на «Рейнджеров» в «Гарден» на субботу.

Эмма, член малышовой спортивной «группировки», фрондировавшей против фанаток новой мальчишечьей рок-группы, издала восторженный вопль и снова повисла у отца на шее. Джек улыбнулся и с удовольствием обнял дочь. Они обсудили последние успехи команды и подсчитали шансы на победу над «Миннесота Уайлд». Через несколько минут Джек высвободился из объятий дочери, сказал, что любит ее, услышал ответ, что она тоже, и пошел к двери.

– Хочу что-нибудь съесть, – прошептал он Грейс.

– В холодильнике остатки курицы.

– Почему не переоденешься во что-нибудь более удобное?

– Надежда умирает последней.

Джек удивленно изогнул бровь:

– Все еще боишься, что ты для меня недостаточно привлекательна как женщина?

– О, кстати, напомнил...

– Что?

– Кое-что о вчерашнем кавалере Кору.

– Ничего хоть кавалер попался?

– Я спущусь через секунду.

Джек с недоумением взглянул на жену и стал спускаться по лестнице, что-то негромко насвистывая. Грейс подождала, пока дыхание дочки не станет ровным и глубоким. Выключив свет, она с минуту смотрела на нее. Так делал Джек – ночами он ходил по коридору, не в силах заснуть, охраняя сон детей. Иногда она просыпалась и обнаруживала, что его половина кровати пуста, а он сам стоит со стеклянными глазами в дверях той или другой детской. Она неслышно подходила, и муж говорил: «Ты их так любишь...» Он не заканчивал фразу – не нужно было ничего добавлять. Он мог и этого не говорить.

Джек не слышал, как она спустилась. Отчего-то – Грейс и сама не знала отчего – она подошла очень тихо. Джек стоял спиной к ней в напряженной позе, опустив голову. Это было необычно – Джек со своей гиперактивностью минуты не мог усидеть на месте. Совсем как Макс, который все время пребывал в движении. Сидя, Джек беспрестанно ерзал и тряс ногой. Энергия в нем просто бурлила.

А сейчас он застыл на месте, уставившись на кухонный стол – точнее, на странную фотографию.

– Джек!

Он резко выпрямился.

– Что это такое?

Грейс заметила, что волосы у мужа отросли чуть длиннее, чем надо. Пора подстричься.

– Ты мне скажи.

Джек промолчал.

– Это же ты на фотографии? С бородой?

– Что?! Ничего подобного.

Грейс посмотрела мужу в глаза. Он моргнул и отвел взгляд.

– Я забрала сегодня пленку из ателье, – сказала она.

Джек молчал. Грейс подошла ближе.

– Эта фотография оказалась в пачке.

– Подожди. – Грейс удивил его напряженный взгляд. – Это было в наших фотографиях?

– Да.

– А что за пленка?

– Та, что мы отсняли в яблоневоm саду.

– Бессмыслица какая-то.

Грейс пожала плечами и снова задала вопрос:

– Кто эти люди?

– Откуда мне знать?

– Блондинка рядом с тобой, с перечеркнутым лицом – кто это?

В это мгновение у Джека зазвонил сотовый. Он выхватил телефон, как стрелок с Дикого Запада свой верный кольт, буркнул «алло» и некоторое время слушал. Прикрыв рукой мембрану, он пояснил:

– Это Дэн.

Дэн тоже работал в отделе медицинских исследований в «Пентокол фармасьютикалс». Опустив голову, Джек направился в свой крошечный кабинет.

Грейс поднялась наверх и начала разбирать постель. Легкое стеснение в груди стало сильнее, давило настойчивее. Вновь вспомнились годы, прожитые во Франции. Джек никогда не рассказывал о своем прошлом. Грейс знала, что он из богатой семьи, владеющей внушительным трастовым фондом, но отчего-то он не общался с родней и не касался финансовых вопросов. У него была сестра-адвокат, которая жила не то в Лос-Анджелесе, не то в Сан-Диего, и совсем дряхлый отец. Грейс хотелось знать больше о семье мужа, но Джек наотрез отказывался говорить на эту тему, а она не настаивала, интуитивно чувствуя что-то неладное.

Они полюбили друг друга. Грейс рисовала, Джек работал на винограднике в Сен-Эмильоне в провинции Бордо. Они жили в Сен-Эмильоне, пока Грейс не забеременела Эммой. Тогда ее потянуло домой – ностальгия, которая кому-то покажется старомодной, желание растить детей на земле свободных и смелых. Джек хотел остаться во Франции, но Грейс настояла на своем. Теперь она сама не понимала почему.

Прошло полчаса. Грейс легла, укрылась одеялом и стала ждать. Через десять минут на улице послышался шум мотора. Вскочив, Грейс выглянула в окно.

От дома отъезжал большой универсал Джека.

Грейс знала, что муж любит ночной шопинг, предпочитая бродить по универсаму, когда там нет толп. Вроде бы ничего необычного не произошло, за исключением того, что Джек не поднялся в спальню спросить, что купить.

Грейс набрала сотовый мужа, включился автоответчик. Она сидела на кровати и словно чего-то ждала. Ничего не произошло. Она попыталась читать, но не могла сосредоточиться, слова тонули в тумане, не наполняясь смыслом. Через два часа Грейс снова позвонила Джеку и снова попала на автоответчик. Она заглянула к детям – те крепко спали, не ведая о тревогах.

Не выдержав, Грейс сошла вниз и перебрала фотографии. Странный снимок исчез.

Глава 2

Большинство людей заходят на сайты знакомств в поисках пары.

Эрик Ву находил там своих жертв.

Он регистрировался на сайтах под вымышленными именами, мужскими и женскими, и от каждого имени вел переписку в среднем с шестью подходящими кандидатурами. Он трижды зарегистрировался на сайте знакомств для людей любого возраста и традиционной ориентации, дважды – на сайте для одиноких, кому за пятьдесят, один раз – на сайте для геев и еще семь раз под женским именем – клеил лесбиянок, завлекая предложениями о серьезных отношениях.

Эрик Ву занимался онлайн-флиртом с сорока и даже пятьюдесятью обойденными лаской интернет-пользователями, постепенно узнавая их привычки. Как правило, виртуальные знакомые держались сдержанно и осторожно, но Эрик Ву был терпелив, и в конце концов у него набиралось достаточно ценных сведений, чтобы он мог решить – развивать отношения или разорвать их.

Сначала он клеил только дам, придерживаясь теории, что женщины – самые легкие жертвы. Но целью онлайн-романов отнюдь не было сексуальное удовлетворение, и вскоре Ву понял, что оставляет необработанными целые стаи непуганых пташек, которым и в голову не придет волноваться по поводу безопасности передачи личных сведений через Интернет. Мужчина, например, не боится изнасилования. Он не боится настойчивых ухажеров. Мужчина неосторожен, и это делает его более уязвимым.

Ву искал, если можно так выразиться, самых одиноких одиночек. Люди с детьми ему не подходили. Если у нового знакомого были родственники, живущие поблизости, то Ву переставал общаться. Если человек делил квартиру с друзьями, был увлечен карьерой или отличался общительностью и широким кругом приятелей – то же

самое. Ву были нужны не просто одинокие, но изолированные, без связей или привязанностей, делающих нас частью социума. Сейчас Ву требовался такой человек в географической близости к Лоусонам.

Жертва нашлась, и звали жертву Фредди Сайкс.

Сайкс работал в налоговой компании в центре Уолдвика, Нью-Джерси. Ему было сорок восемь лет, родители его умерли, братьев и сестер у него не было. Если верить игривому флирту на ViMen.com, Фредди, пока была жива его мать, заботился о ней и времени на личную жизнь не имел. Два года назад его мать скончалась, и Фредди унаследовал дом в Хо-Хо-Кус, развалюху в трех милях от дома Лоусонов. Снимок, размещенный в его профайле – только лицо, как для документов, – позволял предположить, что Фредди полноват. Блестящие черные волосы гладко зачесаны набок, чтобы скрыть плешь. Улыбка казалась вымученной, неестественной, словно Сайкс внутренне напрягся в ожидании удара.

Три недели назад у Фредди завязался бурный роман в письмах с неким пятидесятишестилетним Элом Сингером, удалившимся на покой топ-менеджером «Эксона». Эл Сингер состоял в браке двадцать два года и только недавно решился объявить жене, что склонен к «экспериментам». Жену Эл Сингер любил, но она не понимала его желания быть и с мужчинами, и с женщинами. Эл написал, что обожает путешествовать по Европе, любит хорошую кухню и смотреть спортивные телепрограммы. В качестве фотографии Сингера Ву использовал снимок из онлайн-каталога Юношеской христианской ассоциации. Его Эл Сингер выглядел спортивным, но не слишком смазливый – красавчик мог вызвать подозрения. Ву хотел, чтобы Фредди поверил в его легенду, – это было самым главным.

Соседями Фредди Сайкса в основном были молодые семьи, занятые своими делами. Типовой домишко ничем не выделялся среди десятков таких же. Ву проследил, как поднимается дверь гаража Сайкса, снабженная электронным управлением. Прямо из

дома можно попасть в гараж – отличная возможность незаметно подходить к машине.

Выждав десять минут, Ву нажал кнопку звонка.

– Кто там?

– Доставка для мистера Сайкса.

– От кого?

Фредди Сайкс не открыл входную дверь. Странно, обычно мужчины сразу открывают. Самонадеянность делает их беззащитными; это они легкая добыча, а не женщины. В самоуверенности их слабость. Ву заметил дверной глазок. Значит, сейчас Сайкс видит у себя на крыльце невысокого двадцатилетнего корейца в мешковатых штанах, крепкого и подтянутого. Должно быть, заметил серьгу у него в ухе и осуждающе подумал, как нынешняя молодежь себя уродует. А может, серьга и спортивная фигура Ву разбудили в Сайксе тигра, кто его знает.

– От «Топфит шоколад».

– Я спрашиваю, кто заказывал?

Ву притворился, что читает бланк заказа:

– Мистер Сингер.

Волшебные слова сработали: послышался звук отодвигаемого засова. Ву незаметно осмотрелся – никого. Фредди Сайкс с улыбкой открыл дверь. Ву не колебался ни секунды. Пальцы сами сложились в копье и клюнули Сайкса в горло, словно птица добычу. Фредди рухнул на пол. Быстрота одержала верх над внушительным весом и ростом. Ву проскользнул в дом и захлопнул дверь.

Фредди Сайкс лежал на спине, схватившись за шею. Он пытался закричать, но издавал лишь сдавленный клекот. Ву перевернул его на живот. Фредди задыхался. Ву задрал рубашку жертвы. Фредди попробовал брыкаться. Опытными руками Ву прощупал позвоночник Сайкса и нашел нужную точку между четвертым и пятым позвонком. Фредди снова брыкнул ногой. Ву глубоко воткнул указательный и большой пальцы в плоть, словно штыки, почти разрывая кожу.

Фредди напрягся.

Ву давил, смещая суставы, чувствуя, как пальцы входят между позвонками; затем цепко сомкнул их и выдернул. В спине Сайкса что-то лопнуло со звуком порвавшейся гитарной струны.

Ноги Фредди сразу обмякли.

Он больше не двигался.

Но Фредди Сайкс был жив. Хорошо. Именно этого Ву и добивался. Раньше он убивал своих жертв сразу, но со временем понял: это нерационально. Живой Фредди мог позвонить начальнику и сообщить, что берет отгул. Живой, он мог сообщить ПИН-код кредитки, и Ву мог снять деньги в банкомате. Живой, он мог ответить на звонки, если кому-нибудь вдруг придет в голову позвонить.

Кроме того, пока Фредди жив, можно не волноваться о трупном запахе.

Ву засунул кляп в рот Сайкса и оставил его голого в ванне. Умелое смещение позвонков привело скорее к контузии, чем к разрыву спинного мозга. Ву проверил результаты проделанной работы. Ногами Фредди двинуть не мог. Дельтовидные мышцы плеч работали, но ниже локтей руки не слушались. Важнее всего было то, что он мог дышать.

Но для любых практических действий Фредди Сайкс был парализован.

А в ванне в случае чего легко смыть любую грязь. Глаза Фредди были слегка расширены. Ву много раз видел этот взгляд: смертельный ужас миновал, а смерть еще не пришла; в глазах Сайкса читалась пустота, страшная пропасть между ужасом и смертью.

Не было решительно никакой необходимости связывать Фредди.

Ву сидел в темноте и ждал наступления ночи. Закрыв глаза, предавался воспоминаниям. В его жизни были тюрьмы в Рангуне, где изучали переломы позвоночника на трупах повешенных. Их учили, где должен находиться узел, где приложить силу, какой эффект будет при той или иной позе. В Северной Корее, где тюрьма

для политзаключенных на долгих пять лет стала домом тринадцатилетнему Ву, пошли еще дальше: врагов народа уничтожали изошренно. Ву много раз проделывал это голыми руками, затвердевшими от ударов по каменным глыбам. Он изучил человеческую анатомию лучше многих студентов-медиков. Но свою технику он оттачивал на живых людях.

Очень важно найти точку между четвертым и пятым позвонком. Чуть выше – и жертва будет полностью парализована. Дышать за нее некому, и смерть наступит очень быстро. Чуть ниже, и парализует только ноги; руки еще будут действовать. Если надавить слишком сильно, можно сломать позвоночник. Словом, весь фокус в точности и мастерстве, которые приходят только с практикой.

Ву включил компьютер Фредди, решив пообщаться с неприкаянными душами из своего списка – никогда не знаешь, когда потребуется менять жилье. После этого Ву разрешил себе поспать. Проснувшись через три часа, он сходил взглянуть на Фредди. Глаза Сайкса, уже немного остекленевшие, невидяще смотрели в одну точку, часто моргая.

Когда Ву позвонили на сотовый, было почти десять вечера.

– Устроился?

– Да.

– У нас тут ситуация.

Ву ждал.

– Необходимо ускориться. Это проблема?

– Нет.

– Нужно брать его немедленно.

– Куда везти?

Ву слушал, запоминая указания.

– Вопросы есть?

– Нет.

– Эрик...

Ву подождал.

– Спасибо, парень.

Ву нажал отбой. Найдя ключи от «хонды» Сайкса, он пошел в гараж.

Глава 3

Грейс не решалась вызывать полицию, но и заснуть она не могла.

В качестве заставки или скринсейвера на домашнем компьютере была семейная фотография, сделанная в прошлом году в Диснейленде, – все четверо вокруг Гуфи в Эпкот-центре. Джек, нацепивший уши Микки-Мауса, ухмыляется до ушей, Грейс улыбается более сдержанно: все это казалось ей глупым, но надо было подыграть Джеку. Она тронула мышку, и ее семья исчезла.

Грейс нажала иконку нового файла, и на экране появилась треклятая фотография с незнакомыми студентами. Файл открылся в программе «Адоб фотошоп». Несколько минут Грейс вглядывалась в молодые лица, ища не зная что, может быть какую-то подсказку. Озарения не последовало. Выделив лица, Грейс увеличила их до шестнадцати квадратных дюймов – большой масштаб совершенно размывал и без того нечеткое изображение. В цветном принтере была хорошая бумага, и Грейс послала увеличенные фрагменты на печать. Вооружившись ножницами, она принялась за работу.

Вскоре у нее были готовы пять отдельных снимков молодых людей со странной фотографии. Грейс снова всех внимательно рассмотрела, уделив особое внимание блондинке рядом с Джеком. Девушка была довольно красива – прекрасный цвет лица, длинные светлые волосы – и смотрела на Джека так, что Грейс ощутила укол ревности. Это не был мимолетный, приятельски-безразличный взгляд. Как странно... Кто она? Подружка, о которой Джек никогда не упоминал? Ну и что, у Грейс тоже были романы, почему бы и Джеку не иметь секретов? С какой стати ей сходить с ума, глядя на старую фотографию?

Господи, что же делать?

Нужно дождаться Джека. Когда он придет, она потребует объяснений.

Объяснений чего?

Немного отмотаем события назад. Что все-таки произошло? Старый снимок, где вроде бы снят Джек, случайно попал в конверт с их семейными фотографиями. Невероятное совпадение, никто не спорит. Мистика какая-то, даже мороз по коже, особенно при виде блондинки, безжалостно и красноречиво перечеркнутой крест-накрест. Джек и раньше задерживался допоздна и не звонил. Так зачем волноваться? При виде этой фотографии он отчего-то расстроился, отключил телефон и сидит, наверное, где-нибудь в баре. Или дома у Дэна. Все это наверняка чья-нибудь идиотская шутка.

Ага, конечно. Шутка. Вроде «погребем до бассейна».

Сидя ночью в комнате, освещенной лишь мерцанием монитора, Грейс искала рациональные объяснения происходящему и бросила это занятие, лишь спохватившись, что слишком нервничает.

Грейс щелкнула мышкой на лице молодой женщины, смотревшей на ее мужа влажным зовущим взглядом, сделав изображение крупнее. Вглядевшись в монитор до рези в глазах, Грейс замерла. Фотография по-прежнему оставалась загадкой, но одно было до жути очевидным.

Она где-то видела блондинку с фотографии.

Глава 4

Рокки Конвелл занял пост возле дома Лоусонов.

Он попытался поудобнее устроиться в «тойоте-селика» восемьдесят девятого года выпуска, но это было нереально – Рокки был слишком крупным для небольшого салона дерьмовой тачки. С силой дернув за чертов рычаг, он чуть не вырвал его с корнем, но сиденье не пожелало отодвигаться. Ладно, потерпим. Кое-как усевшись, Рокки закрыл на пару минут глаза.

Господи, как же он устает, вкалывая на двух работах! Во-первых, чтобы произвести впечатление на надзирающего за освобожденными условно-досрочно, он выстаивал десятичасовые смены за конвейером «Будвайзера» в Ньюарке, а во-вторых, сидел в растреклятом драндулете и пялился на дом; эту халтурку Рокки, разумеется, нигде не афишировал.

Услышав шум, Рокки встрепенулся и схватил бинокль. Черт, кто-то завел минивэн. Он быстро навел фокус. За рулем сидел Джек Лоусон. Рокки опустил бинокль, сдвинулся вперед вместе с сиденьем и приготовился ехать следом.

Рокки вкалывал на двух работах, потому что нужны были деньги. Лоррейн, его бывшая, с недавних пор намекала на возможность примирения, но натура у нее была непостоянная, и только наличные, как по опыту знал Рокки, могли склонить чашу весов в его сторону. Он любил Лоррейн и очень хотел ее вернуть. С Лоррейн он был счастлив. И если для счастья он должен работать с утра до вечера, Рокки был только рад платить эту цену.

Рокки Конвелл не всегда жил, как сейчас. В свое время он играл в защите в Уэстфилд-Хай. В команду Пенсильванского университета его принял лично Джо Патерно, разглядев в Рокки прирожденного заднего нападающего с пушечным ударом. Шесть футов четыре дюйма роста, двести шестьдесят фунтов веса и врожденная агрессивность, пришедшаяся как нельзя более к месту, на четыре

года сделали Рокки звездой. Их команда два года подряд побеждала в турнире «Большой десятки». «Сент-Луис Рэмс» выбрали его в седьмом раунде драфта.

Какое-то время казалось, что сам Господь ведет его по жизни, постелив ковровую дорожку. Рокки было настоящее имя Конвелла – у матери начались роды во время просмотра фильма «Рокки» летом семьдесят шестого. Если вас называли Рокки, для вас же лучше вырасти большим и сильным и быть готовым к разборкам. Вот из него и вышел профессиональный футболист, за которого дрались футбольные команды. С Лоррейн, сногшибательной красоткой, способной не только остановить движение на оживленном шоссе, но и повернуть его вспять, Рокки сошелся еще на третьем курсе. Они здорово втрескались друг в друга. Жизнь была прекрасна.

Но скоро все изменилось.

В колледже Рокки был одним из лучших игроков, но между Университетской футбольной лигой и профессиональным футболом есть большая разница. На сборах в «Рэмс» всем нравились его проворство, порядочность, готовность сносить удары ради игры. Не устраивала лишь скорость – в современном футболе, где акцент делается на точные пасы и прикрытия, Рокки попросту был недостаточно хорош. По крайней мере, так ему сказали. Рокки не сдался. Он начал принимать больше стероидов. Мышечная масса увеличилась, но он по-прежнему был недостаточно крупным для передней линии. Рокки продержался один сезон, играя за «Рэмс» в специальных командах, но на следующий год с ним разорвали контракт.

Однако мечта и не думала умирать. Рокки не сдавался: он без устали качал мышцы и без меры колол стероиды. Все спортсмены так делают. Отчаяние заставило его позабыть об осторожности: он не задумывался о том, что можно «перекачаться», махнул рукой на режим – все ради мышечной массы, и при этом постоянно пребывал в депрессивном состоянии – не то от стероидов, не то от огромного разочарования, не то от убойного коктейля из этих двух факторов.

Чтобы свести концы с концами, Рокки пошел во Всемирную федерацию по абсолютным поединкам, – возможно, читатель помнит эти бои без правил в восьмиугольных клетках. Какое-то время кровавые стычки с любыми приемами и захватами были на пике популярности на платных каналах. Рокки дрался хорошо – крупный, сильный, прирожденный боец. Он обладал огромной выносливостью и знал, как заставить противника выложиться.

Но в конце концов жестокость поединков перевесила в глазах большинства интерес к боям без правил. Штат за штатом признавал абсолютные поединки незаконными. Некоторые участники переехали в Японию – там такие поединки оставались легальными. Но Рокки по-прежнему верил, что еще попадет в НФЛ, просто нужно работать как следует. Стать немного мощнее, немного крупнее, немного быстрее.

Минивэн Джека Лоусона выехал на Семнадцатое шоссе. Инструкции у Рокки были четкие: следовать за Лоусоном, записывать, куда он ездит, с кем говорит, фиксировать все подробности поездок, но ни в коем случае – ни в коем случае! – не вступать в контакт. Его дело наблюдать, и только.

Да, легкие деньги.

Два года назад Рокки затеял драку в баре – какой-то тип слишком долго смотрел на Лоррейн. Рокки спросил, на что это он уставился, и услышал в ответ: «Да там и смотреть-то не на что». Ну, дальше можно не описывать: перед приходом в бар Рокки успел заправиться стероидами. Он провез нахала мордой по стойке и был арестован по заявлению пострадавшей стороны об избиении. В тюрьме Рокки провел три месяца и был освобожден условно. Терпение Лоррейн лопнуло. Обозвав мужа лузером, она бросила его.

Теперь он пытался загладить свою вину.

С наркотой Рокки завязал. Мечты умирают трудно, но он наконец-то понял, что в НФЛ ему не играть. Что ж, у него много талантов. Из него получится хороший тренер – Рокки умел мотивировать игроков. У одного из его друзей есть связи в их старой альма-матер,

Уэстфилд-Хай. Если Рокки проживет условняк без записей о нарушениях, его возьмут координатором команды защиты в университете, а Лоррейн поступит на место университетского психолога, и жизнь вновь наладится.

Нужно всего-то ничего «подъемных».

От минивэна Рокки держался довольно далеко. Его мало беспокоило, что Джек Лоусон заметит «тойоту»: Лоусон – любитель, он не будет проверять наличие «хвоста». Так Рокки сказал наниматель.

Лоусон пересек границу штата Нью-Йорк и по скоростному шоссе катил на север. Было десять часов вечера. Рокки подумал: не доложить ли о ситуации, но решил повременить. Сообщать, по сути, нечего – ну, решил клиент проехаться, еду за ним. Как предписано.

Бедро свело судорогой. Господи, ну что же в этой жестянке так мало места для ног!

Через полчаса Лоусон подъехал к «Вудбери коммонс», большому торговому комплексу, где известные фирмы сбывали залежавшийся товар. «Коммонс» был закрыт. Минивэн перестроился на свободную крайнюю полосу. Рокки отстал, понимая, что иначе Лоусон обязательно заметит «тойоту». Он заехал в парк, остановился, выключил фары и взял бинокль.

Джек Лоусон припарковался и вышел. Невдалеке стояла другая машина. Наверняка подружка Лоусона. Странное место для романтических свиданий, но о вкусах не спорят. Джек посмотрел вправо-влево и зашагал к небольшой купе деревьев. Черт, придется топать пешком.

Рокки опустил бинокль и с трудом выбрался из «селики». Он был в семи-восьми десятках ярдов от Лоусона и не хотел подходить ближе. Присев на корточки, он снова поднес бинокль к глазам. Лоусон остановился, обернулся и...

Это еще что?

Рокки быстро перевел бинокль вправо. Слева от Лоусона стоял мужчина. Рокки покрутил колесико, настраивая резкость, приближая

изображение. Незнакомец был одет в штаны и майку в стиле милитари. Невысокий, но очень крепкий, что называется, квадратного телосложения. Качок, решил Рокки. Человек, по виду китаец, или кто они там, стоял совершенно неподвижно, как каменный.

По крайней мере несколько секунд.

Нежным, почти любовным жестом китаец положил руку на плечо Лоусона. На долю секунды Рокки даже подумал, что нарвался на свидание гомиков. Но то, что произошло дальше, его сразу разубедило, развеяв буквально все сомнения.

Джек Лоусон рухнул на землю, как марионетка, у которой перерезали нити.

Рокки подавил судорожный всхлип. Секунду китаец смотрел на распростертое тело, затем нагнулся и подхватил Лоусона за... черт, похоже, он поднял его за шею. В смысле за шкурку, как щенка или котенка.

Ничего себе, озадаченно подумал Рокки, об этом лучше доложить.

Без малейших видимых усилий китаец потащил Лоусона к машине одной рукой, словно это был не здоровяк с брюшком, а кейс или сумка. Рокки потянулся за сотовым...

Черт, он оставил его в «тойоте».

Так, ладно, соображаем быстро. Машина, на которой приехал китаец, – «хонда-аккорд», с номерами Нью-Джерси. Рокки пытался запомнить номер, а китаец между тем открыл багажник и затолкал туда Лоусона, словно мешок с бельем для прачечной.

Вот черт, теперь-то что делать?

Полученные инструкции Рокки хорошо помнил – не вмешиваться. Сколько раз он это слышал – что бы ни происходило, не вмешивайся, только наблюдай.

И сейчас он не знал, что делать.

Ехать за «хондой»?

Не пойдет. Джек Лоусон в багажнике. Рокки не знал Лоусона и мог только догадываться, почему за ним установили слежку, – скорее

всего, жена заподозрила в неверности. Но одно дело – проследить и доказать наличие интрижки, и совсем другое...

На Лоусона совершено нападение. Да что там, его конкретно запер в багажнике какой-то накачанный Джеки Чан. Так неужели Рокки должен и здесь остаться в стороне и дать мужику загнуться?

Да перебьется узкоглазый!

Что бы Рокки ни делал, кем бы ни стал, он не собирался бросать Лоусона на произвол судьбы. А если «хонда» быстро скроется или в багажнике не хватит воздуха? Что, если Лоусон серьезно травмирован и сейчас умирает?

Необходимо что-то делать.

Позвонить в полицию?

Китаец захлопнул багажник и пошел к водительскому месту.

Слишком поздно кому-то звонить. Надо действовать самому.

Рокки был шесть футов четыре дюйма ростом и весил двести шестьдесят фунтов, причем состоял сплошь из каменно-крепких мышц. Он был профессиональный боец – не боксер для показухи, не фальшивый, постановочный рестлер. Сейчас у него не было оружия, но ему не раз приходилось справляться без ствола.

Рокки с места перешел на бег.

– Эй! – крикнул он. – Эй, ты! А ну стой!

Китаец – подбежав поближе, Рокки разглядел, что его противник очень молод, даже не парень, а почти мальчишка, – поднял голову. Выражение его лица не изменилось. Он просто смотрел, как Рокки к нему бежит. Не шевелился, не пытался сесть в машину и уехать. Он терпеливо ждал.

– Эй!

Китаец стоял неподвижно.

Рокки остановился в ярде от него. Их глаза встретились. Рокки не понравился этот взгляд. Его противниками в футболе порой были самые настоящие психи. На боях без правил Рокки попадались реальные садисты. Он не раз смотрел в глаза явных пациентов лечебницы для душевнобольных, которым нравилось причинять

боль другим. Но здесь было что-то другое – Рокки словно смотрел в глаза мертвецу или неживому объекту. Камню, что ли. В узких глазах не было ни страха, ни жалости, ни мысли.

– Что вы хотели? – спросил китаец.

– Я все видел. Выпусти мужчину из багажника!

Парень кивнул:

– Да-да, конечно.

И посмотрел на багажник. Рокки невольно проследил за его взглядом. И в эту секунду Эрик Ву нанес удар.

Самого движения Рокки не заметил. Ву молниеносно присел, чуть развернув бедра, словно скрученная пружина, и как будто выстрелил рукой, нанеся Рокки удар под ребра – снизу и сзади. Рокки не впервые было получать по почкам – ему доставалось от здоровяков вдвое выше низкорослого китайца, но сейчас он буквально задохнулся от боли – под ребра словно вошла кувалда.

Он болезненно крикнул, но устоял на ногах. Ву шагнул вперед и с силой ткнул Рокки в печень – по ощущениям, чем-то похожим на шампур. Внутри что-то словно взорвалось болью.

Рот открылся, но крика не последовало. Рокки рухнул на землю. Ву опустился рядом. Последнее, что Рокки увидел в своей жизни, было лицо Эрика Ву, спокойное и безмятежное, и почувствовал, как китаец подсунул маленькие руки ему под ребра.

«Лоррейн», – мелькнуло в голове Рокки. А затем все оборвалось.

Глава 5

Проснувшись от собственного крика, Грейс резко села в постели. В коридоре по-прежнему горел свет, в дверном проеме маячила темная фигура, но это был не Джек.

Она проснулась, хватая ртом воздух. Это сон. Грейс это знала. В глубине души она каждый раз понимала, что это всего лишь сон. Кошмар приходил и раньше, много раз, к счастью, длился недолго. Скоро можно юбилей отмечать, устало подумала она.

Грейс пыталась успокоиться. Ничего страшного не произошло. Сон всегда начинался и заканчивался одинаково. Интересное происходило в середине.

Во сне Грейс оказалась в старой «Бостон-Гарден» у самой сцены, от которой ее отделял невысокий, по пояс, стальной барьер – на улице к таким цепью пристегивают велосипеды. На него Грейс и облокотилась.

Из динамиков звучали «Бледные чернила». Это было невозможно – концерт еще не начался. «Бледные чернила» были хитом группы Джимми Экса, хитом года, и теперь часто исполняемым по радио. В «Бостон-Гарден» это была не запись, живое исполнение – в паузе. Если страшный сон считать чем-то вроде фильма, то «Бледные чернила» можно назвать саундтреком.

Стоял ли рядом с ней Тодд Вудкрофт, ее тогдашний бойфренд? Иногда Грейс снилось, что она держит его за руку, хотя между ними никогда не было подобных трогательных отношений, а затем, когда становилось страшно, холода под ложечкой добавляло ощущение его ускользающей руки. В реальности Тодд был рядом с ней. Во сне – лишь иногда. Сегодня – нет. Сегодня ночью он скрылся и не пострадал. Она никогда не винила его зато, что с ней произошло, – он ничего не мог поделать. Тодд не навещал ее в больнице – Грейс и это простила ему. Их студенческий роман дышал на ладан, отчего-то не перейдя в крепкую дружбу. Кому нужны разборки на этом этапе?

Кому придет в голову торжественно расставаться с девушкой, которая лежит на больничной койке? Так лучше для обоих, решила Грейс, предоставив событиям идти своим чередом.

Во сне Грейс знала, что трагедия вот-вот произойдет, но ничего не предпринимала. Сон не был предупреждением или призывом искать выход. Грейс удивлялась, отчего это, но сны вообще такое дело – во сне ты бессилён, даже зная наперед, что случится, ты раб воспоминаний, отложившихся в твоём подсознании. Или ещё проще: нет времени – во сне до трагедии несколько секунд. В реальности, согласно свидетельству очевидцев, Грейс и все остальные простояли у сцены больше четырёх часов.

Настроение зрителей от возбуждённого перешло к взвинченно-нетерпеливому, раздражённому и, наконец, враждебному. Джимми Экс, он же Джеймс Ксавье Фармингтон, рок-идол с роскошной шевелюрой, должен был выйти на сцену в половине девятого, и все надеялись, что уж к девяти-то он раскачается. Но время неумолимо приближалось к полуночи. Сначала толпа скандировала имя Джимми, теперь уже хором кричали: «Позор!» Шестнадцать тысяч зрителей, включая тех, кому, как Грейс, повезло занять стоячие места у самой сцены, поднялись как один, требуя концерта. Прошло десять минут, прежде чем они дождались какой-то реакции – из динамиков послышался шорох. Толпа, сразу вернувшись к прежнему восторжённому состоянию, радостно заревела.

Но голос в динамиках объявил не начало концерта. Послышалось монотонное сообщение о том, что выступление задерживается по крайней мере ещё на час. Без объяснения причин. На мгновение толпа замерла. Крытый стадион затопила тишина.

С этого и начинался её сон – с затишья перед бурей. Грейс снова стояла перед сценой. В реальности в то время ей был двадцать один год, но во сне она ощущала себя старше. Это была иная, словно «параллельная» Грейс, вышедшая замуж за Джека и ставшая матерью Эммы и Макса, однако каким-то образом оказавшаяся на

концерте в год окончания колледжа. Опять странности сна, двойная реальность, параллельное «я» накладывается на реальное.

Откуда брались эти эпизоды сна – из подсознания или из прочитанного о трагедии много времени спустя, Грейс не знала. Возможно, причудливо переплелись оба источника. Сны открывают путь воспоминаниям. Когда Грейс бодрствовала, она совершенно не помнила той ночи и предшествовавших дней. Последнее, что сохранила память, – подготовка к экзамену по политологии, который она сдала за пять дней до концерта. Врачи заверили Грейс, что при такой черепно-мозговой травме это неудивительно, но подсознание – странная штука. Может, сны – это сохранившиеся воспоминания? Или все же воображение? Вероятнее всего, игра воображения, замешенная на воспоминаниях.

В любом случае, взявшийся то ли из памяти, то ли из репортажей о трагедии, раздавался выстрел. Затем еще. И еще.

Тогда на входах на стадионы и подобные массовые площадки еще не устанавливали рамки металлодетекторов. Кто угодно мог пронести пистолет. Сразу после происшествия было много споров о том, откуда были произведены выстрелы. Сторонники теории заговора до сих пор не унимаются, словно в «Бостон-Гарден» имелся свой травянистый холмик^[6]. Так или иначе толпа зрителей, молодежь, распаленная многочасовым ожиданием, мгновенно обезумела. Все закричали, куда-то побежали, кинулись к выходам...

Многие в панике полезли на сцену.

Грейс не повезло – ее прижали к стальному барьеру, чуть не переломив пополам, животом через верхнюю перекладину. Все кричали как безумные и неудержимо напирали. Парень рядом с ней – позже она узнала, что его зовут Райан Веспа и ему было девятнадцать лет – не успел выставить руки, и его вмяли в стальную решетку под неудачным углом.

Грейс видела – был ли то сон или воспоминания? – как кровь толчками выплескивалась изо рта Райана Веспы. Наконец барьер

подался и рухнул. Грейс оказалась внизу. Она пыталась встать, но ее повалила и затоптала толпа бегущих обезумевших людей.

Эту часть она помнила прекрасно – так было на самом деле. Эпизод, когда Грейс лежала, погребенная под множеством тел, к сожалению, не принадлежал исключительно миру снов.

Паника продолжалась. На Грейс наступали десятки ступней, ее руки и ноги топтали. Люди спотыкались и падали на нее, как каменные блоки. Давление росло. У Грейс трещали кости. Скоро сверху навалились десятки отчаявшихся, задыхающихся, ползущих зрителей.

Вокруг стоял сплошной крик. Грейс оказалась в самом низу под упавшими. Уже не было видно света. Невозможно двинуться. Невозможно вздохнуть. Грейс задыхалась – ее словно утопили в жидком бетоне или утянули в воду на большую глубину.

Давление стало нестерпимым. Словно гигантская рука расплющивала ее голову, и та поддавалась с треском, как пластмассовый стаканчик.

Спасения не было...

На этом месте сон, к счастью, обрывался, и Грейс просыпалась, хватая ртом воздух.

В реальности Грейс пришла в себя четверо суток спустя и почти ничего не помнила. Сначала она думала, что это утро того дня, когда ей предстоит сдавать последний экзамен по политологии. Врачи осторожно сообщили ей, что она серьезно пострадала. В частности, у нее была трещина черепа – на счет этой травмы отнесли головные боли и потерю памяти. Это не была амнезия, подавленные воспоминания или иной психологический феномен. Это было физическое повреждение мозга, что не редкость при тяжелых черепно-мозговых травмах с потерей сознания. Выпадение из памяти нескольких часов и даже дней в таких случаях не редкость. Еще у Грейс были раздроблены бедренная и большая берцовая кость и сломаны три ребра. Коленная чашечка буквально сломалась пополам, а головка бедра вышла из сустава.

Сквозь ватный туман обезболивающих Грейс все-таки поняла, что ей еще «повезло» – восемнадцать юношей и девушек от четырнадцати до двадцати шести лет были затоптаны насмерть во время паники в «Бостон-Гарден», которую пресса уже окрестила Бостонской давкой.

Силуэт в дверном проеме шевельнулся:

– Мам!

Это была Эмма.

– Что, детка?

– Ты кричала.

– Это ничего. Даже у мамы бывают ночные кошмары.

Эмма по-прежнему стояла в тени.

– А где папа?

Грейс посмотрела на будильник. Без пятнадцати пять. Она проспала минут десять.

– Он скоро вернется.

Эмма не уходила.

– Ты что, боишься?

– Мам, можно, я с тобой посплю?

«Хватит с меня дурных снов на сегодня», – подумала Грейс, откидывая одеяло.

– Конечно, дочка.

Эмма залезла на отцовскую сторону. Грейс накрыла ее одеялом и крепко прижала к себе, не сводя глаз с будильника. Ровно в семь часов – она видела, как поменялись цифры с 6:59, – Грейс поддалась панике.

Джек никогда прежде не делал ничего подобного. Будь это обычная ночь, если бы он зашел и сказал, что едет за продуктами, если бы перед уходом отпустил двусмысленную шутку насчет арбузов и бананов, что-нибудь смешное и неприличное, она бы уже сто раз позвонила в полицию.

Но события прошлой ночи нельзя назвать нормальными: сначала фотография, затем – его реакция. И ведь даже не поцеловал на

прощание.

Эмма зашевелилась под одеялом. Через несколько минут вошел Макс, потирая кулачками глаза. Обычно завтрак готовил Джек, он был ранней пташкой. Грейс на скорую руку соорудила еду, нарезав банан в кукурузные хлопья, ловко уходя от ответов на вопросы, куда делся папа. Пока дети жевали хлопья, она тихо прошла в комнату Джека и позвонила ему в офис. Трубку никто не поднял – было еще очень рано.

Натянув костюм мужа, она проводила детей к остановке школьного автобуса. Эмма раньше всегда обнимала ее, прежде чем сесть в автобус, но с некоторых пор стала стесняться, наверное, повзрослела. Девочка торопливо поднялась в салон, и Грейс оставалось лишь пробурчать себе под нос насчет кое-кого, кто стесняется обнять мать, но обязательно прибегает под мамино крылышко, испугавшись ночью. Макс обнял маму, но коротко и с заметной неохотой, протопал по ступенькам, и дверь с громким воздушным выдохом закрылась, словно проглотив мальчишку.

Грейс как щитком прикрыла глаза от солнца ладонью и привычно провожала автобус взглядом, пока он не свернул на Брайден-роуд. Даже сейчас, спустя столько времени, ей страшно хотелось кинуться в «сааб» и поехать следом, просто чтобы убедиться, что эта непрочная коробка из желтой жести довезет детей до школы в целости.

Что же случилось с Джеком?

Она пошла было в дом, но при мысли о Джеке свернула к «саабу», припустила бегом, быстро села за руль, и машина сорвалась с места. Автобус она нагнала на Хайтс-роуд и ехала за ним до школы Уиллард. Въехав на парковку, она дождалась, пока из автобуса вышли Эмма и Макс, сгорбившись под тяжестью ранцев, и смотрела им вслед, едва сдерживая знакомую нестерпимую нежность. Грейс подождала, пока они пройдут по дорожке к крыльцу, поднимутся и исчезнут за школьными дверями.

И тут, впервые за все это время, она заплакала.

Грейс ожидала, что полицейские будут в штатском и придут непременно вдвоем. Один окажется суровым и резким опытным служакой, другой – молодым и симпатичным агентом, так всегда показывают в фильмах. Однако местный коп приехал один, в форме патрульного и на соответствующей машине.

Он представился как Дейли и действительно оказался молодым. Даже очень молодым, с редкими прыщами на лоснящихся, пухлых, как у младенца, щеках. Он, видимо, много качался в спортзале – края коротких рукавов рубашки перетягивали раздутые бицепсы. Дейли держался с вынимающим душу терпением и изъяснялся монотонной скороговоркой сельского блюстителя порядка, втолковывающего первоклашкам правила безопасной езды на велосипеде.

Он приехал через десять минут после звонка по обычному – не экстренному – номеру вызова полиции. Вообще, как сказал ей диспетчер, по таким случаям они приглашают в отделение и просят заполнить форму заявления, но Дейли случайно оказался в том районе и смог заехать по пути. Грейс опять повезло.

Присев у кофейного столика, полицейский достал чистый бланк анкеты, щелкнул кнопкой ручки и начал задавать вопросы.

– Имя пропавшего?

– Джон Лоусон. Но все зовут его Джек.

– Адрес и телефон?

Грейс продиктовала.

– Место рождения?

– Лос-Анджелес, Калифорния.

Полицейского интересовали рост, вес, цвет глаз и волос, пол (ей-богу, он спросил пол Джона Лоусона), наличие шрамов, родинок, татуировок и возможное местонахождение.

– Я не знаю, – сказала Грейс. – Поэтому и позвонила в полицию.

Дейли кивнул.

– Ну, он у вас мужчина совершеннолетний...

– Что?

– Я говорю, он взрослый.

– Разумеется.

– Это усложняет дело.

– Почему?

– У нас новый порядок заведения дел о пропавших, буквально пару недель назад ввели.

– Извините, я ничего не понимаю...

Дейли театрально вздохнул.

– Чтобы занести кого-то в розыскную базу данных, нужно, чтобы человек подходил по ряду критериев. – Коп пододвинул к себе другой листок бумаги. – Ваш муж инвалид?

– Нет.

– Он в опасности?

– Что вы имеете в виду?

Дейли прочитал с листа:

– «Лицо, достигшее совершеннолетия, которое считается пропавшим или находится в обществе другого человека в обстоятельствах, указывающих, что его/ее безопасность под угрозой».

– Не знаю, я же вам говорю, он уехал сегодня ночью и...

– Значит, нет, – заключил Дейли, просматривая листок до конца. – Пункт номер три. Удержание против воли. Похищение или насильственный увоз.

– Не знаю.

– Понятно. Пункт номер четыре. Жертва катастрофы – ну, там, пожар, падение самолета...

– Нет.

– И последняя категория – несовершеннолетние... Это мы уже обсудили. – Он опустил листок. – Вот в этом и дело. Нельзя объявить человека в розыск, если он не подходит ни под одну из этих категорий.

– Значит, если кто-то пропадает, вы ничего не делаете?

– Я бы так не говорил, мэм.

– А как бы вы сказали?

– У нас нет доказательств, что произошло нечто противозаконное. Если мы получим какие-нибудь доказательства, немедленно заведем дело и начнем расследование.

– Еще раз: значит, сейчас вы ничего предпринимать не станете?

Отложив ручку, Дейли подался вперед, упираясь локтями о колени, и шумно вздохнул:

– Могу я говорить с вами откровенно, миссис Лоусон?

– Будьте так любезны.

– В большинстве подобных случаев – я бы даже сказал, в девяноста девяти из ста – муж просто загулял. Наверняка имеется любовница. Мужчина сам не хочет, чтобы его нашли.

– Уверяю вас, здесь совершенно другое дело...

Дейли кивнул:

– И в девяноста девяти случаях из ста именно эту фразу мы слышим от супруги.

Снисходительный тон понемногу вывел Грейс из себя. Ей и без того неловко было откровенничать с таким сопляком. Она о многом умалчивала, словно боясь, что, если расскажет правду, предаст Джека. Да и как бы это прозвучало? «Понимаете, я нашла странное фото в пачке наших снимков, полученных в фотоателье, мы снимались в яблоневом саду в Честере, а Джек сказал – это не он, снимок действительно старый, ничего не разглядишь, а потом муж ушел из дома, ничего не объяснив...»

– Миссис Лоусон?

– Да?

– Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да. Что у меня не происшествие, а готовый анекдот – муж завел любовницу, а жена пытается с полицией вернуть его в лоно семьи. Вы это пытаетесь сказать?

Дейли не обиделся.

– Пожалуйста, поймите нас правильно. Мы не можем начать поиски, пока не получим доказательств, что совершено преступление. Таковы правила, установленные NCIS. – Он указал на листок бумаги и расшифровал с большим пиететом: – Национальным центром информации о преступлениях.

Грейс с трудом сдержалась, чтобы не сказать лишнего.

– Даже если найдем вашего мужа, мы не сообщим вам о его местонахождении. У нас свободная страна, а он совершеннолетний. Мы не можем насильно вернуть его домой.

– Я в курсе.

– Но мы можем сделать кое-какие запросы, осторожно навести справки...

– Великолепно.

– Скажите марку и номер машины.

– «Форд-виндстар».

– Цвет?

– Темно-синий.

– Год выпуска?

Грейс не помнила.

– Номер?

– Начинается на букву «м»...

Дейли поднял голову. Грейс почувствовала себя полной дурой.

– Документы на машину у меня наверху, сейчас посмотрю.

– За проезд по платным шоссе платите карточкой для оплаты проезда через электронный терминал?

– Да.

Дейли кивнул и что-то записал. Грейс поднялась на второй этаж и нашла нужную папку. Отсканировав свидетельство о регистрации универсала, она вручила Дейли копию. Он снова что-то записал и задал еще несколько вопросов. Грейс отвечала кратко и сухо: муж пришел домой с работы, помог уложить детей, ночью куда-то поехал – скорее всего, за продуктами... И не вернулся.

Кажется, Дейли остался вполне доволен результатами. На прощание он с ободряющей улыбкой просил Грейс не волноваться. Она молча смотрела на него.

– С вами свяжутся через несколько часов. Если к тому времени у нас не будет новостей, мы побеседуем еще раз.

Полицейский ушел. Грейс снова набрала рабочий телефон мужа. Трубку по-прежнему никто не брал. На часах было почти десять. «Фотомат» уже открылся. Ну что ж, хоть это.

У нее накопились вопросы к Джошу – Бородатому Пушку.

Глава 6

Натянув короткую прозрачную комбинацию и стринги, очередную покупку из интернет-магазина, Чарлин Суэйн подняла штору в своей спальне.

И отчего-то насторожилась.

Был вторник, пол-одиннадцатого утра. Дети давно в школе. Муж Майк на работе, сидит за письменным столом, плечом прижимая к уху телефон и машинально закатывая и снова опуская рукава рубашки, которая скоро треснет по швам, но раздутое эго мешает супругу признать, что с возрастом и он растолстел.

Сосед Чарлин, противный извращенец Фредди Сайкс, должен находиться у себя дома.

Чарлин взглянула в зеркало, что делала все реже, не желая вспоминать, что ей уже за сорок. Из зеркала на нее смотрела женщина с неплохо сохранившейся фигурой, – несомненно, помогало корректирующее белье, но все, что когда-то было пышным и изгибисто-волнующим, одрябло и обвисло. О, Чарлин следила за собой. Три раза в неделю по утрам она ходила на йогу, забросив прошлогодние увлечения тай-бо и степ-аэробикой. Она поддерживала форму, вела борьбу с очевидным и неизбежным, держалась молодцом и упорно не желала отпустить ускользающее ото всех рано или поздно.

Куда что делось...

Обиднее всего были не перемены во внешности. В молодости Чарлин Суэйн была энергична и полна сил. Она любила жизнь, уважала здоровые амбиции и была легкой на подъем. Все говорили, что в ее присутствии даже воздух искрится и дрожит, но непонятно, как семейная рутина все отняла.

Может, виной тому дети? Или Майк? Было время, когда он не мог ею насытиться, а при виде подобного наряда не мог отвести от жены

глаз. Теперь, когда Чарлин нарочно дефилирует мимо, он почти не обращает на нее внимания.

Когда это началось?

Чарлин не могла сказать точно, но процесс был постепенным, а изменения практически неощутимыми, пока, увы, дело не приняло необратимый характер. Виноват был не только Майк – ее природный драйв тоже сильно ослабел, особенно за годы беременностей, кормления и возни с младенцами. Чарлин полагала, что это естественно, все через это проходят, но в глубине души жалела, что мало занималась собой.

Впрочем, у нее остались воспоминания. Раньше Майк красиво ухаживал за ней, устраивал сюрпризы. Он был ненасытным. Он, пусть это прозвучит грубо, набрасывался на нее и брал. А теперь секс превратился в деловитый процесс, механический и конвейерно-точный: темнота, сопенье-хрюканье, разрядка, здоровый сон.

Говорили они исключительно о детях – расписание уроков, куда везти сопливаю компанию будущих чемпионов, домашние задания, запись к зубному, игры Детской лиги, баскетбольная программа «Бидди», запланированные походы в гости к одноклассникам. Но и в этом нельзя винить исключительно Майка. Когда Чарлин случалось посидеть с соседками в «Старбаксе», встречи превращались в обмен опытом на тему «Мать и дитя». Разговоры вращались вокруг тем настолько осточертевших и нудных, что ей хотелось закатить им истерику.

Чарлин Суэйн задыхалась, как рыба на кухонном столе.

Ее мать, праздная королева ланчей в местном клубе, говорила ей, что такова жизнь, что у Чарлин есть все, о чем женщина может мечтать, и что ее девические аппетиты просто не имели ничего общего с реальностью. Временами Чарлин казалось, что мать, как это ни противно, в чем-то права.

Критически оценив макияж, Чарлин подкрасила губы и припудрилась, после чего присела и оглядела себя. Да, она выглядит

как шлюха. Вытряхнув на ладонь таблетку перкодана, эквивалент полуденного коктейля своей матери, Чарлин проглотила ее и пристально уставилась в зеркало, близоруко щурясь.

Может, где-нибудь там притаилась прежняя Чарлин?

Через два дома от нее жила очень приятная женщина, мать двоих детей. Восемь недель назад эта милая дама пешком отправилась к железной дороге Глен-Рок и бросилась под утренний одиннадцатичасовой поезд на Берджен. Жуткая история. Несколько недель все только и возмущались, как могла не старая еще женщина, мать, бросить своих детей? Как можно поступать столь эгоистично? Однако, сочувственно цокая языком в ответ на обличительные тирады соседок по пригороду, Чарлин не могла до конца избавиться от чувства странной зависти: для этой приятной во всех отношениях мамы все кончено. Какое облегчение...

Но где, спрашивается, Фредди?

Дело в том, что Чарлин, можно сказать, жила от вторника до вторника, с нетерпением дожидаясь десяти утра. Как ни стыдно это признать. Первой реакцией на подглядывание соседа стали отвращение и ярость. Когда и как эти чувства перешли в нетерпение и, прости господи, возбуждение? Нет, возразила себе Чарлин, никакого возбуждения она не испытывает. Это просто... нечто этакое. Вот и все. Искра. Напоминание о том, что все еще способна что-то чувствовать.

Она ждала, когда он поднимет шторы.

Но Фредди не подходил к окну.

Странно. В принципе Фредди Сайкс вообще не опускал шторы. Их дома были рядом, поэтому при желании можно было разглядывать друг у друга обстановку. Фредди не имел обыкновения занавешивать окна на задней стене дома. С какой бы ему стати менять привычки?

Чарлин внимательно осмотрела каждое окно в доме Сайкса. Все шторы опущены. Интересно. Даже там, где, по ее расчетам, была «берлога», окно плотно занавешено.

Неужели Фредди уехал? Извращенца потянуло в странствия?

Заметив в оконном стекле свое отражение, Чарлин Суэйн залилась краской, схватила первую попавшуюся под руку одежду – жалкий мужнин махровый халат – и набросила на себя. Ей вдруг пришло в голову, что у Майка интрижка и ее прежде ненасытный сатир ублажает теперь другую. Или просто она больше его не интересуется? Еще неизвестно, что хуже.

Да где же этот Фредди?

Каким унижительным и жалким – вот уж действительно, на что польстилась! – стало открытие, что его присутствие так много для нее значит! Чарлин нетерпеливо разглядывала соседские окна...

И заметила в доме движение.

Тень мелькнула у самого края окна, за шторой, но тем не менее. Может, Фредди все же подглядывает за ней, подогревая, так сказать, свое возбуждение? Это же не исключено, верно? Большинство вуайеристов прибегают к разного рода уловкам вроде игры в шпионов. Вдруг ему просто не хочется, чтобы она его видела. Или он незаметно наблюдает за ней в эту секунду.

Может такое быть?

Чарлин ослабила пояс халата и незаметным движением сбросила его с плеч. Халат соскользнул на пол. От махровой ткани разлило мужским потом и старым одеколоном, который она купила Майку восемь или девять лет назад. Глаза Чарлин защипало от слез, но она не отвернулась от окна.

За шторами вдруг мелькнуло что-то еще. Что-то... синее?

Чарлин прищурилась. Что же это может быть?

Бинокль. Где бинокль? Майк прятал коробку с подобным мусором в своем шкафу. Чарлин нашла коробку, нетерпеливо порылась в извивах непонятных силовых шнуров и адаптеров и выудила «лейку». Она даже помнила, зачем его купили. Они ездили в круиз на Карибы, и во время остановки на одном из Виргинских островов – где именно, уже трудно сказать – она вдруг неожиданно для себя

купила бинокль. Этим покупка ей и запомнилась – спонтанностью самого обычного поступка.

Чарлин поднесла бинокль к глазам. Он был с автофокусом, так что крутить ничего не пришлось. Через секунду она нашла тот синий участок между окном и шторой. Но синее пятно не исчезло. Чарлин разглядела, что свет ритмично мигает, и закрыла глаза. Да, трудно было догадаться.

Телевизор. Фредди включил телевизор.

Он был дома.

Чарлин стояла неподвижно, не зная, что и думать. Какая-то странная анестезия чувств. Ее сын Клэй любил крутить песню из «Шрека» о парне, пальцами выкладывавшем букву Л на лбу. Лузер – вот кто такой Фредди Сайкс. Этот лузер Сайкс, этот грязный извращенец с большой буквой Л на своем тупом лбу предпочитает пялиться в экран, вместо того чтобы любоваться ее телом в изящном нижнем белье.

И все же Чарлин охватило беспокойство.

Все шторы опущены. Странно. Почему? Она прожила бок о бок с Сайксами восемь лет. Даже когда мамаша Фредди была в добром здравии, шторы никогда не опускались. Чарлин снова приникла к биноклю.

Телевизор, мигнув, выключился.

Она ждала, что будет дальше. Фредди, видимо, потерял счет времени. Сейчас он поднимет шторы, и начнется их извращенный ритуал.

Но случилось совсем другое.

Чарлин услышала негромкое «пип» и сразу узнала звук: так с электронного пульта открывается дверь гаража Фредди.

Она придвинулась ближе к окну. До нее донесся звук заработавшего мотора, и предерьмовая соседская «хонда» выехала на дорожку. Солнце весело отразилось от ветрового стекла. Ослепленная, Чарлин несколько раз поморгала и прикрыла ладонью глаза и приставленный к ним бинокль.

Машина тронулась с места, солнечное пятно переместилось, и стало видно, кто сидит за рулем.

Это был не Фредди Сайкс.

Неожиданно проснувшийся первобытный инстинкт заставил Чарлин отпрянуть от окна. Она мгновенно упала на четвереньки, поползла к махровому халату, схватила его и уткнулась лицом в старую ткань. Запахи – тела Майка и старого одеколona – вдруг показались ей странно успокаивающими, надежными.

Чарлин медленно, по стеночке, двинулась к окну и осторожно, искоса, выглянула на улицу.

«Хонда-аккорд» остановилась. Сидевший за рулем азиат пристально рассматривал ее окно.

Чарлин вжалась в стену и стояла неподвижно, сдерживая дыхание, пока не услышала, что мотор вновь заработал и машина уехала. На всякий случай она не двигалась с места еще минут десять.

Когда она осмелилась вновь выглянуть в окно, «хонды» не было.

Соседний дом стоял темен и пуст.

Глава 7

Ровно в десять пятнадцать Грейс подъехала к «Фотомату».

Джоша – Бородатого Пушка в фотоателье не оказалось. Там вообще никого не было. Табличка на двери, судя по всему не перевернутая с ночи, гласила: «Закрето».

Грейс сверилась с расписанием работы – ателье открывалось в десять. Ничего не оставалось, как ждать. В двадцать минут одиннадцатого подбежала первая клиентка, замотанная хлопотами женщина лет тридцати пяти. Заметив табличку «Закрето», она тоже бросилась читать расписание работы и дергать ручку двери. Грейс сочувственно пожала плечами. Дама в гневе унеслась прочь. Грейс ждала.

Когда в пол-одиннадцатого ателье все еще не открылось, Грейс поняла: что-то происходит. Она снова набрала рабочий телефон Джека, в очередной раз попала на автоответчик и, не в силах сдержать дрожь при звуках подчеркнуто формального голоса мужа на записи, набрала добавочный телефон Дэна. В конце концов, они вчера созванивались, может, Дэн что-то знает.

– Здравствуйте.

– Привет, Дэн, это Грейс.

– Привет! – воскликнул он, чуть переигрывая с радостью. – Я как раз собирался тебе звонить.

– Вот как?

– Где Джек?

– Не знаю.

Пару секунд Дэн озадаченно молчал.

– Не знаешь – это надо понимать в смысле...

– Ты звонил ему вчера вечером?

– Да.

– О чем вы говорили?

– Ну, вообще-то, сегодня у нас презентация по результатам исследований феномитола.

– А о чем еще?

– О презентации, о чем же еще?

– О чем еще вы говорили?

– Да так, ни о чем. Я звонил, чтобы узнать об одном пауэрпойнтовском слайде. А что? Что происходит, Грейс?

– Сразу после этого Джек уехал.

– Как – сразу?

– Я его с вечера не видела.

– погоди, когда ты говоришь, что не видела его с вечера...

– ...это значит, что он не приходил домой, не звонил и я понятия не имею, где он.

– Иисус! Ты в полицию заявила?

– Да.

– И что?

– И ничего.

– Боже мой... Слушай, я как только освобожусь, сразу к вам приеду.

– Не нужно. Я в порядке.

– Точно не нужно?

– Абсолютно. И я не дома, я уехала... по делу, – запинаясь, сказала Грейс и поднесла телефон к другому уху, не зная, как лучше выразиться. – Слушай, у Джека в последнее время все было нормально?

– На работе?

– Везде.

– Ну да, разумеется. Это же Джек, ты ведь его знаешь.

– Ты ничего странного в его поведении не замечал?

– Мы оба ходим дерганые из-за клинических испытаний феномитола, а так – ничего необычного. Слушай, Грейс, может, мне все-таки приехать?

Телефон издал легкий писк – удерживался другой звонок.

– Дэн, мне звонят, я отвечу...

– Наверное, это Джек. Сообщите, если что-нибудь понадобится.

Грейс нажала отбой и посмотрела, кто звонит. Не Джек. По крайней мере, не с сотового. Номер не определялся.

– Да?

– Миссис Лоусон, это Дейли. Что-то стало известно о вашем муже?

– Нет.

– Мы не дозвонились вам на домашний...

– А я не дома.

Пауза.

– А где вы?

– В городе.

– Где именно?

– Возле фотоателье.

Долгая пауза.

– Не хочу читать мораль, но это довольно странно – ехать в фотоателье, когда вы озабочены судьбой супруга.

– Офицер Дейли...

– Да?

– С некоторых пор все используют новое изобретение, мобильный телефон называется. Вы мне на него как раз сейчас и позвонили.

– Простите, я не хотел вас...

– Вы выяснили что-нибудь о моем муже?

– Поэтому я и звоню. Рядом мой начальник, он хотел бы еще раз вас опросить.

– Дополнительно?

– Да.

– Так положено?

– Да. – Судя по интонации Дейли, так не только не было положено, но и сильно ему не нравилось.

– Вы что-нибудь выяснили?

– Нет. В смысле ничего такого, о чем нужно волноваться.

– Это как понимать?

– Капитану Перлмуттеру и мне просто нужна дополнительная информация, миссис Лоусон.

Еще одна клиентка фотоателье, крашеная блондинка со свежими «перьями», на вид ровесница Грейс, подошла к закрытому фотоателье, приложила ладони к витринному стеклу и попыталась рассмотреть что-нибудь внутри. Она тоже нахмурилась и ушла, бормоча что-то нелестное.

– Вы сейчас в полицейском участке? – спросила Грейс.

– Да.

– Я буду там через три минуты.

– Сколько времени вы с мужем живете в Касслтоне? – спросил капитан Перлмуттер.

Они сидели в тесной комнате, больше подходящей школьному сторожу, чем начальнику городского отделения полиции. Участок Касслтона размещался в бывшей городской библиотеке, здании с историей и традициями, но совершенно не приспособленном для работы. Задав вопрос, капитан Стью Перлмуттер откинулся на спинку стула, охватив руками приличных размеров брюшко. Дейли подпирал дверной косяк с делано непринужденным видом.

– Четыре года, – ответила Грейс.

– Нравится вам у нас?

– Ничего.

– Хорошо, – улыбнулся Перлмуттер с видом учителя, похвалившего ученика за правильный ответ. – У вас есть дети?

– Да.

– Возраст?

– Восемь и шесть.

– Восемь и шесть, – повторил Перлмуттер с грустной улыбкой. – Золотое время – уже не глупенькие младенцы, но еще не нахальные подростки...

Грейс сочла за благо дождаться, пока капитан продолжит свою речь.

- Миссис Лоусон, ваш муж когда-нибудь прежде пропадал?
- Нет.
- У вас были супружеские разногласия, семейные неурядицы?
- Никаких.

Перлмуттер смерил ее скептическим взглядом. Не подмигнув, но подался вперед:

- Все, значит, идеально?

Грейс не ответила.

- А как вы познакомились с мужем?

– Что?!

– Я спрашиваю, как...

– А при чем здесь это?

– Просто пытаюсь составить себе впечатление.

– Какое еще впечатление? Вы нашли что-нибудь или нет?!

– Пожалуйста. – Перлмуттер неуверенно изобразил обезоруживающую улыбку. – Мне нужно чуть больше информации, чтобы во всем разобраться. Итак, где вы познакомились с Джеком Лоусоном?

– Во Франции.

Перлмуттер записал ответ.

– Вы художница, не так ли, миссис Лоусон?

– Да.

– Значит, ездили за границу учиться живописи?

– Капитан Перлмуттер...

– Да?

– Не считите за дерзость, но ваши вопросы звучат... дико.

Капитан переглянулся с Дейли. Тот пожал плечами, показывая, что ничего плохого в виду не имел.

– Что ж, до некоторой степени вы, возможно, и правы.

– Вы выяснили что-нибудь или нет?

– По-моему, Дейли объяснил вам, что ваш супруг совершеннолетний и по закону мы не обязаны делиться с вами информацией.

– Да, мне это объяснили.

– Ну так вот, на данный момент у нас нет оснований предполагать, что он стал жертвой какого-то преступления, если вы об этом беспокоитесь.

– Откуда такая уверенность?

– Нет никаких доказательств противного.

– Пятен крови или чего-то в этом духе?

– Совершенно верно. Более того, – Перлмуттер снова покосился на Дейли, – мы выяснили нечто такое, чего вам, пожалуй, будет лучше не знать.

Грейс уселась поудобнее, стараясь поймать взгляд капитана, который отчего-то смотрел куда угодно, только не на нее.

– И все же я была бы вам крайне признательна, если бы вы сообщили, что удалось выяснить.

– Да почти ничего, – процедил Перлмуттер.

Грейс ждала.

– Дейли позвонил на работу вашему мужу. Его там, ясное дело, не оказалось. Вы это наверняка уже знаете. И он не звонил предупредить, что заболел. Поэтому мы решили копнуть поглубже – неофициально, как вы понимаете.

– Ясно.

– Вы любезно назвали нам номер вашей карточки для проезда через электронный терминал. Мы его пробили по компьютеру. Когда ваш муж вчера вечером ушел?

– Около десяти.

– И вы решили, что он поехал за продуктами?

– Я... не знаю. Он мне не сказал.

– Вот просто так встал и ушел?

– Да.

– И вы даже не спросили, куда он едет на ночь глядя?

– Я была наверху, когда услышала, как он завел машину.

– Хорошо, именно это я и хотел узнать. – Перлмуттер наконец отпустил брюшко на волю. Стул скрипнул, когда капитан подался

вперед. – Вы звонили ему на мобильный практически сразу после отъезда. Я прав?

– Да.

– Вот тут возникает проблема. Почему он вам не ответил, если вы не ссорились?

Грейс видела, куда клонит полицейский.

– С чего вы вдруг решили, что ваш супруг через пять минут попал в аварию или его похитили?

Об этом Грейс действительно как-то не подумала.

– Не знаю.

– Вам когда-нибудь случалось ездить по Нью-Йоркскому шоссе?

– Не часто, но я, разумеется, знаю эту дорогу, – ответила несколько сбита с толку Грейс.

– А в «Вудберри коммонс» бывали?

– Да, конечно.

– Как по-вашему, сколько времени туда добираться?

– Полчаса. Джек поехал туда?

– Вряд ли. Время неподходящее, все магазины закрыты. Но он оплатил дорожный сбор, пользуясь карточкой, ровно в двадцать два двадцать шесть. Оттуда дорога ведет на Семнадцатое шоссе – я сам там езжу в Поконос. Плюс-минус десять минут вполне укладываются в версию, что ваш муж, выйдя из дома, поехал напрямик туда. А дальше – кто знает, куда направился мистер Лоусон? Там пятнадцать миль до Восемьдесят четвертой федеральной автострады, можно хоть в Калифорнию махнуть.

Грейс не в силах была пошевелиться от услышанного.

– Судите сами, миссис Лоусон: ваш супруг уезжает из дома, вы ему тут же звоните, он не отвечает. Через полчаса выясняется, что он едет в Нью-Йорк. На него просто не успели бы совершить нападение, или подстроить аварию, или похитить и тут же воспользоваться его пропуском – слишком мало времени. Вы понимаете, к чему я веду?

Грейс посмотрела Перлмуттеру прямо в глаза:

– Что я истеричная курица, от которой сбежал муж.

– Я вовсе не это имел в виду. Но сами видите, пока нам нечего расследовать. Разве что... – Полицейский снова подался вперед. – Миссис Лоусон, вы действительно больше ничего не хотите нам сообщить?

Грейс оглянулась. Дейли стоял, не меняя позы. У Грейс в сумочке была распечатанная с компьютера копия странной фотографии. Она мельком подумала о Джоше – Бородатом Пушке и так и не открывшемся фотоателее. Ничего не поделаешь, придется выкладывать. Теперь Грейс пожалела, что сразу не рассказала о снимке Дейли.

– Я не уверена, что это относится к делу... – начала она, копаясь в сумочке.

Вытянув цветную распечатку, она протянула ее капитану. Перлмуттер вынул из нагрудного кармана очки, протер их полкой рубашки и водрузил на переносицу. Дейли сразу подошел и нагнулся к листку из-за плеча капитана. Грейс рассказала, как в пачку их семейных фотографий затесалась чужая и что из этого вышло. Полицейские смотрели на нее так, словно она достала бритву и начала непринужденно брить себе голову.

Когда она закончила, капитан Перлмуттер ткнул в листок и уточнил:

– Вы уверены, что это ваш муж?

– Мне так показалось.

– Значит, не уверены?

– Да уверена, уверена!

Полицейский закивал, как это делают, не желая волновать буйнопомешанных.

– А остальных вы знаете? Девушку эту перечеркнутую, например?

– Нет, я ее впервые увидела.

– А супруг ваш, выходит, сказал, что это не он?

– Да.

– Если это не он, значит снимок к делу не относится. А если это он, – Перлмуттер снял очки, – значит он вам солгал. Согласны, миссис Лоусон?

Зазвонил сотовый Грейс. Схватив его, она взглянула на дисплей.

Это был Джек.

Грейс не знала, как поступить в такой ситуации. Ей хотелось извиниться и выйти в коридор, но полицейские внимательно смотрели на нее. Просить проявить деликатность времени не оставалось, и Грейс нажала «Ответить» и поднесла телефон к уху.

– Джек?

– Привет.

При звуке голоса мужа Грейс, по идее, должна была испытать облегчение. Отчего-то этого не произошло.

– Звоню домой – никого. Где тебя носит?

– Где меня носит?!

– Слушай, я сейчас не смогу долго говорить. Ты извини, что я вот так смылся... – Он старался говорить небрежно и шутливо, но у него плохо получалось. – Мне нужно несколько дней, – добавил он.

– Какие дни, на что?

– Грейс, ты сейчас где?

– В полицейском участке.

– Ты заявила в полицию?!

Она встретилась глазами с Перлмуттером. Капитан чуть вытянул руку и пошевелил пальцами – дескать, давай сюда телефон, сейчас я с ним поговорю.

– Грейс, ни о чем не спрашивай, просто дай мне несколько дней. Ты меня... – Джек замолчал. И затем сказал то, от чего ужас последних часов для Грейс вырос десятикратно: – Задавила.

– Я тебя задавила, – с расстановкой повторила она.

– Да, задавила. Мне нужен глоток воздуха. Передай полицейским, что я смиренно прошу у них прощения. Все, мне пора. Скоро вернусь.

– Джек!

В трубке молчали.
– Я тебя люблю.
Он не ответил.

Глава 8

Задавили его, значит. Сам признался.

Это было неправдой.

Забудем, что «глоток воздуха» – пустое, бородатое, фатоватое, эроводолейное выраженьице, хуже всякой бессмыслицы, а «ты меня задавила» – эвфемизм, маскирующий непреодолимое желание бежать куда глаза глядят. Это можно было бы считать разгадкой случившегося, не подсказывай ей инстинкт, что все намного сложнее.

Грейс сидела дома. На ее сбивчивый, извиняющийся лепет Перлмуттер и Дейли с жалостью ответили, что это их работа и все у нее в жизни наладится. Слушая утешения полицейских, Грейс удрученно кивнула и с убитым видом пошла к выходу.

Поговорив с мужем, она сделала вывод.

У Джека серьезные неприятности.

Грейс понимала: его исчезновение не имело ничего общего с неверностью или осточертевшим браком. Это не нелепая случайность, не спланированное или ожидаемое событие. Она получила в ателье фотографию, увидев которую Джек сбежал из дома.

А теперь ему угрожает опасность.

Она не стала ничего объяснять полицейским. Прежде всего, ей никто не поверит. Ее сочтут ненормальной либо до идиотизма наивной. В глаза не скажут, зато высмеют. Только нервы себе трепать и терять драгоценное время. Полицейские уверены, что Джек сбежал из семьи, и Грейс их не переубедить.

Может, это и к лучшему.

Грейс умела читать между строк. Джека явно беспокоило вмешательство полиции. Когда она сказала, что сидит в полицейском участке, в голосе мужа прорвалось неподдельное огорчение.

«Ты меня задавила».

Это была подсказка. Скажи Джек, что он уехал на пару-тройку дней выпустить пар и покувыркаться со стриптизершей из «Шелковых куколок», это показалось бы невероятным, но в принципе возможным. Однако Джек очень точно назвал причину своего исчезновения. Даже повторил.

«Ты меня задавила».

Интимный семейный жаргон. У каждой супружеской пары есть свой птичий язык. В фильме Билли Кристала «Мистер Субботний Вечер» есть сцена, где комик Кристал – Грейс не знала имени персонажа, она с трудом помнила, о чем сам фильм, – указывает на старика с кошмарной накладкой и говорит: «Это парик? В жизни бы не поверил». Так и Грейс с Джеком, завидев где-нибудь мужскую накладку, поворачивались друг к другу с вопросом: «В жизни бы не поверил?» – и кивали или отрицательно качали головой. Позже они начали произносить фразу «В жизни бы не поверил?» и в случае подозрения на прочие искусственные улучшения внешности – исправленные носы, грудные имплантаты и тому подобное.

Своему рождению кодовая фраза «ты меня задавила» обязана довольно пикантным обстоятельствам.

Забыв на секунду о серьезности ситуации, Грейс даже порозовела при этом воспоминании. Интимная жизнь у них с Джеком всегда была в порядке, но в любых длительных отношениях есть свои отливы и приливы, и пару лет назад у них случился период... э-э-э... особо высокого прилива. С выдающейся плотской изобретательностью, если хотите. Если уж совсем откровенно – в общественных местах.

Однажды они не смогли удержаться в раздевалке дорогого салона красоты, в другой раз ублажали друг друга руками в частной театральной ложе на зажигательном бродвейском мюзикле, но все это были цветочки по сравнению со случаем в красной, как в Лондоне, телефонной будке на тихой улочке в Эллендейле, когда в разгар процесса Джек вдруг жалобно засопел:

– Эй, ты меня задавила!

Грейс подняла на него глаза:

– Что?

– Говорю, задавила совсем, сдай назад! Чертов рычаг для трубки в самую шею воткнулся!

Вспоминая последовавший за этим буйный хохот, Грейс закрыла глаза, и слабая улыбка тронула ее губы. «Задавила» прочно вошло в их интимный словарь. Джек не стал бы произносить это слово просто так. Он дал понять, прозрачно намекнул, что звонит под чьим-то нажимом.

Так. И что же он имел в виду?

Прежде всего он не мог говорить свободно. С ним рядом кто-то был, или Джек не желал, чтобы его слышали полицейские? Грейс очень хотелось верить, что муж просто был против официального вмешательства властей в дела семьи.

Какой реакции ждет от нее Джек? Муж прекрасно знает: она не из тех, кто станет сидеть сложа руки. Это не в ее характере. Она развернет бурную деятельность.

Может, он на то и рассчитывает?

Конечно, все это лишь предположения, но Грейс хорошо знала мужа – или все же не очень? – и ее выводы с высокой долей вероятности можно было считать не просто фантазиями. И все же насколько она права? Может, она просто ищет для себя оправдания, чтобы начать действовать?

Не важно. В любом случае она уже втянута в это дело.

Грейс стала думать о том, что ей известно. Джек куда-то ехал по Нью-Йоркскому шоссе. Кого они знают в тех краях? С какой стати его туда понесло так поздно?

Ничего не приходило в голову.

Стоп.

Начнем сначала. Джек приходит домой, видит фотографию – и понеслось. Всею причиной фотография. Он замечает снимок на кухонном столе, Грейс начинает его расспрашивать, тут звонит Дэн, Джек идет к себе в кабинет...

Кабинет!

Грейс кинулась в коридор.

Кабинетом они высокопарно именовали облагороженное крыльцо с навесом, обнесенное стенами и утепленное. Гипс местами потрескался. Зимой там всегда дуло, а летом было невыносимо душно. Стены украшали фотографии детей в дешевых рамках и две ее картины в дорогих рамах. Кабинет всегда казался странно безликим. Ничто здесь не говорило о личности хозяина – ни сувениров, ни футбольного мяча с автографами друзей, ни фотографий четверки гольфистов на поле для гольфа. Кроме бесплатных ручек, блокнотов и папок с зажимом с логотипами фармацевтической продукции, ничто здесь не говорило о том, кем был Джек, помимо ампула мужа, отца и научного сотрудника.

Или, напротив, на это указывала вся обстановка кабинета?

Грейс ощущала странную неловкость. Они всегда уважали право друг друга на личную жизнь. Они не лезли друг другу в душу. Были темы, которые они не обсуждали. Грейс считала такое положение вещей нормальным и даже полезным. Теперь она корила себя за то, что жила словно в шорах. Интересно, это у нее от желания уважать чужую территорию – «ты меня задавила» – или от бессознательного опасения разворошить осиное гнездо?

Компьютер Джека работал и был подключен к Интернету. Домашней страницей Джек выбрал официальный сайт супруги. Секунду Грейс смотрела на кресло, эргономичное серое кресло на колесиках из ближайшего магазина «Степлс», представляя, как каждое утро Джек включал компьютер и его приветствовало лицо жены. На сайте рядом с работами Грейс был размещен ее студийный снимок. Фарли, ее агент, настоял, чтобы эта фотография обязательно сопровождала каждую экспозицию выставленных на продажу работ, потому что, как он выразился, «вы такая милашка». Грейс с неохотой согласилась. Красота всегда служит лишним козырем, даже при продаже картин. На сцене или в кино важность выигрышной внешности понятна; писатели, горящим взором сверлящие зрителей

с парадных отретушированных портретов, эти вундеркинды литературного бомонда, тоже торгуют лицом, однако мир Грейс – живопись – долго сохранял иммунитет к этому давлению. Хорошим тоном здесь считалось игнорировать физическую красоту художника и подчеркивать, что любая форма является естественной.

Но все меняется.

Художники прекрасно понимают важность эстетически ценных объектов. Эстетика не просто меняет восприятие, она меняет реальность. Будь Грейс толстой и неказистой, телеканалы не устроили бы мониторинг состояния девушки, извлеченной из-под груды тел в «Бостон-Гарден». Будь Грейс физически непривлекательна, ей никогда не примерить на себя ампула чудом уцелевшей всенародной любимицы. Телевидение, сообщая новости о состоянии Грейс, всякий раз показывало ее фотографию. Массмедиа, да что там, вся страна требовала чуть ли не ежечасного обновления данных о ее здоровье. Родственники погибших в Бостонской давке приходили к Грейс в палату, проводили с ней время, вглядывались в ее лицо в поисках призрачного сходства с их собственными погибшими детьми.

Стали бы они это делать, будь она некрасива?

Грейс не хотелось спекуляций на ее внешности, но один чрезмерно честный критик сказал без обиняков:

– Если людей мало интересуют произведения искусства невысокой эстетической ценности, с какой стати им делать снисхождение для объектов реальной жизни?

Еще до Бостонской давки Грейс мечтала стать художницей, но в ее работах чего-то не хватало – чего-то неуловимого, не поддающегося объяснению. Пережитое вывело ее художественную зоркость и интуицию на новый уровень. Грейс отдавала себе отчет в том, как претенциозно это звучит. Она презирала навязшие в зубах сентенции преподавателей художественных школ – дескать, искусство надо выстрадать, большому художнику необходимо пережить трагедию, чтобы обрести индивидуальность. Раньше

подобные заявления казались ей возмутительной чепухой, но после Бостонской давки Грейс начала понимать, что это не пустые разговоры.

В работах Грейс появилось то, чего не было раньше. В картинах стало больше настроения, жизни, больше... порыва, что ли. Краски стали ярче, гуще, злее. Люди часто спрашивали, рисовала ли Грейс какие-либо эпизоды той ужасной ночи. Красноречивым ответом был один портрет – юное лицо, преисполненное таких надежд, что сразу ощущалась глухая неизбежность скорой трагедии, но еще вернее было бы сказать – Бостонская давка пронизывала и окрашивала все, что писала Грейс.

Она присела за стол мужа. Телефон стоял справа. Грейс пришло в голову сделать кое-что элементарное: нажать кнопку повторного набора номера.

Телефон – «Панасоник» новой модели, который Грейс выбрала в «Радио шэк», – был снабжен жидкокристаллическим дисплеем, на котором отображался набираемый номер. Код двести двенадцать, значит, Нью-Йорк. Грейс ждала. На третьем звонке трубку сняли, и послышался женский голос:

– Юридическая фирма «Бертон и Кримштейн».

Грейс немного растерялась и промолчала.

– Алло?

– Это Грейс Лоусон...

– Кому перевести ваш звонок?

Хороший вопрос.

– А у вас работает много юристов?

– О, я затрудняюсь назвать точную цифру. Но могу соединить вас с кем-то конкретным.

– Будьте так добры.

Возникла пауза.

– Так с кем конкретно вас соединить? – К интонации «я-всячески-стараюсь-вам-помочь» явственно примешивалось нетерпение.

Номер на дисплее «Панасоника» показался Грейс чересчур длинным. Она присмотрелась внимательнее. Обычно в междугородних номерах одиннадцать знаков, а здесь было пятнадцать, считая «звездочку». Грейс напряженно думала. Джек звонил юристу поздно вечером. Секретари по ночам не работают, стало быть, он нажал «звездочку» и набрал внутренний номер.

– Мэм?

– Добавочный четыре-шесть-три, – сказала Грейс, глядя на дисплей.

– Соединяю.

После трех гудков трубку сняли.

– Линия Сандры Ковал.

– Миз Ковал, будьте добры.

– Могу я узнать ваше имя?

– Грейс Лоусон.

– И вы звоните в связи с...

– Моим мужем Джеком.

– Подождите, пожалуйста.

Грейс схватила трубку. Через тридцать секунд музыка прекратилась, и телефон ожил:

– К сожалению, миз Ковал сейчас на встрече.

– У меня срочный вопрос.

– Мне очень жаль, но...

– Я отниму всего пару минут. Скажите ей, дело жизни и смерти.

Послышался нарочито шумный вздох.

– Подождите, пожалуйста.

В трубке зазвучал хит «Нирваны» «Повеяло молодостью». Отчего-то у Грейс стало легче на душе.

– Чем могу помочь? – спросил кто-то с профессионально-нейтральной интонацией.

– Миз Ковал?

– Да.

– Меня зовут Грейс Лоусон.

– Что вы хотели?

– Вчера вечером вам звонил мой муж Джек.

Ковал молчала.

– Он пропал.

– Простите?

– Мой муж пропал.

– Я вам сочувствую, но не понимаю, какое...

– Вы знаете, где он может быть, миз Ковал?

– Что? Откуда мне это знать?

– Он звонил вам вчера вечером, перед самым исчезновением.

– И что?

– Я нажала повторный набор и попала на вас.

– Миссис Лоусон, в нашей компании работают более двухсот юристов. Ваш муж мог звонить любому...

– Нет, он набирал ваш внутренний номер. Он звонил вам.

Ответа не последовало.

– Миз Ковал!

– Я слушаю.

– Почему мой муж вам звонил?

– Мне нечего добавить к тому, что я вам уже сказала.

– Вы знаете, где он?

– Миссис Лоусон, вам известно об адвокатской тайне?

– Разумеется.

Пауза.

– Вы хотите сказать, что мой муж обращался к вам за юридической консультацией?

– Я не имею права это обсуждать. До свидания.

Глава 9

Прояснить ситуацию Грейс удалось очень скоро.

Интернет – замечательное изобретение, если уметь им пользоваться. Грейс набрала в «Гугле» «Сандра Ковал» и получила ссылки на сайты, упоминания в новостях и фотографии. Она зашла на сайт компании «Бертон и Кримштейн», где были биографии всех работающих у них юристов, и узнала, что Сандра Ковал закончила Северо-Западный университет в Иллинойсе, а диплом юриста получила в Калифорнийском университете. Судя по датам, ей должно быть сейчас года сорок два. Согласно сайту, у нее есть муж Гарольд Ковал и у них трое детей.

Вся семья живет в Лос-Анджелесе.

Это было отличной подсказкой.

Дальше Грейс повела розыск старомодным способом – с помощью телефона. Картинка понемногу складывалась; беда в том, что изображение не имело смысла.

Поездка в Манхэттен заняла меньше часа. Приемная фирмы «Бертон и Кримштейн» находилась на пятом этаже. Секретарь и по совместительству охранник улыбнулся ей, не разжимая губ.

– Слушаю вас.

– Грейс Лоусон к Сандре Ковал.

Секретарь куда-то позвонил, понизив голос до неразличимого шепота, и сказал Грейс:

– Миз Ковал сейчас выйдет.

Это было удивительно. Грейс приготовилась жестко настаивать на встрече или долго ждать. Она знала, как Ковал выглядит, – на сайте была фотография, и готовилась даже преградить путь, если адвокат направится к выходу.

В конце концов Грейс решила положиться на удачу и поехать в Манхэттен без звонка. Она не только чувствовала, что элемент неожиданности не помешает; ей очень хотелось встретиться с

Сандрой Ковал лицом к лицу. Называйте это необходимостью или любопытством, но Грейс необходимо было увидеть эту женщину собственными глазами.

Было еще рано. У Эммы по расписанию сегодня значился поход в гости к подруге, а Макс пробудет в школе еще несколько часов.

Приемная «Бертон и Кримштейн» напоминала старомодную адвокатскую контору: богатая отделка красным деревом, ковры, гобеленовые стулья – декор, намекающий на сумму будущего счета, – и стену знаменитостей ресторана «У Сарди». Здесь висели фотографии, в основном Эстер Кримштейн, знаменитого телеадвоката: она вела шоу на «Судебном телевидении» под остроумным названием «Кримштейн и криминал». На снимках она была запечатлена с актерами, политиками, своими клиентами или с теми и другими.

Грейс рассматривала фотографию, на которой Эстер Кримштейн стояла рядом с привлекательной смуглой женщиной, когда у нее за спиной раздался голос:

– Это Эсперанца Диас, профессиональный рестлер, ошибочно обвиненная в убийстве.

– Малышка Покахонтас, – обернувшись, сказала Грейс.

– Что, простите?!

Грейс указала на снимок:

– Ее спортивный псевдоним – Малышка Покахонтас.

– Откуда вы знаете?

Грейс пожала плечами:

– Я ходячая энциклопедия с ненужной информацией. – Секунду она пристально смотрела на Сандру Ковал.

Адвокат кашлянула и взглянула на часы:

– У меня не так много времени. Сюда, пожалуйста.

По пути в комнату для совещаний женщины не разговаривали. Внутри оказался длинный стол, окруженный примерно двадцатью стульями, с большим серым спикерфоном посередине, похожим на

осьминога. Столик в углу был заставлен армией бутылок с газировкой и минеральной водой.

Сандра Ковал держалась по-прежнему очень официально. Скрестив руки на груди, она чуть приподняла подбородок, словно говоря: «Ну?»

– Я навела о вас справки, – начала разговор Грейс.

– Не желаете присесть?

– Нет.

– Ничего, если я присяду?

– Пожалуйста.

– Что-нибудь выпьете?

– Нет.

Сандра Ковал налила себе диетической колы. Женщину такого типа скорее назовешь приятной, чем миловидной или красивой. Ее волосы начинали седеть, что ей шло. Она была стройной, с пухлыми губами и стояла в той вызывающей позе, которая говорит противникам, что их встречают во всеоружии.

– Почему мы не пошли в ваш кабинет? – поинтересовалась Грейс.

– А чем вам не нравится здесь?

– Слишком просторно.

Сандра Ковал пожала плечами.

– Значит, у вас нет своего кабинета?

– А вы как думаете?

– Когда я звонила, секретарь ответила: «Линия Сандры Ковал».

– Угу.

– Линия, слышите, линия. Не офис.

– И это, по-вашему, что-то значит?

– Само по себе – нет, – отозвалась Грейс. – Но я просмотрела информацию о вашей компании в Интернете. Вы живете в Лос-Анджелесе, возле офиса «Бертон и Кримштейн» на Западном побережье.

– Близко к истине.

– Там ваше основное место работы. А вы здесь. Почему?

– Работаю по уголовному делу, – ответила Ковал. – Невинный человек ложно обвинен.

– Это можно сказать о каждом.

– Нет, – помедлив, произнесла Сандра Ковал. – Не о каждом.

Грейс придвинулась ближе.

– Вы не адвокат Джека. Вы его сестра.

Сандра Ковал внимательно рассматривала свою колу.

– Я звонила в ваш институт, и там подтвердили мои подозрения. Девушку, которая закончила их юридический факультет, звали Сандра Лоусон. Я перепроверила в «Ломэр секьюритис», фирме вашего деда, – Сандра Ковал числится в совете директоров.

Ковал невесело улыбнулась:

– Ну чем не Шерлок Холмс?

– Так где он? – настойчиво спросила Грейс.

– Сколько вы женаты?

– Десять лет.

– За все эти годы сколько раз Джек говорил обо мне?

– Ни разу.

Сандра Ковал развела руками:

– Вот именно. Так откуда мне знать, где он?

– Потому что он вам звонил.

– Да с чего вы взяли?

– Я, видите ли, нажала повторный набор.

– Это вы мне уже говорили по телефону.

– Вы пытаетесь убедить меня, что Джек вам не звонил?

– Назовите мне точное время предполагаемого звонка.

– Предполагаемого?!

– Юрист всегда юрист, – пожала плечами Ковал.

– Вчера вечером, около десяти часов.

– А, ну вот вам и ответ. Меня уже не было на работе.

– А где вы были?

– В гостинице.

– Но Джек звонил вам на внутренний номер!

– Если и звонил, ему никто не ответил. В это время никто не мог взять трубку. Включился бы автоответчик.

– Вы сегодня проверили сообщения?

– Разумеется. От Джека – ничего.

Грейс попыталась переварить услышанное.

– Когда вы в последний раз говорили с Джеком?

– Давно.

– Когда?

Ковал отвела глаза:

– Мы не общались после того, как он уехал за границу.

– Это же было пятнадцать лет назад!

Сандра Ковал отпила колы.

– Как тогда он узнал ваш внутренний телефон? – не сдавалась Грейс.

Ковал не ответила.

– Сандра!

– Вы живете в Касслтоне, на Норд-Энд-авеню, дом номер двести двадцать один. У вас две телефонные линии, одна для телефона, другая – для факса. – И Сандра наизусть повторила оба номера.

Взгляды собеседниц встретились. После краткой паузы Грейс спросила:

– Но вы ни разу не звонили?

Голос Сандры стал мягче:

– Нет, ни разу.

Спикерфон запищал.

– Сандра?

– Да.

– Эстер ждет вас в своем кабинете.

– Иду. – Сандра Ковал отвела глаза. – Мне пора.

– Почему Джек решил вам позвонить?

– Я не знаю.

– Он в опасности.

– Это все ваши догадки.

- Он пропал!
- С ним это не в первый раз, Грейс.

Стены комнаты словно сдвинулись. Грейс стало невыносимо находиться здесь.

- Что произошло между вами и Джеком?
- Не думаю, что обязана вам рассказывать...
- Еще как обязаны, черт побери!

Сандра придвинулась поближе к стулу.

- Вы говорите, он пропал?
- Да.
- И не звонил?
- Вообще-то, позвонил.

Это озадачило Ковал.

- И что сказал?
- Что я его задавила. Но он не это имел в виду, это наш с ним код...

На лице Сандры появилось недоверчиво-насмешливое выражение. Тогда Грейс вынула фотографию и положила перед ней на стол. Из комнаты для заседаний словно выкачали воздух. Сандра Ковал взглянула на фотографию, и Грейс увидела, как она вздрогнула.

- Что это такое, черт побери?
- Забавно, – хмыкнула Грейс.
- Что?!
- Именно эти слова вырвались у Джека, когда я показала ему снимок.

Сандра не отрывала взгляд от фотографии.

- Это же он, да? В середине, с бородкой? – наседали Грейс.
- Я не знаю.
- Ну как это сестра может брата не узнать... А что за блондинка рядом с ним?

Грейс бросила на стол увеличенное фото лица молодой женщины с фотографии. Сандра Ковал подняла глаза:

– Где вы это взяли?

– В фотоателье. – Грейс в двух словах объяснила, что к чему. Ковал слушала ее недоверчиво. – Это Джек? Да или нет?

– Я правда не могу точно сказать. Никогда не видела его с бородой.

– Тогда почему он, едва увидев этот снимок, сразу позвонил вам?

– Грейс, я не знаю.

– Вы лжете.

Сандра Ковал резко встала и выпрямилась:

– Извините, у меня назначена встреча.

– Что произошло с Джеком?

– Да почему вы так уверены, что он попросту не сбежал от вас?

– Потому что у нас семья, двое детей. У вас есть племянник и племянница, Сандра.

– У меня есть еще и брат, – возразила она. – Видимо, мы с вами обе плохо его знаем.

– Вы его любите?

При этом вопросе Сандра вдруг сникла.

– Оставьте вы это дело, Грейс, – попросила она.

– Не могу.

Покачав головой, Сандра повернулась к двери.

– Я его найду, – уверенно сказала Грейс.

– Не слишком на это рассчитывайте.

И Сандра Ковал вышла из комнаты.

Глава 10

«Ну что ж, – подумала Чарлин, – займемся делами».

Она задернула шторы, переоделась в джинсы и свитер, не торопясь убрала комбинацию в ящик комода, отчего-то тщательно ее сложив. Можно подумать, Фредди заметит, если она помнется. Да.

Взяв бутылку сельтерской, Чарлин смешала ее с «Твистером», фруктовым пуншем младшего сына, и присела на табурет у мраморной кухонной столешницы. Некоторое время она задумчиво водила пальцем по запотевшему бокалу, оставляя петляющую чистую дорожку, затем перевела взгляд на холодильник «Саб-зеро», новую, 690-ю модель, с покрытием из нержавеющей стали. На холодильнике не было ничего – ни фотографий детей, ни семейных снимков, ни следов грязных пальцев, ни магнитов. Прежний – старый желтый «Вестинггауз» – был сплошь покрыт этой дребеденью, и в ней чувствовалась жизнь и яркие краски. Новая кухня, о которой столько мечтала Чарлин, выглядела стерильной и безжизненной.

Что за азиат сидел за рулем машины Фредди?

Разумеется, Чарлин не опускалась до того, чтобы шпионить за соседями, но к Сайксу практически никто не ходил. Может, он и не жил затворником – не могла же Чарлин целыми днями наблюдать за его домом, но определенные привычки у Сайкса были. Заведенный порядок, если хотите. Любое хозяйство – словно единый организм, и давно живущие бок о бок люди всегда чувствуют, если что-то не так.

Лед в бокале таял. Чарлин сидела, не сделав ни глотка. Нужно ехать за продуктами, а потом забрать рубашки Майка из прачечной. Сегодня она обедает с Мирной в «Баумгарте» на Франклин-авеню. У Клэя после школы карате с сенсеем Кимом.

Чарлин мысленно пробежалась по списку дел, соображая, в каком порядке за них приняться. Машинальное, бездумное занятие. Успеет

она до ланча в «Баумгарте» закупить продукты и отвезти их домой? Пожалуй, нет. Замороженные припасы растают в машине. Стало быть, в магазин потом...

Она остановилась. Да к черту все это!

Фредди сейчас наверняка на работе.

Маленькие грязные танцы продолжались у них с десяти до половины одиннадцатого. В десять сорок пять Чарлин всегда слышала, как открывается дверь гаража, и провожала взглядом «хонду-аккорд». Она знала, что Фредди работает в «Эйч энд Эр блок» и сидит на первом этаже торгового центра, где Чарлин берет напрокат DVD в «Блокбастере». Чарлин избегала проходить мимо, но иногда, припарковав машину, смотрела через стекло в контору и видела, как Фредди, чей стол стоял у самого окна, провожал ее неотрывным взглядом, забыв обо всем на свете, прижав к губам карандаш.

Чарлин взяла справочник «Желтые страницы» и нашла номер телефона. Мужчина, представившийся супервайзером, сказал, что мистер Сайкс еще не подъехал, но вот-вот будет.

Чарлин разыграла раздражение:

– Он обещал быть на работе к этому часу. Разве обычно он приезжает не к одиннадцати?

Супервайзер признал ее правоту.

– Так где же он? Мне очень нужны эти цифры!

Супервайзер извинился и заверил, что мистер Сайкс позвонит ей сразу, как только придет. Чарлин повесила трубку.

Ну и что теперь?

Инстинкт по-прежнему настойчиво подсказывал: дело нечисто.

Да ей-то что, в конце концов? Кто ей Фредди Сайкс? Никто и ничто. Даже меньше, чем ничто. Живое напоминание о ее падении. Свидетельство того, какой жалкой она стала. Чарлин ему ничего не должна. Более того, страшно представить, что будет, если эти розыски выдадут ее с головой и правда выйдет наружу!

Чарлин взглянула на дом соседа. Правда, которая выйдет наружу.

Отчего-то эта мысль сейчас беспокоила ее меньше всего.
Схватив пальто, она решительно пошла к дому Фредди.

Глава 11

Эрик Ву видел в окне женщину в красивом белье.

Прошлая ночь оказалась для него долгой. Он не ожидал никаких осложнений, и хотя этот здоровяк (заглянув в бумажник, Ву узнал его имя – Рокки Конвелл) не представлял для него никакой опасности, ему все же пришлось избавляться от тела и лишней машины, а для этого еще раз возвращаться в Централ-Вэлли, Нью-Йорк.

Первоочередное – в первую очередь. Ву затолкал Рокки Конвелла в багажник его же «тойоты-селика», а Джека Лоусона, изначально втиснутого в багажник «хонды», перетащил на заднее сиденье «форда-виндстар». Сменил номера, выбросил карточку для оплаты проезда через электронный терминал и покатил на «форде» обратно в Хо-Хо-Кус, где оставил автомобиль в гараже Сайкса. У него было достаточно времени, чтобы добраться до Централ-Вэлли автобусом. Ву обыскал машину Конвелла, испытал удовлетворение от проведенной там недавно уборки, и поехал к стоянке^[Z] на Семнадцатом шоссе, где, выбрав место потише и подальше, пристроил машину у самого ограждения. Тут она проторчит несколько дней, а то и недель, и никто не удивится. Запах в конце концов привлечет внимание, но это будет не скоро.

Стоянка была в каких-то трех милях от дома Сайкса в Хо-Хо-Кус, так что Ву вернулся пешком. Рано утром на автобусе он снова наведалься в Централ-Вэлли и вернулся на «хонде» Сайкса, сделав по пути небольшой крюк, чтобы проехать мимо дома Лоусонов.

Там стояла полицейская машина.

Ву задумался. Такой поворот дела не слишком его беспокоил, но полицейское вмешательство нужно пресечь на корню. Ву даже знал как.

Вернувшись в дом Фредди, он включил телевизор.

Эрик Ву любил дневную программу передач – шоу вроде «Спрингера» или «Озера Рики» его забавляли. Большинство ругали

их напропалую, но Ву считал, что только истинно великое и свободное общество позволит себе наполнить эфир такой чушью. Тупость сериалов делала Ву счастливым. Люди – овцы. Чем они слабее, тем он сильнее. Что может лучше развлечь и успокоить?

Дождавшись рекламной паузы – тема передачи, как сообщалось бегущей строкой, была: «Мама не разрешает мне пирсинг сосков!» – Ву встал. Пришло время заняться назревающей проблемой с полицией.

Джека Лоусона Ву не пришлось трогать и пальцем. Он произнес лишь:

– Я знаю, у тебя двое детей...

Лоусон не стал упираться, тут же позвонил жене на сотовый и сказал, что она его вконец задавила.

В десять сорок пять – Ву не раз наблюдал перебранку матери с дочерью, сидевших по сторонам, а зрители при этом скандировали: «Джерри!» – ему позвонил его бывший кореш по тюремной камере.

– Все в порядке?

– Да, – ответил Ву.

Выезжая на «хонде» из гаража, в окне соседнего дома он заметил женщину в прозрачном белье. Он не придал бы этому значения – подумаешь, какая-то домохозяйка еще не оделась к одиннадцати утра, – но его насторожило, как она отшатнулась от окна.

Естественная реакция? Расхаживаешь по дому неглиже, не озаботившись тем, чтобы задернуть шторы, и тут встречаешься взглядом с незнакомцем. Многие дамы инстинктивно присядут или попытаются прикрыться.

Но женщина отскочила от окна прямо-таки с ужасом. Она и не подумала двинуться с места, когда «хонда» выезжала из гаража, а отпрянула, заметив за рулем Ву. Если она смутилась, почему не спряталась и не опустила штору, когда услышала или увидела машину?

Странно. Ву никак не мог избавиться от тягостного ощущения. Оно не оставляло его весь день.

Вынув сотовый и найдя последний входящий звонок, он нажал вызов.

– Проблема? – слышался голос в трубке.

– В общем, нет. – Развернув машину, Ву поехал обратно к дому Сайкса. – Но я могу опоздать.

Глава 12

Желания звонить Грейс не испытывала.

Она еще не выехала за границу штата Нью-Йорк, где закон запрещает во время вождения пользоваться сотовым без наушника, но не это было причиной ее замешательства. Держа руль одной рукой, другой она шарила у себя под ногами. Найдя наушник, она изловчилась распутать провод и воткнула пластмассовый цилиндр в ухо.

И это считается более безопасным, чем держать телефон в руке?

Грейс включила мобильный. По этому номеру она не звонила уже несколько лет, но из записной книжки его не стирала – наверное, держала на всякий пожарный случай. Вроде нынешнего.

Трубку сняли на первом гудке.

– Да?

Ни «здравствуйте», ни имени, ни «компания такая-то, чем могу помочь?».

– Это Грейс Лоусон.

– Подождите.

Ждать пришлось недолго. Послышался электрический треск и тут же:

– Грейс?

– Здравствуйте, мистер Веспа.

– Пожалуйста, зови меня Карл!

– Хорошо, Карл.

– Ты прослушала мое сообщение? – спросил он.

– Да. – Грейс не стала говорить, что ее звонок никак не связан с его просьбой. Каждое слово сопровождалось чуть отстававшим эхом. – Вы где? – спросила она.

– В самолете. Мы в часе лета от Стюарта.

Стюартом назывались база ВВС и военный аэропорт в полутора часах езды от ее дома.

Возникла пауза.

– Что-нибудь случилось, Грейс?

– Вы разрешили звонить, если мне будет нужно...

– И теперь, спустя пятнадцать лет, тебе что-то понадобилось?

– Кажется, да.

– Хорошо. А ты со звонком угадала, как чувствовала. Я хочу тебе кое-что показать.

– Что?

– Слушай, ты дома?

– Скоро буду.

– Я заеду за тобой в два, через два с половиной часа. Тогда и поговорим, хорошо? У тебя есть с кем оставить детей?

– Найду кого-нибудь.

– Если не найдешь, с ними побудет мой помощник. Ну все, до скорого.

Грейс вела машину, гадая, что хочет от нее Карл Веспа. Она даже засомневалась, правильно ли сделала, позвонив ему, и снова выбрала номер – на этот раз стоявший первым на быстром наборе, сотовый мужа. Как и раньше, телефон Джека был отключен.

И тут Грейс осенило. Она позвонила подруге.

– Слушай, ты как будто встречалась когда-то с парнем, рассылавшим спам? – спросила она.

– Было дело, – согласилась Кора. – Липучий придурок, и зовут – представь себе! – Гус. Прилип, еле прогнала. Пришлось применить собственную версию адской машины.

– Это еще какую?

– Сказала Гусу, что хрен у него комариный.

– Ох!..

– Так на то и адская машина! Срабатывает безотказно, но с некоторыми разрушениями.

– Мне понадобится его помощь.

– В смысле?

Грейс замешкалась – как ей объяснить? И решила рассказать про блондинку с перечеркнутым лицом, которую она совершенно точно где-то видела раньше.

– Я нашла фотографию... – начала она.

– Так.

– А на ней одна девушка, совсем молодая, лет двадцать...

– Угу.

– Снимок старый, сделан лет пятнадцать-двадцать назад. Понимаешь, мне нужно выяснить, кто она, вот я и подумала: может, разослать фотографию вместе со спамом? Напишем, что у нас какое-нибудь исследование, и посмотрим, кто узнает эту девушку. Большинство стирают спам не открывая, но если хоть кое-кто посмотрит, возможно, будут какие-то результаты?

– Мало шансов.

– Я понимаю.

– Да тебя замучают интернет-извращенцы! Ты хоть представляешь, какие ответы тебе придут?

– Есть идея получше?

– Да в общем, нет. Что ж, может и сработать. Кстати, ты заметила, я не спрашиваю, для чего тебе эта девица с фотографии двадцатилетней давности.

– Я оценила.

– Учти мою деликатность.

– Учту. Это долгая история.

– Есть нужда поделиться с кем-то?

– Да, пожалуй. И еще нужен кто-то, чтобы присмотреть за детьми несколько часов.

– Я свободна и совершенно одна. – Пауза. – Фу. Я должна прекратить так говорить.

– А где Вики? – спросила Грейс про дочь Кору.

– Ночует в макмансионе ^[8] с моим бывшим и его кобылой. У нас с дочкой это называется провести ночь в бункере с Адольфом и Евой.

Грейс через силу улыбнулась.

– Моя машина в сервисе, – продолжила Кора. – Заедешь за мной?
– Конечно, только Макса заберу.

Грейс заскочила на занятие – оно было по развивающей программе Монтессори – и забрала сына. Макс чуть не плакал: проиграл несколько карточек с «Ю-Джи-О!»^[9] в какую-то дурацкую игру. Грейс пробовала обратить все в шутку, но Макс был не в настроении, и она, бросив попытки развеселить малыша, молча помогла ему надеть куртку. Шапки не было, исчезла и перчатка. Другая мамаша поблизости, что-то насвистывая и улыбаясь, довязывала комплект из ручной пряжи: шапка, шарф и, разумеется, перчатки в тон. Взглянув на Грейс, она сочувственно улыбнулась. Грейс мгновенно ощутила неприязнь к незнакомой вязальщице.

Материнство, считала Грейс, во многом напоминает удел художника: вечная неуверенность в себе, боязнь сфальшивить, опасение оказаться хуже других. Матери, жизнь кладущие на воспитание обожаемых отпрысков, выполняющие рутинные обязанности с широкой степфордской улыбкой и сверхчеловеческим терпением, всегда – всегда! – имеют при себе чем заняться, чтобы не сидеть без дела, если случится дожидаться ребенка. У подобных дам не все в порядке с головой, считала в глубине души Грейс.

Кора уже ждала на дорожке у своего ярко-розового, как жвачка, дома. Вся улица ненавидела этот цвет. Не так давно одна соседка, ханжа по имени Мисси, собирала по соседям подписи под петицией, чтобы заставить Кору перекрасить дом. Когда во время футбольного матча у первоклашек Мисси пустила листок по рукам, Грейс, вежливо попросив взглянуть, хладнокровно разорвала его и медленно удалилась.

Кора тоже ненавидела цвет своего дома, но теперь он служил назиданием всяким мисси: рассчитывай свои силы.

На высоченных шпильках Кора засемила к машине. Сегодня она оделась менее броско, чем в прошлый раз, – в леопардовую водолазку, но это ее не спасало: некоторые женщины выглядят сексуально, напяль они хоть джутовый мешок. Когда Кора стояла, ее

фигура притягивала взгляды; стоило ей начать двигаться – проступали новые соблазнительные изгибы. Любая, самая невинная фраза, сказанная ее хрипловатым голосом, выходила двусмысленной. Каждый наклон головы можно было принять за поощрение.

Кора изящно села в машину и развернулась к Максусу:

– Привет, красавчик!

Насупившись и не поднимая глаз, Макс что-то недовольно пробурчал.

– В точности как мой бывший! – Кора живо повернулась к Грейсу. – Снимок у тебя с собой?

– Да.

– Я позвонила Гусу, он обещал.

– Ты ему что-нибудь посулила?

– Синдром пятого свидания помнишь? В этой связи давай освобождай субботний вечер.

Грейс уставилась на Кору.

– Да шучу, шучу!

– Я догадалась.

– Умница. Гус сказал – отсканировать фото и переслать ему. А для ответов он может создать тебе анонимный ящик. Никто не узнает, кто ты. Текста будет минимум. Напишем, что журналист готовит статью и ему нужно узнать об истории этого снимка. Годится?

– Вполне, спасибо.

Они подъехали к дому. Макс сразу потопал вверх и уже оттуда крикнул:

– Можно включить «Губку Боба Квадратные Штаны»?

Возражать Грейс не стала. Как в любой семье, у них были строгие правила – днем никакого телевизора, но, как любая мать, она знала: правила существуют для того, чтобы их нарушать. Кора, едва войдя, подошла к буфету, достала чашки и занялась приготовлением кофе. Грейс соображала, какую копию послать Гусу, и остановилась на увеличенной правой половине, где четко просматривались

«меченая» блондинка и рыжая красotka. Похожего на Джека парня Грейс решила пока не трогать, не желая впутывать в это дело мужа. Двух девушек на снимке узнают скорее, чем одну, и никто не примет рассылку за выходку маньяка-преследователя.

Кора взглянула на оригинал фотографии.

– Можно высказать замечание?

– Да.

– Все это чертовски странно.

– Вот этот парень. – Грейс ткнула пальцем. – С бородой. Он тебе никого не напоминает?

Кора вгляделась.

– На Джека похож.

– Похож или Джек?

– Тебе лучше знать.

– Джек пропал.

– Еще раз, с самого начала!

Грейс рассказала Коре, что произошло. Та слушала, постукивая по скатерти длинным ногтем, покрытым шанелевским кроваво-красным лаком «Руж нуар». Когда Грейс закончила, Кора сказала:

– Ты в курсе, что я невысокого мнения о мужчинах?

– Да.

– Я считаю, что в подавляющей массе они находятся на два порядка ниже собачьего дерьма.

– Помню.

– Так вот, очевидный ответ – на снимке, безусловно, Джек. Тогда, получается, эта блондинистая киса, которая уставилась на него, как на мессию, – его бывшая пассия. Получается, у Джека с Марией Магдалиной роман, а кто-то, может ее теперешний муж, хочет, чтобы ты об этом узнала, и посылает тебе снимок. Дело перешло в решающую фазу, когда Джек понял, что ты его раскусила.

– И сбежал.

– Правильно.

– Нестыковочки, Кора.

– У тебя есть версия получше?

– Я над ней работаю.

– Молодец, – похвалила Кора. – Потому что я тоже не верю в свою гипотезу. Это все треп. Мужики – дерьмо по определению, но Джек всегда казался мне исключением, подтверждающим правило.

– Я тебя обожаю.

Кора кивнула:

– Не только ты.

Услышав шуршание покрышек, Грейс выглянула в окно. Длинный лимузин, сверкая зеркально-черными боками, двигался по их подъездной дорожке с плавностью мотаунской подпевки. Шофер, тип с крысиной физиономией и телосложением уипета^[10], поспешно выскочил и открыл заднюю дверь.

Появился Карл Веспа.

Несмотря на род занятий, о котором трубила молва, Карл Веспа не одевался в бархат а-ля клан Сопрано и не носил блестящих непромокаемых костюмов, предпочитая брюки защитного цвета, спортивные куртки «Джозеф Аббуд» и мокасины на босу ногу. Веспе было под шестьдесят, но выглядел он лет на десять моложе. Седина в светлых волосах до плеч была незаметна. Загорелое лицо отличалось гладкостью, которую дает ботокс. Длинные, как у хищника, клыки свидетельствовали об избытке в организме гормона роста.

Кивнув крысообразному водителю, Веспа пошел дальше один. Грейс поспешила открыть дверь. На ее приветствие Карл Веспа ответил ослепительной белоснежно-клыкастой улыбкой. Грейс тоже улыбнулась, искренне радуясь встрече. Веспа поцеловал ее в щеку. Они не произнесли ни слова – это было лишним. Веспа держал Грейс за руки и смотрел на нее увлажнившимися глазами.

Макс подошел к матери и прижался к ее боку. Веспа выпустил руки Грейс и отступил на шаг.

– Макс, – начала Грейс, – это мистер Веспа.

– Привет, Макс.

– Это ваша машина? – спросил мальчик.

– Моя.

Макс посмотрел на лимузин, потом снова на Веспу:

– А телевизор внутри есть?

– Есть.

– Ух ты!

Рядом раздался театральный кашель.

– А это моя подруга Кора, – спохватилась Грейс.

– Я в восхищении, – галантно сообщил гость.

Кора посмотрела на лимузин и вновь на Веспу.

– Вы, случаем, не женаты?

– Нет.

– Ух ты!

Грейс в шестой раз повторила, когда и чем Макса покормить и чем он должен заниматься. Кора делала вид, что слушает. Грейс дала ей двадцать долларов на пиццу: этот блин с сыром Макс с недавних пор предпочитал всему остальному. Эмму примерно через час привезет мать ее одноклассницы.

Грейс и Веспа направились к лимузину. Водитель уже придерживал открытую дверь.

– Это Крам, – сказал Веспа, кивнув в сторону шофера.

Крам пожал Грейс руку, и она едва подавила крик.

– Я очень польщен, – сказал Крам. Его улыбка заставляла вспомнить документальные фильмы канала «Дискавери» о морских хищниках.

Грейс юркнула в лимузин, куда после нее вальяжно уселся Карл Веспа. На столике стояли бокалы уотерфордского хрусталя и графин, наполовину наполненный какой-то карамельно-гламурного вида жидкостью. Был там и упомянутый телевизор. Над сиденьем нашелся DVD-плеер, CD-плеер со множеством кнопок, способных смутить опытного пилота. Все вместе – хрусталь, напитки, климат-контроль, хитрая электроника – давило роскошью, но ведь этого подсознательно и ждешь от сияющего лимузина?

– Куда едем? – спросила Грейс.

– Долго объяснять. – Они с Веспой сидели рядом, лицом по направлению движения. – Лучше давай я тебе покажу.

Карл Веспа первым из родителей, навсегда потерявших своих детей в Бостонской давке, появился у ее больничной койки. Когда Грейс вышла из комы, первое, что она увидела, было лицо Карла Веспы. Она не знала, кто это, где она, какой сегодня день, – из памяти стерлась целая неделя. А Карл Веспа просиживал в ее палате сутками, засыпая в кресле рядом с ее кроватью. В палате всегда стояли букеты свежих цветов. Он обеспечил красивую обстановку, негромкую успокаивающую музыку, хорошие обезболивающие, частную сиделку. Как только Грейс смогла самостоятельно есть, благодаря Карлу Веспе ее стали кормить нормальной, а не больничной едой.

Он ни разу не спросил, что произошло, да Грейс и не могла бы дать вразумительный отчет. Следующие месяцы они говорили часами. Веспа рассказывал ей разные истории, в основном о своих неудачах на отцовском поприще. Благодаря обширным связям он попал в ее палату в первую же ночь. Он заплатил охране – что характерно, охрану больницы контролировала одна из городских преступных группировок – и сутками сидел у изголовья девушки.

Позже его примеру последовали родители других погибших. Странно, но их тянуло к Грейс, словно в ее обществе они находили утешение. Их дети погибли рядом с ней, и, быть может, малая часть души навсегда потерянного сына или дочери каким-то образом переселилась в ту, что выжила. Все это отдавало мистикой, но Грейс временами казалось, что она понимает.

Убитые горем родители рассказывали ей о своих погибших детях, и Грейс слушала, сознавая, что должна, обязана делать хотя бы это. Ситуация казалась ненормальной, но что-либо изменить не представлялось возможным. У Грейс не было ни отца, ни матери, а в больнице она купалась в нежности и внимании, от которых давно отвыкла. Этим людям не хватало ребенка, ей – родителей, такая вот

получилась перекрестная проекция. Точнее определить происходящее Грейс не могла.

Выехав на Гарден-Стейт-Паркуэй, лимузин взял курс на юг. Крам включил радио. Из динамиков полилась классическая музыка – концерт для скрипки с оркестром.

– Ты помнишь, что скоро годовщина? – сказал Веспа.

– Да, – отозвалась Грейс.

Она помнила, хотя изо всех сил старалась забыть. Пятнадцать лет. Прошло пятнадцать лет с той страшной ночи в «Бостон-Гарден». В газетах уже появлялись публикации в память о трагедии: «Где-то они теперь?» Родители жертв и выжившие в давке отнеслись к печальному юбилею по-разному. Большинство активно участвовали в траурных мероприятиях, считая, что это единственный способ не дать памяти о своих близких кануть в небытие. Появлялись душераздирающие статьи о Гаррисонах, Ридсах, Вейдерах. Гордон Маккензи, офицер охраны на том концерте, спасший десятки людей – он взломал запертые двери запасных выходов со стадиона, – служил в бруклинской полиции в чине капитана. Даже Карл Веспа дал согласие на публикацию своей фотографии с женой Шэрон, сделанной во дворе их дома: они сидели рядом, но было видно, что в душах этих людей навсегда поселилась пустота.

Грейс выбрала иной путь. Успешная художница, она не желала делать саморекламу на людском горе. Да, тогда она серьезно пострадала – и все, хватит об этом. Она не желала напоминать о себе, как многие не востребованные актеры, вылезаящие из богом забытых щелей, чтобы уронить крокодилову слезу на гроб ненавистного удачливого коллеги. Она не желала участвовать в юбилее. Пусть все внимание достанется погибшим и тем, кто остался их оплакивать.

– Он снова подал прошение об условно-досрочном, – желчно сказал Веспа. – Уэйд Ларю.

Грейс поняла и без пояснения.

В подстрекательстве к массовым беспорядкам, которые привели к давке и гибели людей, обвинили Уэйда Ларю, ныне заключенного тюрьмы Уолден возле Олбани, штат Нью-Йорк. Именно он произвел несколько выстрелов, вызвавших панику. Интересны были доводы защиты: несмотря на то что Ларю задержали с принадлежавшим ему пистолетом в руках и что пули, как подтвердила экспертиза, были выпущены из этого пистолета, несмотря на наличие свидетелей, видевших, как Ларю стрелял, адвокаты настаивали, что их подзащитный этого не делал. А если даже стрелял, то в состоянии сильнейшего алкогольного и наркотического опьянения и ничего не помнит. В качестве убойного аргумента – на случай если здравый смысл присяжных все же не дрогнет под грузом веских доводов защиты – адвокат клялся, что Уэйд Ларю не мог предвидеть, что пара выстрелов из пистолета оставит после себя восемнадцать погибших и десятки покалеченных.

Случай признали неоднозначным. Обвинители требовали наказания как за восемнадцать убийств при отягчающих обстоятельствах, но присяжные не согласились с такой точкой зрения, и адвокату удалось свести дело к обвинению в восемнадцати непредумышленных убийствах. Приговор, кстати, мало волновал общественность; все знали: в «Бостон-Гарден» погиб единственный сын Карла Веспы – и помнили, что началось, когда в автомобильной аварии погиб сын мафиози Готти: водитель второй машины, отец семейства, пропал, как в воду канул. Все ждали, что Уэйда Ларю постигнет та же участь, и готовы были встретить подобный исход рукоплесканиями.

Сначала Ларю держали в Уолдене в одиночке. Грейс не следила за развитием событий, но знала, родители погибших, включая Карла Веспу, созваниваются и переписываются – им требовалось время от времени видеться. Выжившая Грейс чувствовала себя погребальной урной с незримыми останками умерших. Огромный эмоциональный груз – чудовищная, невозможная ответственность, наложенная на

долгое и трудное физическое восстановление, – стал основной причиной ее отъезда за границу.

Через несколько лет Ларю перевели в общую камеру. Ходили слухи, что сокамерники избивают его и насилуют, но отчего-то он был все еще жив. Карл Веспа не стал лишать Ларю жизни – может, из милосердия, а может, и наоборот, если вдуматься.

– Он наконец перестал заявлять о своей невинности, слышишь? – продолжал Веспа. – Признает, что стрелял из пистолета, но говорит, просто выпускал пар – очень уж расстроился, когда погасли огни на сцене.

Это походило на правду. Грейс видела Уэйда Ларю всего раз – ее вызвали в суд как свидетельницу. Ее показания ничего не добавили к его вине или невинности – она не помнила даже давки и тем более не могла указать на того, кто пальнул в воздух, – но, безусловно, вызвали нужные эмоции у присяжных. Однако Грейс не хотела мести и навсегда вычеркнула из памяти Уэйда Ларю, по сути, ничтожество и мелкого хулигана, достойного скорее жалости, чем ненависти.

– Думаешь, его выпустят? – спросила она.

– У него новый адвокат. Очень ловкая мадам.

– И если она добьется его освобождения...

Веспа улыбнулся:

– Не верь всему, что обо мне печатают. Кроме того, в случившемся той ночью следует винить не только Уэйда Ларю.

– Как это?

Веспа ограничился лишь туманной фразой:

– Как я уже говорил, проще показать.

По его тону Грейс поняла: лучше сменить тему.

– Почему вы назвались холостяком?

– Что?

– Вы сказали моей подруге, что не женаты.

Веспа пошевелил пальцами. Обручального кольца не было.

– Мы с Шэрон развелись два года назад.

– О, мне жаль!

– У нас давно не клеилось, – пожал плечами Веспa, глядя в сторону. – А как твоя семья?

– Ничего.

– Что так неуверенно?

Грейс промолчала.

– По телефону ты сказала, тебе нужна моя помощь.

– Да.

– Так что случилось?

– Мой муж... – Грейс запнулась. – Мне кажется, он попал в беду.

И она рассказала Веспe о произошедшем. Он смотрел вперед, избегая встречаться с ней взглядом, иногда кивая, но его кивки странно не совпадали с тем, что она говорила. Выражение его лица не менялось, что было странно: Веспa отличался живостью мимики. Когда Грейс закончила, он долго молчал.

– А тот снимок у тебя?

– Да. – Она протянула ему фотографию, отметив, что рука у него слегка дрожит. Веспa рассматривал снимок целую вечность.

– Могу я его взять?

– Да, я сделала копии.

По-прежнему не отрывая взгляда от фотографии, Веспa спросил:

– Можно задать тебе очень личный вопрос?

– Да, наверное.

– Ты любишь мужа?

– Очень.

– А он тебя?

– Тоже.

Веспa видел Джека лишь однажды. На свадьбу и по случаю рождения Эммы и Макса он прислал им подарки. Грейс всякий раз писала благодарственные открытки, но отдавала подарки благотворительным фондам. Она ничего не имела против общения с Карлом Веспой, однако не хотела, чтобы эта дружба, как говорится, отбрасывала тень на ее детей.

– Вы познакомились в Париже?

– Нет, на юге Франции. А что?

– А как вы встретились снова?

– Да какая разница?

Ответ последовал после чуть заметной паузы:

– Просто пытаюсь понять, насколько хорошо ты знаешь своего мужа.

– Мы женаты десять лет!

– Да я понимаю. – Он двинулся на сиденье. – Вы познакомились, когда ты была на отдыхе?

– Я бы не назвала это отдыхом.

– Ты училась. Писала картины.

– Да.

– А в основном пряталась.

Грейс не ответила.

– А Джек? – не отставал Веспа. – Что он там делал?

– Да то же самое, по-моему.

– Прятался?

– Мне показалось, да.

– От чего?

– Не знаю.

– В таком случае хочешь услышать очевидное?

Грейс молча ждала.

– От чего бы он ни прятался, – Веспа показал на снимок, – это его настигло.

Грейс приходила в голову та же мысль.

– Это было очень давно.

– Как и Бостонская давка. Как и твое бегство. Зато удалось убежать?

В зеркало заднего вида Грейс увидела: Крам смотрит на нее выжидательно. Она промолчала.

– Прошлое не отпускает, Грейс, и ты это знаешь.

– Но я люблю мужа!

Веспа молча кивнул.

– Вы мне поможете?

– Ты же знаешь, да.

По широкой дуге лимузин свернул с Гарден-Стейт-Паркуэй, и впереди Грейс увидела увенчанное крестом огромное, как самолетный ангар, строение самых незатейливых форм. Неоновая вывеска гласила, что еще остались билеты на концерты с Создателем и что сегодня выступает группа «Вознесение». Крам въехал на стоянку размером с футбольное поле и заглушил мотор.

– Зачем мы сюда приехали?

– Найти Бога, – ответил Веспа. – Или его противоположность. Пошли, я хочу тебе кое-что показать.

Глава 13

Идиотизм какой-то, думала Чарлин, решительно направляясь во двор Фредди Сайкса. Скорее всего, она взвинчивает себя и преувеличивает опасность, изголодавшись по приключениям в своей пресной жизни. Но с другой стороны – и что? Если подумать, что самое худшее с ней случится? Ну узнает Майк, ну уйдет из семьи, тоже мне, конец света...

Неужели ей хочется, чтобы все открылось?

Все, пора кончать с этим любительским самоанализом. Нет ничего плохого в том, чтобы на минутку заглянуть к соседу. Два года назад Майк поставил на заднем дворе сплошной забор в четыре фута высотой, хотя ему хотелось изгородь повыше. По городским правилам запрещалось устанавливать высокие заборы, если на участке нет открытого бассейна.

Со странным чувством Чарлин впервые открыла калитку в заборе, разделявшем их дворы. Прежде она к ней не подходила.

Приближаясь с тыла к жилищу Фредди, Чарлин впервые рассмотрела, насколько дом неухожен и стар. Краска облупилась, газон сто лет не подстригали, через потрескавшийся бетон дорожки проросли сорняки. Повсюду виднелись проплешины сухой травы. Обернувшись, Чарлин взглянула на свой дом – она никогда не видела его в таком ракурсе. Он тоже выглядел старым и обветшалым.

Чарлин ступила на порог черного хода.

Так, теперь что?

«В дверь стучи, безмозглая!»

Чарлин постучала – негромко и деликатно. Ответа не последовало. Она забарабанила кулаком. Тихо. Чарлин приложила ухо к двери, словно в надежде расслышать приглушенный крик или что-нибудь в этом роде.

Из недр дома не доносилось ни звука.

Шторы по-прежнему были опущены, но справа и слева они прилегали неплотно, позволяя кое-что разглядеть. Чарлин прижалась лбом к оконному стеклу. Потертый ядовито-зеленый диван в гостиной напоминал бесформенный полуоплывший сугроб. Угол занимало идиотское виниловое кресло. Взгляд немного отдыхал на новом телевизоре. На стене висели старые рисунки, изображавшие клоунов. Пианино было сплошь заставлено старыми черно-белыми фотографиями: свадебная – должно быть, родители Фредди, неотразимый красавец-жених в военной форме, рядом – он же, с младенцем на руках и широкой счастливой улыбкой. На других снимках молодого человека уже не было, только Фредди, один или с мамашей.

В комнате был идеальный порядок, как в музее. Застывшая во времени, нежилая, неменяющаяся, будто склеп... На тумбочке – коллекция фигурок и еще фотографии. Надо же, у Фредди Сайкса своя жизнь, подумала Чарлин. Странная мысль, но вот навеяло.

Она перешла к гаражу. В задней стене здесь имелось окошко, занавешенное полупрозрачным купоном штамповки-кружева. Чарлин привстала на цыпочки, ухватившись за притвор окна. Дерево рамы было таким старым, что едва не треснуло; чешуйки краски сыпались на нее, как перхоть.

Чарлин заглянула в гараж.

Там стоял другой автомобиль.

Не легковой универсал. «Форд-виндстар». Поселишься в маленьком городишке, от скуки будешь знать все модели.

У Фредди Сайкса не было универсала.

Может, это машина его молодого азиатского приятеля? Логично?

Отчего-то Чарлин засомневалась.

Так. Ну и что теперь?

Опустив голову, она напряженно думала. От постоянных размышлений голова у нее трещала еще по пути сюда. Покидая безопасность родных стен, Чарлин уже знала: на стук в дверь никто не ответит. Она прекрасно понимала, что подглядывание в

занавешенные окна – подсматривать за вуайеристом, господи помилуй! – ничего не даст.

Камень.

Он лежал на бывших огородных грядках. Однажды Чарлин видела, как Фредди им воспользовался. Булыжник был ненастоящий – пластмассовый тайник для ключей. Таких фальшивых камней сейчас пруд пруди. Наверное, даже домушники сначала ищут псевдокаменную ключницу, а потом шарят под ковриком.

Нагнувшись, Чарлин подняла камень и перевернула. Оставалось отодвинуть маленькую панель и достать ключ. Ключ, сверкнув на солнце, выпал ей на ладонь.

Теперь осталось переступить последнюю черту. Точку невозврата.

Чарлин, ни минуты не сомневаясь, направилась к черному ходу.

Глава 14

С улыбкой морского хищника Крам галантно открыл Грейс дверцу. Карл Веспа вышел из лимузина сам. На огромной неоновой вывеске указывалась конфессиональная принадлежность храма – Грейс о такой никогда не слышала. Надпись, украшавшая фасад в разных вариантах, гласила: это дом Бога, однако Грейс подумала, что Господь предпочитает архитектуру позатейливее: бетонная коробка отличалась красотой и изяществом придорожного мегамаркета.

Внутри оказалось еще хуже – такой безвкусице позавидовал бы и Грейсленд^[11]: ярко-красное, как плохая помада, ковровое покрытие, обои на тон темнее – почти кровавые, бархатистые, с сотнями выдавленных звезд и крестов. От красного марева Грейс стало дурно. В главном приделе, в смысле молитвенном доме, а точнее – на сцене, вместо стульев стояли скамьи со спинками, страшно неудобные на вид, – красноречивый намек, что в доме Божьем подобает стоять, не сидеть. Грейс мысленно хмыкнула, подумав, что причина, по которой во время любой религиозной службы полагается массово вставать, не связана с культовым почитанием, а имеет целью помешать прихожанам невзначай задремать.

Оказавшись на сцене, Грейс почувствовала, как забилося ее сердце.

Зеленый с золотом, на манер наряда команды болельщиц, алтарь был отодвинут – вернее, его откатили на колесиках в сторону. Грейс поискала глазами проповедников с дешевыми накладками, но ничего такого не увидела. Рок-группа – Грейс поняла, что это и есть «Вознесение», – готовилась к выступлению. Карл Веспа встал рядом с Грейс, глядя на сцену.

– Это ваша церковь? – спросила Грейс.

Легкая улыбка тронула его губы.

– Нет.

– Что мне будет, если я рискну предположить, что вы не поклонник «Вознесения»?

Веспа пропустил вопрос мимо ушей.

– Давай-ка подойдем поближе к сцене.

Первым шел Крам. Охранники отшатывались от него, как от ядовитого гада.

– Что здесь будет? – спрашивала Грейс.

Веспа спокойно спускался по ступеням. Когда они сошли туда, где в театре располагаются первые ряды партера – интересно, как называют хорошие места в церкви? – Грейс осмотрелась и увидела помещение совершенно по-новому: это был огромный театр с круглой сценой в центре. Амфитеатром ее окружали ряды скамей. У Грейс отчего-то перехватило дыхание.

Не приходилось сомневаться – здесь состоится рок-концерт.

Веспа взял ее за руку:

– Все будет нормально.

Ничего нормального не будет, в этом Грейс не сомневалась. Она пятнадцать лет не ходила на концерты и спортивные матчи. А ведь прежде она обожала концерты, в старших классах ходила на Брюса Спрингстина и «И-стрит бэнд» в конференц-центре парка Эсбери. Грейс уже тогда поражало, что разница между рок-концертом и ревностной религиозной службой вовсе не так уж велика. Когда Брюс играл «Свидание через реку», а потом «Страну джунглей», две любимые песни Грейс, она стояла, закрыв глаза, с блестящим от пота лицом, потерявшаяся, унесенная в неведомые дали, дрожа от блаженного счастья, которое ей доводилось видеть на телепроповедях, когда толпа поднималась в едином порыве, воздевая руки и трепеща.

Грейс обожала это ощущение и знала, что до конца жизни не захочет снова его испытать.

Она отняла руку. Веспа кивнул, все поняв без слов.

– Идем, – мягко сказал он.

Грейс, прихрамывая, пошла за ним. Ей казалось, что она хромот сильнее, чем обычно. Нога болела. Самовнушение, конечно. Тесные комнаты Грейс не пугали, но вот огромные открытые пространства, особенно заполненные людьми, ужасали ее. Сейчас вокруг было пусто, слава Живущему здесь, но воображение Грейс разыгралось: она видела вокруг распаленную толпу.

Резкий свист из динамика заставил ее вздрогнуть. Кто-то проверял звук.

– Для чего это все? – спросила она.

Лицо Веспы было напряженным. Он свернул налево. Грейс старалась не отставать. Над сценой висело спортивное табло с объявлением, что у «Вознесения» сейчас самый разгар трехнедельного ангажемента и что именно их песняки Бог держит на своем плеере.

Группа вышла на эстраду для проверки звука. Музыканты собрались в центре, коротко о чем-то переговорили и начали репетицию. Грейс с удивлением услышала, что играют они вполне прилично, правда, стихи оказались слащавыми – небеса, расправленные крылья, вознесения и ободрения. Эминем призывал потенциальную подружку «прикипеть пьяной задницей к дерьмовой взлетной полосе»; песни «Вознесения», казалось бы диаметрально противоположные, коробили не меньше.

Исполняла песни платиновая блондинка с трогательной челкой; она пела, подняв очи к небесам. На вид ей было лет четырнадцать. Справа от нее стоял гитарист, уже похожий на рок-музыканта, – с черным начесом а-ля горгона Медуза и татуировкой в виде большого креста на правом плече. Играл он жестко, немилосердно дергая струны, словно они вывели его из себя.

Во время паузы Веспа сказал:

– Это песня Дуга Бонди и Мэдисон Силинджер.

Грейс пожала плечами.

– Дуг Бонди написал музыку, а Мэдисон – это вон та певица – стихи.

– И для чего мне это нужно знать?

– А вон и наш Дуг Бонди – на ударных.

Они подошли вплотную к сцене, чтобы лучше разглядеть ударника. Снова зазвучала музыка. Микрофон оказался совсем близко, и у Грейс тут же заболели уши, хотя в других обстоятельствах она бы только наслаждалась ритмичной звуковой вибрацией. Дуга Бонди было не разглядеть за богатой установкой. Грейс подалась вперед. Закрыв глаза, Бонди с безмятежным видом «барабанил по шкурам», как они говорят. Он выглядел старше, чем другие участники группы, был чисто выбрит, пострижен под «ежик» и носил черные очки а-ля Элвис Костелло.

Внутри у Грейс что-то оборвалось.

– Я хочу домой, – сказала она.

– Знакомое лицо, не правда ли?

– Я хочу вернуться!

Ударник виртуозно «качал», совершенно уйдя в мир музыки, но отчего-то случайно повернул голову и увидел Грейс. Их взгляды встретились, и он узнал ее, как секундой раньше Грейс узнала его.

Это был Джимми Экс.

Не дожидаясь Веспы, Грейс, сильно хромая, поковыляла к выходу, силясь уйти, скрыться от гремевшей музыки.

– Грейс! – позвал Карл Веспа.

Не обернувшись, она толкнула дверь запасного выхода и буквально выпала на улицу. Холодный воздух наполнил легкие. Грейс жадно и глубоко дышала, стараясь прогнать дурноту. Крам ждал на улице, словно заранее зная, через какие двери выйдет Грейс, и улыбнулся ей.

Карл Веспа вышел следом.

– Это он, верно?

– А если да, то что?

– Как это – если?! – Веспа был поражен. – Он не невинная овца.

Он должен отвечать наравне с...

– Я хочу домой.

Веспа осекся на полуслове, будто получив пощечину.

Напрасно она ему позвонила, теперь Грейс это понимала. Она выжила. Она выздоровела. Да, осталась хромота. Да, порой все болит, мучают кошмары, но в целом у Грейс все нормально – она пережила случившееся в отличие от родственников погибших, которых трагедия никогда не отпустит. Она прочла это в первый же день в потухших глазах родителей жертв, и хотя жизнь шла своим чередом, раны затягивались и все кое-как склеилось из осколков, надлом и опустошение стали их вечными спутниками. Грейс посмотрела в глаза Карлу Веспе и на миг перенеслась на пятнадцать лет назад.

– Пожалуйста, – устало сказала она. – Отвезите меня домой.

Глава 15

Ву заметил пропажу ключей.

Камень лежал на дорожке, ведущей к черному ходу, перевернутый, как умирающий краб. Крышка была сдвинута, ключи исчезли. Ву помнил, как впервые шел к ограбленному дому. Ему тогда было шесть лет, и они жили в хижине – одна тесная комната без удобств. Правительство Кореи не морочило себе голову поиском ключей: дверь просто выбили и вытащили его мать на улицу. Ву увидел мать через два дня – ее повесили на дереве. Под страхом казни снимать тело запрещалось. Еще через день до нее добрались птицы.

В предательстве Великого Вождя мать Ву обвинили ошибочно, но на самом деле виновность или невиновность значения не имели. Требовался пример для устрашения: вот что ждет любого, кто бросит нам вызов. Убедитесь своими глазами – вот что будет со всяким подозреваемым в диссидентстве.

Никто не приютил шестилетнего Эрика, ни один сиротский приют не принял его к себе. Он не попал под опеку государства. Эрик Ву убежал. Спал в лесу, питался объедками из мусорных контейнеров – и как-то выжил. В тринадцать лет он попался на краже и угодил за решетку. Начальник тюрьмы, с душой чернее, чем у последнего из вверенных ему осужденных, счел, что мальчишка далеко пойдет. Так все и началось.

Ву смотрел на муляж камня, где лежали ключи.

К Сайксу кто-то проник.

Он покосился на соседний дом. Логичнее всего предположить, что сюда сунулась та любопытная соседка. Она наверняка знала, где Фредди Сайкс прячет ключи.

Ву соображал, как поступить.

Вариант первый: просто уехать.

Джек Лоусон в багажнике. У Ву есть универсал. Можно угнать другую машину, уехать и устроиться на новом месте.

Проблема: в доме отпечатки его пальцев и тяжело искалеченный, а возможно, уже мертвый Фредди Сайкс. Соседка в кружевном белье, если это она, тоже в случае чего сможет его узнать. Ву только что выпустили условно. Федеральный прокурор подозревала его в ужасных преступлениях, но доказать ничего не смогла и согласилась на сделку в обмен на свидетельские показания. Ву отбывал срок в тюрьме строгого режима, и хотя по сравнению с тем, что ему довелось испробовать на родине, Уолден казался пятизвездочным отелем, возвращаться туда Ву не хотелось.

Итак, первый вариант отпадает. Стало быть, остается второй.

Ву тихо открыл дверь и бесшумно проскользнул в дом.

В лимузине Грейс и Веспа ехали молча.

Грейс думала о своей последней – теперь уже предпоследней встрече с Джимми Эксом пятнадцать лет назад в больнице. Его заставили позировать для фоторепортажа, который заказал промоутер рокера, но Экс не смог даже взглянуть на нее, не то что заговорить. Он понуро стоял у койки с букетом в руке, опустив голову, как проштрафившийся школьник. Грейс тоже не произнесла ни слова. В конце концов рокер протянул ей цветы и вышел.

Позже Джимми Экс бросил музыкальную карьеру и исчез – говорили, он поселился на частном острове неподалеку от Фиджи. И вот пятнадцать лет спустя он объявляется в Нью-Джерси в качестве ударника в христианской рок-группе.

Когда лимузин свернул на ее улицу, Веспа сказал:

– Как видишь, дела лучше не становятся.

Грейс отозвалась, глядя в окно:

– Джимми Экс не стрелял.

– Знаю.

– Так чего вы от него хотите?

– Он ни разу не извинился.

– И все?

Веспа подумал.

– Выжил еще один мальчик, Дэвид Рид. Ты его помнишь?

– Да.

– Он стоял рядом с Райаном, чуть ли не в обнимку. Когда толпа хлынула на сцену, Рида кто-то подцепил плечом и вынес из давки.

– Я помню.

– А ты помнишь, что сказали его родители?

Грейс помнила, но промолчала.

– Что это Иисус поднял их сына и это Божья воля. – В словах Веспы Грейс почудился затаенный гнев. Она словно оказалась в опасной близости от раскаленной изнутри доменной печи. – Мистер и миссис Рид молились, и Бог, изволишь видеть, среагировал. Они назвали это чудом. Господь воззрил на их дитя, твердили они. Можно подумать, у Бога не было желания или намерения спасти моего мальчика...

Веспа замолчал. Грейс хотела сказать, что в тот день погибли многие, за кого всю жизнь молились родители, что пути Господни неисповедимы и речь не о пристрастном выборе, но Веспа все это знал и не нуждался в утешении.

Когда они подъехали к дому, была уже ночь. В кухонном окне Грейс различила силуэты Кору и детей. Веспа сказал:

– Я помогу тебе найти Джека.

– А вы это можете?

– Ты бы сильно удивилась, узнав, что могу, – отозвался Веспа. – Мой телефон у тебя есть. Если что-то понадобится, звони в любое время. Я помогу.

Грейс выбралась из лимузина. Веспа проводил ее до двери.

– Я сообщу, когда что-то выясню.

– Спасибо.

– А пока прикажу Краму наблюдать за твоим домом.

Грейс взглянула на водителя. Тот осклабился.

– В этом нет необходимости.

– Ну, побалуй старика, – уговаривал ее Веспа.

– Нет-нет, не нужно. Я не хочу. Пожалуйста.

Веспа помолчал.

– Если вдруг передумаешь...

– Сразу позвоню.

Он повернулся и пошел к машине. Грейс смотрела ему вслед и в который раз гадала, стоило ли заключать сделку с дьяволом. Крам открыл дверцу, и лимузин, казалось, проглотил Веспу. Шофер кивнул на прощание. Грейс стояла неподвижно. Она считала себя неплохим психологом, но Карл Веспа заставил ее в том усомниться. Грейс никогда не видела и даже не чувствовала в нем ни тени зла, однако прекрасно знала: Веспа – фигура темная.

Зло – настоящее зло – именно такое.

Кора поставила кипятить воду для макарон «Ронзони». Вывалив на сковородку банку соуса «Прего», она наклонилась ближе к уху Грейс и прошептала:

– Пойду проверю почту. Вдруг есть ответы?

Грейс кивнула. Она помогала Эмме готовить уроки и изо всех сил старалась сосредоточиться. Дочка нацепила баскетбольную футболку «Джейсон кид нетс», назвала себя Бобом и заявила о желании стать спортсменом. Грейс не знала, как реагировать, но решила – это меньшее зло, чем пищать от восторга, разглядывая мальчишеские рок-группы средней руки в журнале «Тин бин».

Миссис Лэм, моложавая, но быстро стареющая учительница Эммы, учила с ними таблицу умножения. Задан был столбик на шесть. Грейс проверила дочь. На шестью семь Эмма задумалась.

– Это надо знать наизусть, – сказала Грейс.

– Зачем? Я и посчитать могу.

– Не в том дело. Таблицу заучивают наизусть, чтобы было легче, когда вы начнете перемножать многозначные числа.

– Миссис Лэм не говорила учить наизусть.

– А я говорю.

– А миссис Лэм...

– Шестью семь?

Так у них дело и шло.

Максу предстояло найти предмет, который можно положить в «секретный ящик». Кладете его – в данном случае хоккейную шайбу – в коробку и говорите три подсказки, чтобы сотоварищи по детскому саду могли угадать, что там спрятано. Первое: вещь черного цвета. Второе: имеет отношение к спорту. Третье: лед. Все честно.

Вернулась Кора и отрицательно покачала головой. Пока ничего. Держа в руках бутылку вина – неплохого, хотя и дешевого австралийского шардоне, она возилась с пробкой. Грейс уложила детей.

– А где папа? – спрашивал Макс.

– Я написала куплет про хоккей! – вторила Эмма.

Грейс отделалась туманными фразами насчет папиной загруженности работой. Судя по всему, дети не очень-то поверили.

– С удовольствием послушаю твой стих, – сказала Грейс.

Эмма неохотно вытащила тетрадь и начала:

Хоккейная клюшка, хоккейная клюшка,

Любишь ли ты хороший счет?

Когда ты забиваешь шайбу,

Не чешутся ли у тебя руки забить еще?

Девочка подняла глаза. Грейс выдохнула «ух ты!» и заплодировала, но она никогда не умела изображать восторг так, как Джек. Поцеловав детей на ночь, она сошла вниз. Бутылка вина стояла открытая. Они с Корой налили себе по бокалу. Грейс не хватало Джека. Он пропал менее суток назад, и хотя раньше он много раз уезжал в длительные командировки, дом отчего-то

казался заброшенным. Здесь поселилась непонятная пустота, ощущение потери, безвозвратной и непоправимой. Отсутствие Джека причиняло Грейс почти физическую боль.

Они с Корой выпили еще. Грейс думала о детях, о жизни, о том, как им втроем жить без Джека. Родители всегда стараются в первую очередь защитить детей. Грейс отдавала себе отчет, как тяжело ей будет, если Джека не найдут. Но она с этим справится. Ее боль не идет ни в какое сравнение с тем, что испытают двое мирно сопящих наверху... Хотя Макс и Эмма наверняка лежат сейчас без сна: им тоже не хватает Джека.

Грейс смотрела на семейные фотографии, развешенные по стенам. Кора придвинулась ближе.

– Он хороший человек.

– Да.

– Ты как?

– Вина слишком много, – сказала Грейс.

– А по мне, так недостаточно. Куда тебя возил мистер Мафиози?

– Послушать христианскую рок-группу.

– Ну просто первое свидание!

– Это долго объяснять...

– Я вся внимание.

Но Грейс покачала головой – ей не хотелось говорить о Джимми Эксе. В голове забрезжила догадка, и Грейс замолчала, давая ей время оформиться.

– Что? – не выдержала Кора.

– Может, Джек звонил не один раз, а больше?

– Не только своей сестре, ты хочешь сказать?

– Да.

Кора кивнула.

– Вы счета оплачиваете через Интернет?

– Интернет? У нас «Америка онлайн».

– Нет, я имею в виду, за телефон вы платите на сайте?

– Да все руки не доходят разобраться...

– Значит, сейчас самое время. – Кора встала и нетвердой походкой направилась в кабинет Джека. – Как вы звоните по межгороду?

– Через «Каскад».

Они вдвоем подошли к компьютеру Джека. Кора села за стол, похрустела пальцами и взялась за дело, открыв для начала сайт «Каскада». Грейс диктовала необходимые сведения – адрес, номер социальной страховки, кредитной карты. Затем они ввели пароль и тут же получили от «Каскада» извещение, что они только что подключились к услуге онлайн-биллинга.

– Вот мы и в дамках, – сказала Кора.

– Не понимаю.

– Мы зарегистрировались в онлайн-биллинге. Можешь теперь просматривать и оплачивать телефонные счета через Интернет.

Грейс смотрела на экран из-за плеча Кору.

– Это все за прошлый месяц?

– Ну да.

– Но здесь же нет вчерашних звонков!

– Хм. А давай-ка я напишу им письмо с запросом. Или можно позвонить в «Каскад» и спросить.

– Они круглосуточно не работают. Что ты хочешь, дешевый оператор... – Грейс подалась к монитору. – Дай-ка посмотрю, звонил он сестре раньше?

Она пробежала глазами список звонков – ничего, вообще никаких незнакомых номеров. Грейс уже без малейшей неловкости шпионила за мужем, которого любила и которому доверяла. Это было странно и даже жутковато.

– Кто у вас оплачивает счета? – спросила Кора.

– Чаще всего Джек.

– Счет за телефон присылают по почте?

– Да.

– Ты его проверяешь?

– Разумеется.

Кора кивнула.

– А мобильный у Джека есть?

– Естественно.

– А счета за мобильный?..

– При чем тут...

– Ты их проверяешь?

– С какой стати, пусть сам занимается!

Кора улыбнулась.

– В чем дело?

– Когда мой бывший меня обманывал, они созванивались по сотовому, потому что я никогда не проверяла счета за мобильную связь.

– Джек мне не изменяет!

– Но могут же у него быть секреты?

– Ну, могут, – вынужденно согласилась Грейс. – Да, такая возможность существует.

– Тогда где он может хранить счета за мобильную связь?

Грейс открыла секретер – здесь у Джека лежали счета за «Каскад» – и посмотрела под буквой «В», на «Веризон».

– Ничего нет.

Кора потеряла руки:

– Ого, подозрительно! Тогда займемся нашим вуду.

– Каким именно?

– Представь, что Джек что-то от тебя скрывал. Тогда, по логике, он уничтожал счета сразу, как только они приходили.

Грейс покачала головой:

– Господи, так странно это слышать...

– Но я права?

– Ну да, если у Джека от меня секреты...

– Грейс, да у всех есть секреты. Не прикидывайся, что не знала. Не надо делать вид, что случившееся для тебя как гром среди ясного неба!

В нормальной ситуации такая бесцеремонность заставила бы Грейс замолчать, но сейчас у нее не было настроения играть в принцессу.

– Ладно, допустим, Джек спускал счета в шредер сразу по получении. Как в таком случае с ними ознакомиться?

– Так же, как я только что делала, – откроем онлайн-счет в «Веризоне». – Кора уже что-то печатала.

– Кора!

– А?

– Можно вопрос?

– Давай.

– Где ты всему этому научилась?

– Опыт, дорогая, и практика. – Кора на секунду перестала печатать и подняла глаза. – Как, по-твоему, я узнала об Ади и Еве?

– Неужели шпионила?

– Н-ну... Я купила книгу «Наблюдая за додо», или как-то так. Там все описано. Я хотела сначала убедиться, а уже потом предъявить доказательства измены этому засранцу.

– И что он сказал, когда ты предъявила?

– Что он виноват, больше никогда так не будет, бросит свою Иванну с имплантатами и по гроб жизни с ней не увидится.

Грейс смотрела на яростно стучащую по клавишам подругу.

– Ты его сильно любишь, да?

– Больше жизни, – отозвалась Кора. – Может, еще бутылочку откроем?

– Только если ты не сядешь сегодня за руль.

– Ты хочешь, чтобы я здесь заночевала?

– В таком состоянии нельзя вести машину!

– Ну ладно, уговорила.

Грейс встала и, слегка пошатываясь, пошла в кухню. Кора вообще любила выпить, а Грейс сегодня была только рада поддержать компанию. Она открыла вторую бутылку. Вино успело нагреться,

поэтому Грейс бросила в бокалы по ледяному кубику. Пусть это и моветон, вино подруги предпочитали охлажденное.

Когда Грейс вернулась в комнату Джека, принтер тихо жужжал. Подав Коре напитки, она присела и недоверчиво покачала головой, уставившись в свой бокал.

– Ты что? – спросила Кора.

– Я наконец-то познакомилась с сестрой Джека.

– Ну и?..

– Просто представь себе. Сандра Ковал. Я даже имени ее не знала до вчерашнего дня.

– Неужели ты никогда не спрашивала Джека, как зовут его сестру?

– Нет.

– Почему?

Грейс пригубила вино.

– Это сложно...

– Ну, я все же не самая тупая, вдруг пойму.

Грейс соображала, как лучше ей объяснить.

– Я считала нормальным и даже правильным не вываливать друг на друга всю свою биографию, а оставлять в шкафу хоть пару скелетов. Я тоже старалась кое о чем забыть, и Джек никогда меня не расспрашивал.

– А ты не лезла к нему в душу из благодарности.

– Не только.

– А что еще?

Грейс подумала.

– Мне никогда не нравилась эта манера некоторых пар – «у нас нет секретов друг от друга». У Джека богатая родня, но он не хотел их денег и ушел из семьи. Это все, что я знаю.

– А откуда у родни состояние?

– Что?

– На чем разбогатели, говорю?

– На торговле ценными бумагами. Компанию основал еще дед Джека. Там у них какие-то трастовые фонды, опционы, акции – не

Онассисы, но хватает. Джек отчего-то с ними не общался – не участвовал в голосованиях, не притрагивался к деньгам. Он устроил так, чтобы его доля в трастовом фонде сразу перешла через поколение.

– То есть Эмме и Максусу?

– Ну да.

– И как ты к этому отнеслась?

Грейс пожала плечами.

– Знаешь, что я начинаю понимать?

– Я вся внимание.

– Почему я ничего не выспрашивала у Джека. Уважение к чужим секретам здесь ни при чем.

– А отчего же?

– Я любила его. Из всех, кого я знала, я любила Джека сильнее всего...

– Здесь просится «но»...

Грейс почувствовала, что глаза щиплет от слез.

– Но все казалось страшно хрупким. Понимаешь, тут нужно долго объяснять... С Джеком – пусть это прозвучит глупо, но рядом с Джеком я вспомнила, что значит быть счастливой. Впервые после смерти отца я жила счастливо.

– Досталось тебе, – тихо сказала Кора.

Грейс промолчала.

– Ты боялась, что счастье развеется как дым, поэтому не стремилась знать больше, чем Джек счел нужным открывать.

– Значит, я выбрала неведение.

– Так ведь не зря говорят «меньше знаешь – крепче спишь».

– Ты так считаешь?

Кора пожала плечами:

– Не взбреди мне в голову следить за Адольфом, он пережил бы свой роман и я осталась бы с мужчиной, которого люблю.

– А ты прими его обратно!

– Никогда.

– Почему?

Кора подумала.

– Для этого мне нужно полное неведение.

Взяв бокал, она сделала большой глоток.

Жужжание принтера наконец прекратилось. Грейс взяла листки и начала просматривать записи о звонках. Большинство номеров она знала; по сути дела, ей были знакомы почти все телефоны.

Но один, чересчур длинный, бросался в глаза.

– Код шестьсот три – это где?

– Не знаю. А где ты его нашла?

Грейс показала на мониторе. Кора подвела к строке курсор и выделила номер.

– Что ты делаешь?

– Жмешь на номер, и тебе сообщают, кому ты звонила.

– Да что ты?!

– Боже, в каком веке ты живешь? Ты хоть про звуковой кинематограф в курсе?

Грейс пропустила язвительные замечания мимо ушей.

– И все, что требуется, – нажать на ссылку?

– Это если номер есть в телефонной книге.

Кора нажала левую кнопку мыши, и в появившемся прямоугольнике они прочли: «Номер в списке не значится».

– На тебе. Его нет в списке.

Грейс посмотрела на часы.

– Полдесятого, время детское, – сказала она, – еще прилично звонить?

– В ситуации с пропавшим мужем еще как прилично.

Взяв трубку, Грейс набрала номер и поморщилась от резкого, громкого сигнала вызова – он заставил ее вспомнить концерт «Вознесения». Механический голос в трубке проговорил:

– Номер, по которому вы позвонили, не обслуживается. Дополнительной информации нет.

Грейс нахмурилась.

– Что?

– Когда Джек последний раз звонил туда?

– Три недели назад, – ответила Кора, глядя на монитор. – Разговор длился восемнадцать минут.

– Номер не обслуживается.

– Хм, значит, код шестьсот три. – Кора открыла другой веб-сайт. Набрав «код 603», она нажала «Ввод». Ответ появился сразу. – Это Нью-Гэмпшир. Подожди, давай проверим в «Гугле».

– Что проверим? Нью-Гэмпшир?

– Номер телефона!

– А что это даст?

– Этого номера нет в телефонной книге, так?

– Да.

– Тогда дай кое-что покажу. Это не всегда получается, но, может, нам повезет. – Кора набрала в строке поиска телефон Грейс. – Мы сейчас поищем в Интернете эти номера рядом. Не по телефонным справочникам, раз там его нет, но...

Кора нажала «Показать результат», и на экране появилась единственная ссылка на адрес сайта, посвященного премиям за художественные работы, учрежденным Университетом Брандейса, альма-матер Грейс. Кора нажала ссылку. На экране появились имя и телефон Грейс.

– Ты кого-то награждала?

Грейс кивнула:

– Да, мы распределяли стипендии на обучение на факультете искусств.

– Здесь все твои данные – имя, адрес и телефон, как и у других членов комитета. Ты им сама оставила, наверное.

Грейс только головой покрутила.

– Отбрось свои допотопные взгляды и добро пожаловать в эру информационных технологий, – засмеялась Кора. – Раз я знаю твое имя, можно задать миллион параметров для поиска. Вылезет сайт с

твоей галереей, потом твой колледж и так далее. Теперь попробуем с этим номером шестьсот три...

Пальцы Кору вновь запорхали над клавиатурой. Нажав клавишу «показать результат», она прищурилась, вглядываясь в экран:

– Так, что-то есть. Боб Додд.

– Боб?

– Да. Не Роберт, а Боб. – Кора подняла глаза на Грейс. – Знакомый?

– Нет.

– Вместо адреса – почтовый ящик в Фицуильяме, Нью-Гэмпшир. Ты там бывала?

– Ни разу.

– А Джек?

– По-моему, нет. Колледж он заканчивал в Вермонте, так что по идее мог бывать в Нью-Гэмпшире, но вместе мы туда не ездили.

Сверху слышался плач – Макс расплакался во сне.

– Иди, – сказала Кора. – Я посмотрю, что можно накопать о мистере Додде.

В спальню сынишки Грейс поднималась со стеснением в груди: ночную вахту в доме всегда нес Джек, разбираясь со страшными снами и просьбами принести водички. Он и держал детишкам головы в три утра, когда их, случалось, рвало. Днем с их кашлями, чиханьем, градусниками и температурой справлялась мама, подогревая куриный бульон и заставляя проглотить робитуссин, ночная же смена традиционно отводилась Джеку.

Когда она вошла, Макс всхлипывал. Уже не рыдал в голос, а тихо хныкал, и отчего-то это надрывало ей сердце сильнее, чем самый громкий крик. Грейс обняла мальчика, дрожавшего всем телом, и, мягко покачиваясь взад-вперед, принялась успокаивать его тихим «ш-ш-ш», шепча, что мама рядом, что все в порядке, что он в безопасности.

Мальчик не сразу, но успокоился. Грейс отвела его в туалет. Хотя Максимуму едва исполнилось шесть, писал он как настоящий мужчина – в

смысле не попадая в унитаз. Сонный ребенок покачивался, буквально спал стоя. Мама подтянула его пижамные штанишки с рисунками из «Поисков Немо», уложила в кровать и спросила, что же ему приснилось. Но Макс, помотав головой, мгновенно уснул.

Грейс смотрела, как в такт дыханию поднимается и опускается его грудь. Сейчас Макс был очень похож на отца.

Через минуту она сошла вниз. На первом этаже царила тишина, не нарушаемая даже шелестом клавиш. Грейс вошла в кабинет. Стул перед компьютером был свободен. Кора стояла в углу, судорожно стиснув в руке бокал с вином.

– Кора, ты что?

– Я знаю, почему телефон Боба Додда не обслуживается.

В голосе Кору слышалось странное напряжение, будто слова давались ей с трудом. Грейс ждала продолжения, но Кора молчала, пытаясь вжаться в угол.

– Что случилось? – не выдержала Грейс.

Кора быстро отхлебнула вина и выдохнула:

– Согласно некрологу в «Нью-Гэмпшир пост», две недели назад Боба Додда убили.

Глава 16

Эрик Ву ступил на порог дома Сайкса.

В доме было темно: уходя, Ву везде выключил свет. Незванный гость, воспользовавшийся ключами, не включил освещения. Интересно почему?

Надо же, у этой дамочки в кружевной комбинации хватило ума не зажигать огня.

Ву остановился. Если есть мозги не объявлять о своем присутствии зажженным светом, зачем тогда надо было бросать открытую ключницу посреди дорожки?

Что-то не складывалось.

Пригнувшись, Ву шмыгнул за кресло, замер, прислушался. Все было тихо. Будь в доме посторонние, он бы расслышал движение. Ву ждал.

Ничего.

Ву напряженно думал. Может, посетитель уже ушел?

Сомнительно. Человек, рискнувший воспользоваться чужим ключом, захочет осмотреться. Он бы нашел Фредди Сайкса в ванной и вызвал бы помощь. Если бы гость убрался восвояси, ничего не обнаружив, он положил бы ключи обратно в тайник. А здесь ни того ни другого.

Какой напрашивается логический вывод?

Гость все еще здесь. Затаился. Спрятался.

Мягко ступая, Ву двинулся вглубь дома. Все три выхода были заперты, он проверил. На двух имелись засовы, которые Ву бесшумно задвинул. Взяв стулья из столовой, он поставил по одному перед каждой дверью, желая если не преградить, то хотя бы помешать непрошеному посетителю беспрепятственно покинуть дом.

Поймать неожиданного противника.

Лестница была застлана ковровой дорожкой, заглушавшей звук шагов. Ву решил проверить ванную – там ли по-прежнему Фредди Сайкс. Ему вновь пришла на ум ключница, брошенная посреди дорожки, словно демонстративно. Бессмыслица какая-то. Он пошел медленнее.

Что-то не давало ему покоя. Начнем сначала. Человек, который знает, где Сайкс держит ключи, открывает дверь и проникает в дом. Дальше? При виде Фредди он наверняка ударится в панику и вызовет полицию. Не найдя Сайкса, просто уйдет, сунет ключи в пластмассовое хранилище и отложит псевдобульжник в сторону.

Однако на деле все было не так.

Значит, еще раз – какой вывод?

Единственное, что можно предположить, если Ву ничего не упустил, – незваный гость обнаружил Сайкса, как раз когда Ву вошел, и не имел времени вызвать помощь, успев только спрятаться.

Но и в этой версии имелись натяжки. Разве вошедший не включил бы свет? Может, соседка и включала, но заметила, что идет Ву, лихорадочно щелкнула выключателем и затаилась.

В ванной, где лежит Сайкс.

Поднявшись в хозяйскую спальню, Ву обратил внимание на щель под дверью в ванную. Свет не горел. Нельзя недооценивать врага, напомнил он себе. Он уже наделал немало ошибок. Сначала Рокки Конвелл – Ву глупо подставился, не озаботившись заподозрить слежку. Затем его заметила соседка Сайкса. Небрежная работа. Полная дрянь.

А теперь еще и это.

Трудно относиться к себе критически, но, глядя на свои действия со стороны, Ву вынужден был признать: никто не идеален. Только идиоты верят в безупречных профессионалов, которые все наперед просчитывают. Возможно, время, проведенное в тюрьме, притупило его бдительность? Не важно. Сейчас необходимо сосредоточиться. Собраться в кулак.

Надо же, как много фотографий в спальне Сайкса... Здесь, как знал Ву из онлайн-переписки, пятьдесят лет прожила его мамаша. Отец Сайкса погиб на войне в Корее, когда Фредди был еще совсем маленьким, и мать так до конца и не оправилась от горя. Люди по-разному реагируют на смерть дорогих им людей. Миссис Сайкс променяла реальную жизнь на жалкое прозябание с призраком и провела остаток дней в этой комнате на той самой кровати, которую делила со своим мужем-солдатом. Она спала на своей стороне, рассказывал Фредди, и никогда никому, даже малышу-сыну, когда он прибежал в слезах, испугавшись дурного сна, не позволяла коснуться супружеского ложа, которое когда-то занимал ее возлюбленный.

Рука Ву легла на круглую дверную ручку.

Он помнил, что ванная комната тесная, прикинул, под каким углом притаившийся гость попытается на него напасть, и решил, что у пришельца нет шансов. Ему явно не повезет. В спортивной сумке у Ву был пистолет. Зря он его не захватил! Если гость вооружен, могут возникнуть проблемы.

Не переоценивает ли он себя? Возможно. Однако в простых случаях Ву обходился без оружия.

Повернув ручку, он резко толкнул дверь.

Фредди Сайкс так и лежал в ванне – с кляпом во рту, закрыв глаза. Уже умер, что ли? Наверное, да. Больше в ванной никого не было – спрятаться здесь было негде. Никто не пришел на помощь Фредди.

Ву сделал шаг к окну и взглянул на дом напротив.

Женщина – та, что совсем недавно крутилась по комнатам в кружевном белье, – стояла у окна.

И смотрела на него.

В ту же секунду Ву услышал, как хлопнула дверца машины. Сирены не было, но на подъездной дорожке Ву заметил красные огни патрульной машины.

Полиция.

Чарлин Суэйн не была сумасшедшей.

Она смотрела фильмы, читала книги. Она вообще любила читать. Чтение, считала она, – эскапизм, развлечение, способ себя занять и смягчить невыносимую скуку бытия. Однако в каком-то смысле книги и фильмы оказались и развивающими. Сколько раз Чарлин кричала с дивана какой-нибудь простодушной дурехе из героинь – дистрофически тощей красотке с гривой цвета воронова крыла – «не ходи в этот чертов дом!»?

Достаточно много. Поэтому сейчас, когда настала ее очередь... Ага, сейчас! Да ни за что на свете! Чарлин Суэйн в ловушку не полезет!

Она постояла у черного входа, глядя на ключницу. Поднаторев в детективных сюжетах, входить в дом Фредди Сайкса не собиралась. Но оставить все как есть ей не позволяла совесть. Что-то произошло. Человек в беде. Нельзя же просто развернуться и уйти домой.

И тут ей явилась идея – простая, как все гениальное. Вынув ключи из булжника, Чарлин сунула их в карман и бросила открытую ключницу на дорожке – не для того, чтобы заметил подозрительный азиат, а в качестве повода вызвать полицию.

Когда внезапно вернувшийся узкоглазый парень входил в дом Сайкса, Чарлин набирала 911.

– Кто-то забрался в дом к нашим соседям, – сказала она. – На дорожке валяется открытый тайник-ключница.

Полиция не заставила себя ждать.

Вскоре на их улицу свернула патрульная машина. Никакой сирены, суматохи, визга покрышек, только скорость заметно выше разрешенной. Чарлин отважилась взглянуть на соседний дом.

И встретила взглядом с тем самым загадочным азиатом.

Глава 17

Грейс уставилась на заголовок.

– Убили?

Кора кивнула.

– Как?

– Выстрелом в голову, на глазах у жены. Пишут, в гангстерском стиле, не знаю, что это значит.

– Убийцу поймали?

– Жди!

– Когда?

– Когда убили Боба Додда?

– Да!

– Через четыре дня после звонка твоего Джека.

Кора вышла наконец из угла и двинулась к монитору. Грейс прикинула даты.

– Джек не мог этого сделать.

– Ну нет, конечно.

– Он уже месяц за границы штата не выезжал!

– Еще бы жена сказала другое...

– Это как понимать?

– Никак, никак. Я на твоей стороне, ясно? Мне тоже мало верится, чтобы Джек кого-нибудь убил, но давай посмотрим правде в глаза.

– Что ты имеешь в виду?

– Да все твои глубокомысленные выводы вроде «месяц из штата не выезжал». Нью-Гэмпшир – это тебе не Калифорния, четыре часа на машине, и ты на месте. За один день обернуться можно.

Грейс потеряла глаза.

– И вот еще что, – продолжала Кора, – я узнала, почему убитый везде проходит как Боб, а не Роберт.

– Ну?

– Это его творческий псевдоним. «Гугл» дает сто двадцать шесть ссылок на Боба Додда, в основном как на автора статей в «Нью-Гэмпшир пост» за последние три года. В некрологе Додд назван – где это, а, вот, – «упертым писакой, занимавшимся журналистскими расследованиями, известным своими противоречивыми изобличениями». Якобы Додда убрал кто-то из нью-гэмпширской группировки, чтобы заткнуть ему рот.

– У тебя другое мнение?

– Да странно все это как-то. Я просмотрела его статьи и должна признаться, что Додд изобличал рвачей – мастеров по ремонту посудомоечных машин, на которых жаловались старушки, или свадебных фотографов, обманом взявших в банке кредит.

– Может, наступил кому-то на мозоль?

– Может, – отмахнулась Кора. – Ты считаешь, это совпадение, что Джек звонил репортеру незадолго до того, как Додда шлепнули?

– Нет, – медленно ответила Грейс, обдумывая ее слова. – Погоди...

– Что?

– Та фотография. На ней пять человек. Три женщины, двое мужчин. Конечно, шансов почти нет...

Кора уже что-то печатала.

– Но может, Боб Додд – один из них.

– А существует поиск по фотографиям?

– Я уже на таком сайте.

Пальцы Кору летали над клавиатурой, курсор мигал, мышка двигалась. Результаты составили две страницы, на которых в общей сложности оказалось двенадцать ссылок на Бобов Доддов. Первые десять ссылок вели к охотнику-тезке, живущему в Висконсине, но на второй странице благодаря одиннадцатой ссылке они нашли парадную застольную фотографию, сделанную на благотворительном мероприятии в Бристоле, Нью-Гэмпшир.

Первым слева сидел Боб Додд, репортер «Нью-Гэмпшир пост».

Можно было не присматриваться. Журналист был темнокожим, а на таинственной фотографии все были белыми.

Лоб Грейс прорезали морщины.

– Должна же быть какая-то связь!

– Подожди, я попробую отыскать его биографию. Может, они вместе учились в колледже.

Вздвигнув от тихого стука во входную дверь, Грейс и Кора переглянулись.

– Поздновато для гостей, – негромко сказала Кора.

Снова тихий стук, хотя у двери есть звонок. Незванный гость им не воспользовался, значит знает, что в доме маленькие дети. Грейс встала. Кора пошла за ней. Подойдя к двери, Грейс включила фонарь на крыльце и выглянула в окно. Вообще-то, в таких случаях полагается падать в обморок от удивления, но Грейс в жизни и не такое видела.

– Кто это? – спросила Кора.

– Человек, изменивший мою жизнь, – тихо ответила Грейс, открывая дверь.

На пороге, опустив голову, стоял Джимми Экс.

Ву невольно улыбнулся. «Ай да соседка...» Увидев полицейскую мигалку, он все понял. Изобретательность этой женщины восхищала и вместе с тем раздражала его.

Но на эмоции времени не было.

Что делать?

В багажнике связанный Лоусон. Ву уже понял: надо было сматываться, едва он заметил, что ключи пропали. Снова ошибка. Сколько еще таких ему простится?

Свести ущерб к минимуму – все, что ему оставалось. Выйти сухим из воды не удастся – он влип, и влип по-крупному. Его отпечатки по всему дому. Соседка наверняка дала полиции описание его внешности. Скоро найдут Сайкса, живого или мертвого. С этим Ву ничего поделаться не мог.

Вывод: если его задержат, то сидеть ему не один десяток лет.

Патрульная машина остановилась.

Мгновенно переключившись в режим выживания, Ву кинулся вверх по лестнице. Уже стемнело, но улица была хорошо освещена. В окно Ву увидел, как из машины вышел высокий темнокожий полицейский, на ходу надевая фуражку. Пистолет из кобуры он не вынул.

Это хорошо.

Не успел полицейский ступить на дорожку, ведущую к дому, как дверь распахнулась, и на пороге возник улыбающийся Ву:

– Чем могу помочь, офицер?

Коп не стал доставать пистолет. Ву на это и рассчитывал. Дело происходило в тихом семейном районе великих Американских равнин, известных также как пригороды. Блюститель порядка из Хо-Хо-Кус выезжал, должно быть, на сотни вызовов по поводу возможного взлома, и большинство традиционно оказывались ложными.

– Нам позвонили по поводу возможного незаконного проникновения в дом, – начал полицейский.

Ву изобразил недоумение, нахмурился, разыгрывая замешательство, и шагнул через порог, сохраняя, впрочем, дистанцию. Не сейчас, решил он. Держись без тени угрозы. Движения Ву сразу же стали нарочито лаконичными, успокаивающе-медленными.

– А, погодите, я понял. Я забыл ключи. Кто-то, видимо, видел, как я вошел с черного хода.

– Вы здесь живете, мистер...

– Чан, – поспешил Ву. – Да, я тут живу, но это не мой дом, если вы об этом. Дом принадлежит моему другу, Фредерику Сайксу.

Очень естественно Ву снова сделал маленький шагок к полицейскому.

– Понятно, – сказал офицер. – А мистер Сайкс...

– Наверху.

– Можно его?

– Конечно, конечно, проходите. – Ву повернулся спиной к полицейскому и крикнул погромче в дом: – Фредди! Фредди, накинь что-нибудь, тобой полиция интересуется.

Не оборачиваясь, он знал, что высокий темнокожий полисмен уже в каких-то пяти ярдах от дверей. Ву отступил за порог и улыбнулся полицейскому самой обаятельной улыбкой. Полисмен – на жетоне можно было прочесть фамилию Ричардсон – вошел в дом.

Когда он приблизился на ярд, Ву нанес удар – так бросается на жертву собравшаяся в клубок змея.

На последних ярдах Ричардсон замедлил шаг, видимо что-то заподозрив, но было поздно. Удар в солнечное сплетение был нанесен ладонью. Ричардсон согнулся вдвое, как складной стул. Ву шагнул к нему. Он хотел обездвигнуть, но не убивать.

Если искалеченный полицейский – это тепло, то мертвый – горячо настолько, что можно и спалиться.

Ричардсон все еще не мог разогнуться. Ву ударил его по ногам сзади – коп рухнул на четвереньки. Костяшками согнутых указательных пальцев Ву сильно надавил на особые точки над ушными раковинами, известные посвященным как «тройной разогреватель номер 17». Фокус в том, чтобы давить под правильным углом и не перестараться с силой, иначе можно убить. Тут нужна точность.

Глаза Ричардсона закатились – между веками мелькнули белки. Ву убрал руки, и полицейский рухнул на пол, как марионетка, у которой перерезали нити.

Зная, что болевой обморок не продлится долго, Ву снял с пояса Ричардсона наручники и приковал его к перилам лестницы, ведущей на второй этаж. Сняв рацию, закрепленную на плече, он задумался, как же быть с женщиной из соседнего дома. Она наверняка все видела.

Она снова позвонит в полицию. Время работало против Ву. Если пойти в соседский дом сейчас, женщина увидит его в окно и запрется. В таком случае быстро к ней не войдешь. Выгоднее

воспользоваться передышкой и уехать. Ву быстро прошел в гараж, открыл универсал Джека Лоусона и проверил сзади, за сиденьями.

Лоусон был на месте.

Ву сел за руль. У него возник план.

При виде выходящего из машины полицейского Чарлин сразу почувствовала недоброе.

Во-первых, офицер приехал один. Ей казалось, патрульные всегда дежурят по двое, как в телесериалах «Старски и Хатч», «Адам-12», как Бриско и Грин. Она поняла, что сделала ошибку, слишком мягко сообщив в полицию о взломе у соседа. Надо было добавить пару слов о возможной угрозе, напелсти каких-нибудь ужасов, чтобы копы заявили настороже и во всеоружии. А так они восприняли ее как любопытную соседку, даму с приветом, которой нечего делать, кроме как беспокоить полицию по пустякам.

Глядя на патрульного, Чарлин раздраженно отметила совершенно неподходящий настрой блюстителя порядка. Он направился к двери расслабленной походкой, благодушный, будто на отдыхе. Со своего наблюдательного пункта Чарлин не могла видеть входную дверь Сайкса, только ведущую к крыльцу дорожку, и когда офицер исчез из виду, у Чарлин внутри словно что-то оборвалось.

Она даже хотела закричать и предупредить, но не смогла из-за новых окон «Пелла», которые они с Майком установили в прошлом году. Рамы открывались вертикально, с помощью вращающейся ручки. Пока она откроет обе задвижки и повернет ручку, полицейский уже скроется. Да и что можно прокричать? О чем предупредить? Что, в конце концов, она знает?

Оставалось ждать.

Майк был дома. Он сидел в своей комнате на первом этаже и болел за «Янкис» – матч транслировали по каналу «Йес нетворк». Очередной вечер, когда каждый занимался своими делами. С некоторых пор они даже телевизор вместе не смотрели: Чарлин безумно раздражала манера Майка постоянно переключать каналы.

Кроме того, им нравились разные шоу. Но в душе Чарлин не считала это настоящей причиной разлада: она могла смотреть что угодно. И все-таки Майк включал телевизор в своей «берлоге», а Чарлин – в спальне. Дети сейчас были в кино со своим дядей, братом Майка, но дома вечерами они тоже сидели по своим комнатам. Чарлин не могла точно сказать, когда это началось. Она пыталась ограничить их время в Интернете, но это оказалось невозможным. Во времена ее юности молодые люди часами болтали по телефону, теперь они обмениваются мгновенными электронными сообщениями.

Вот во что превратилась ее семья – четыре почти чужих человека под одной крышей, которые общаются друг с другом лишь при необходимости.

В гараже Сайкса зажегся свет. За окном, занавешенным тюлевой шторой, Чарлин разглядела темную тень. Как так? Движение в гараже? С какой стати полицейскому идти в гараж? Чарлин пошла к лестнице, на ходу набирая 911.

– Я вам уже звонила сегодня, – сказала она оператору службы.

– Да?

– По поводу взлома дома моего соседа.

– Туда выехал полицейский.

– Да-да, знаю, я видела, как он прибыл.

В трубке повисла выразительная пауза. Чарлин почувствовала себя идиоткой.

– Мне кажется, с ним что-то случилось.

– Вы что-нибудь видели, мэм?

– Я подозреваю, что на него совершено нападение, на вашего полицейского. Пришлите кого-нибудь побыстрее.

На этом Чарлин нажала отбой. Чем больше она объясняла, тем глупее себя чувствовала.

С улицы донеслось знакомое электронное жужжание. Чарлин поняла: открывается дверь гаража Сайкса. Азиат что-то сделал с копом и собирается скрыться.

И в этот момент Чарлин решила на самую настоящую глупость.

Она подумала, что только самая пустоголовая из тощих героинь с куриными мозгами могла отколоть такое, и то вряд ли. Чарлин понимала, что потом, если останется жива, вспоминая свой поступок, будет долго смеяться и начнет сочувственно относиться к кинодивам, которые очертя голову ломаются в неосвещенные дома в одних трусах и лифчике.

Итак, сейчас азиат уедет. Он что-то сделал с Фредди. Он что-то сделал с полицейским, в этом Чарлин не сомневалась. Пока приедут копы, преступника и след простынет. Его не поймают – слишком большая у него фора.

Если он скроется, что тогда?

Он ее видел, Чарлин это знала. В окне. Он наверняка понял, что полицию вызвала она. Фредди, скорее всего, мертв. Полицейский тоже. Кто получается единственным живым свидетелем?

Чарлин.

Он вернется за ней. Даже если и не вернется, махнет на нее рукой – живи, мол, – остаток дней она проведет в страхе, вскакивая по ночам, вздрагивая при виде азиатских лиц в толпе. Может, он отомстит ей самой, а может, придет за Майком или детьми...

Этого нельзя допустить. Она должна его остановить.

Но как?

Помешать негодяю уйти от правосудия – это, конечно, хорошо и правильно, но надо же смотреть в глаза реальности. Что она может сделать? Пистолета у них нет. Нельзя же выбежать на улицу, прыгнуть азиату на спину и попытаться выцарапать глаза? Нужно что-то придумать.

Придется ехать за ним.

На первый взгляд это вопиющая дикость, но, если он скроется, Чарлин не будет покоя. Ее уделом станет чистый, неразбавленный, нескончаемый ужас, пока зловещего азиата не посадят, то есть до скончания времен. Чарлин видела его лицо. Она видела его глаза. Она не сможет с этим жить.

Поехать за ним – приставить хвост, как выражаются в телесериалах, – казалось не лишенным здравого смысла, учитывая альтернативу. Можно преследовать его на машине, держась на расстоянии, и по сотовому сообщать полиции, где он находится. Долгая погоня в планы Чарлин не входила – вот только полиции сдаст его тепленьким, и все. А сейчас, вот в эту самую минуту, бездействие означало одно: полиция приедет, когда преступник скроется.

Выбора не было.

Летели секунды. Идея с погоней казалась ей все менее сумасшедшей. Она же не собирается выходить из машины – спокойно пристроится сзади и все время будет на связи с оператором 911.

Это безопаснее, чем дать преступнику скрыться.

Она побежала вниз.

– Чарлин?

Майк, стоя в кухне, ел над раковиной крекеры с арахисовым маслом. На секунду Чарлин остановилась. Муж смотрел ей в лицо так, как мог и умел только он. Ей вдруг вспомнились дни в Вандербилте, когда они только-только полюбили друг друга. Так Майк смотрел на нее тогда, так он смотрел на нее и сейчас. Тогда он был стройнее и красивее, но взгляд и глаза остались прежними.

– Что случилось? – спросил он.

– Мне надо... – Чарлин запыхалась. – Мне надо кое-куда съездить.

Пронзительный, пронцательный взгляд. Чарлин впервые увидела Майка солнечным днем в парке Сентенниал в Нэшвилле. Многие ли изменилось с тех пор? Майк по-прежнему смотрит на нее, как никто другой. На секунду Чарлин застыла на месте. Ей захотелось плакать. Майк бросил крекеры в раковину и шагнул к жене:

– За руль сяду я.

Глава 18

Грейс и знаменитый рокер Джимми Экс вдвоем сидели в «берлоге», превращенной в игровую. «Геймбой» Макса валялся дисплеем вниз. Задняя панель его отлетела, две батарейки удерживал скотч. Рядом валялся картридж, словно выплюнутый «Геймбоем»; игра называлась «Супер Марио 5» и, на взгляд несведущей Грейс, ничем не отличалась от «Супер Марио» прежних версий.

Кора оставила их вдвоем, вернувшись к своей роли киберполицейского. С момента появления Джимми не произнес ни слова – сидел, сложив руки на коленях и низко опустив голову, как когда-то в палате Грейс, только что вышедшей из комы.

Грейс видела – он ждет, чтобы она заговорила первой. Но ей попросту нечего было ему сказать.

– Простите за поздний визит, – начал Джимми.

– Я думала, у вас сегодня концерт.

– Уже закончился.

– Рано.

– По желанию промоутеров мы обычно играем до девяти.

– Как вы узнали, где я живу?

Джимми пожал плечами:

– Я всегда знал.

– Как прикажете это понимать?

Джимми не ответил, Грейс не настаивала. На несколько секунд в комнате повисла мертвая тишина.

– Не представляю, как начать, – проговорил Джимми и после короткой паузы добавил: – Вы хромаете.

– Отличное начало, – усмехнулась Грейс. Джимми попытался улыбнуться. – Да, я хромаю.

– Это после...

– Да.

– Мне очень жаль.

– Я еще легко отделалась.

Джимми сник, словно получив выговор, и снова низко опустил голову, которую только-только осмелился поднять.

Лицо рокера с красиво очерченными скулами сохранило четкость линий. Знаменитая светлая шевелюра исчезла – под воздействием возраста или машинки парикмахера. Он стал старше. Молодость ушла, и на секунду у Грейс мелькнула малоприятная мысль: ведь и о ней можно сказать то же самое.

– Я в ту ночь потерял все, – начал он, но тут же остановился и покачал головой. – Но я пришел не жалости искать.

Грейс ничего не сказала.

– Вы помните, как я приходил в больницу?

Она кивнула.

– Я читал каждое сообщение в газетах, журналах, смотрел все новости. Могу рассказать о каждом, кто погиб в ту ночь. О любом из них. Я знаю их в лицо. Я закрываю глаза и вижу их всех.

– Джимми...

Он поднял глаза.

– Вы бы не мне это рассказывали. У погибших остались семьи.

– Знаю.

– Я не могу вам дать отпущения грехов.

– Вы думаете, я за этим пришел?

Грейс промолчала.

– Я просто... – Он помотал головой. – Я не знаю, зачем пришел. Я видел вас сегодня вечером в церкви и понял, что вы меня узнали. – Он наклонил голову. – Как вы меня нашли?

– Я вас не искала.

– А кто был с вами в церкви?

– Карл Веспа.

– О господи... – Рокер закрыл глаза. – Отец Райана?

– Да.

– Это он вас привел?

– Да.

– Чего он хочет?

Грейс подумала.

– Мне показалось, он и сам не знает.

Теперь промолчал Джимми.

– Он считает, ему нужны извинения.

– Считает?

– На самом деле он хочет вернуть сына.

Воздух в комнате стал густым, как кисель. Грейс напряглась в своем кресле. В лице Джимми не осталось ни кровинки.

– Я пытался, понимаете, пытался... извиняться. В этом Веспа прав, я обязан перед ними извиниться. Как минимум. Я не говорю о той глупой фотосессии в больнице – на ней настоял мой менеджер. Я тогда жил как во сне – повели, и пошел. Я едва мог стоять. – Рокер посмотрел на Грейс настойчиво, пристально – эти глаза когда-то сделали его всеобщим любимцем на MTV. – Вы помните Томми Гаррисона?

Грейс помнила. Парнишка, которого затоптали насмерть. Его родителей звали Эд и Селина.

– Его фотография меня особенно тронула. На каждую фотографию было невыносимо смотреть – все такие юные, только начинали жить... – Рокер глубоко вздохнул. – Но Томми был похож на моего младшего брата, я не смог его забыть и пошел к его родителям, хотел извиниться... – Джимми Экс замолчал.

– И что было?

– Я пришел в их дом. Мы сели за кухонный стол. Я поставил на него локти, и он зашатался. Линолеум на полу лежал волнами. Страшные бумажные обои в желтых цветочках отклеивались и висели лоскутьями. Томми был их единственным ребенком. Я увидел такую безнадежность, такую пустоту... Я не смог этого выдержать.

Грейс ничего не сказала.

– Именно тогда я сбежал. Исчез.

– Джимми...

Он посмотрел на нее.

- Где вы были все эти годы?
- В разных местах.
- Почему?
- Что почему?
- Почему вы все вот так бросили?

Рокер пожал плечами:

– Да там нечего особенно было бросать. Музыкальный бизнес... Короче говоря, я еще не получал от своей музыки больших денег. Я был новичком, а до серьезных гонораров предстояло еще попеть. Мне было все равно, я просто хотел уйти.

– И куда поехали?

– Сначала на Аляску, ловить рыбу, хотите верьте, хотите нет. Где-то год. Потом начал путешествовать, играл с маленькими группами в барах. В Сиэтле набрел на коммуну старых хиппи, где делали документы «Метеорологам»^[12]. Они и мне сделали новое удостоверение личности. Ближе всего к Нью-Джерси я был, когда играл с кавер-группой в казино в Атлантик-Сити. В «Тропикане». Выкрасил волосы, играл только на ударных. Никто меня не узнавал, а если и вспоминали, всем было все равно.

– И вы были счастливы?

– Хотите знать правду? Нет. Я хотел вернуться. Я хотел загладить вину и жить дальше, но чем дольше я отсутствовал, тем труднее это становилось и тем сильнее я этого хотел. Какой-то порочный круг. А потом я встретил Мэдисон.

– Певицу из «Вознесения»?

– Да. Мэдисон. Вот так имечко... Говорят, популярное. Помните фильм «Всплеск», с Томом Хэнксом и этой, как там ее...

– Дэрил Ханной, – машинально подсказала Грейс.

– Да, с той русалкой-блондинкой. Там Том Хэнке придумывает ей имя, перебирая всякие там Стефани и Дженнифер, а они как раз идут по Мэдисон-авеню, и он между прочим на это указывает, и вдруг русалка просит себе это имя. В фильме это один из лучших

приколов – женщина по имени Мэдисон! А теперь оно входит в десятку самых популярных имен.

Грейс не стала развивать тему.

– Ну в общем, Мэдисон родом из фермерского городка в Миннесоте. Сбежала в Нью-Йорк, когда ей было пятнадцать, таскалась по улицам в Атлантик-Сити, попала в приют для сбежавших из дома подростков, потом обрела Иисуса – ну, как обычно, одна зависимость вместо другой – и начала петь. У Мэдисон голос ангела и Дженис Джоплин.

– Она в курсе, кто вы?

– Нет. Вы знаете, что Шанайю открыл Мэтт Ланж? Вот и я так хочу. Мне нравится работать с Мэдисон. Я люблю музыку, но предпочитаю держаться в тени, – по крайней мере, я так себе говорю. Мэдисон болезненно застенчива, раньше она отказывалась выступать, если я не выходил с ней на сцену. Теперь у нее это прошло, а я обнаружил, что на ударных любой становится невидимкой. – Он пожал плечами, сияясь улыбнуться. В этот момент он снова стал похож на прежнего харизматичного фронтмена популярнейшей группы. – Как оказалось, не для всех.

Секунду они молчали.

– Все же я не понимаю... – пробормотала Грейс.

Рокер поднял на нее глаза.

– Я повторяю, вам не передо мной надо каяться, но, с другой стороны, не вы же затеяли тогда стрельбу из пистолета.

Джимми не ответил.

– Взять группу «Те кто» – в Цинциннати на их выступлении затоптали людей, а они ничего, пережили. На концерте «Роллингов» «Ангелы ада» убили парня, а они до сих пор выступают. Уже пару лет отчетливо ощущается всеобщее желание оставить ту трагедию в прошлом...

Джимми отвел глаза.

– Мне пора.

Он встал.

– Снова исчезнете? – спросила Грейс.

Поколебавшись, Джимми Экс полез в карман, достал визитку и протянул Грейс. На карточке значились десять цифр, и ничего больше.

– Домашнего адреса у меня нет, только мобильник.

Рокер направился к выходу. Грейс не пошла за ним. В другой ситуации она стала бы настаивать и вызвала бы Джимми Экса на откровенность, но теперь его визит потерял всякую значимость, став второстепенным звеном в общей цепочке событий. Прошлое напомнило о себе неожиданным способом, только и всего. У нее сейчас много дел поважнее.

– Будьте осторожны, Грейс.

– Вы тоже, Джимми.

Совершенно вымотанная, Грейс осталась сидеть в комнате, ощущая на своих плечах незримую тяжесть и гадая, где же сейчас Джек.

Майк и вправду сел за руль. Подозрительный азиат уехал почти минуту назад, но из этого пригорода с путаницей переулков, ведущих в тупик, одинаковыми домами и веселеньким озеленением, тянувшимся прихотливыми змеиными извилами, выходило одно-единственное шоссе.

В этой части Хо-Хо-Кус все дороги вели к Голливуд-авеню.

Чарлин за полминуты объяснила ситуацию: она выглянула в окно, заметила странного незнакомца и заподозрила неладное. Майк слушал, не перебивая. В ее повествовании были лакуны, в которые вполне могли просочиться подозрения – например, Чарлин не объяснила, зачем ей вообще понадобилось выглядывать в окно. Майк наверняка заметил несоответствия, но ничего не сказал.

Поглядывая на четкий профиль Майка, Чарлин вспоминала историю их знакомства. Она училась на первом курсе в Университете Вандербильта в Нэшвилле. Недалеко от студгородка был парк... с копией афинского Парфенона. Построенный в 1897

году в честь столетия выставки «Экспо», этот павильон считался самой точной в мире копией прославленного храма, венчавшего Акрополь. Люди специально приезжали в Нэшвилл, штат Теннесси, чтобы посмотреть, каким был Парфенон в дни своего расцвета.

Восемнадцатилетняя студентка, теплым осенним днем она сидела перед «античным» сооружением и пыталась представить себя в Древней Греции, когда сзади послышалось:

– Не получается?

Она обернулась. Майк стоял, держа руки в карманах. Выглядел он при этом чертовски привлекательно.

– Что?

Чуть улыбаясь, он подошел к ней, держась с покоряющей уверенностью, и кивнул на огромное здание.

– Это точная копия Парфенона, таким его видели великие философы вроде Платона и Сократа, но при виде храма в голову приходит – и что, это все?

Чарлин улыбнулась и заметила, как расширились глаза незнакомца. Ее неотразимая улыбка попала в цель.

– Да, он не оставляет места воображению.

Майк по-птичьему склонил голову набок:

– То есть?

– При виде руин афинского Парфенона пытаешься представить, каким он был, и реальность никогда не уживется с образом, возникшим в нашем сознании.

Майк медленно кивнул, обдумывая ее слова.

– Не согласен? – спросила она.

– У меня другая теория, – ответил Майк.

– Интересно послушать.

Он подошел совсем близко и присел на корточки.

– Здесь нет призраков.

Тут уже Чарлин скептически наклонила голову.

– Нам нужна история. Нам требуется, чтобы здесь прошли греки в сандалиях. Нужны столетия, кровь, смерти и пот, копившиеся за

четыреста лет до Рождества Христова. В этом Парфеноне никогда не молился Сократ, Платон не спорил у его дверей. В копиях не водятся привидения. Копия – это тело без души.

Молодая Чарлин снова улыбнулась:

– Ты ко всем девушкам подкатываешь с этой теорией?

– Да нет, она совсем новая, еще не обкатанная. Тебе нравится?

Она сделала неопределенный жест рукой:

– Ну, так себе.

С того дня Чарлин не была с другим мужчиной. Много лет в годовщину знакомства они с мужем ездили к нэшвиллскому Парфенону. В этом году впервые не поехали.

– Вон он, – сказал Майк.

«Форд-виндстар» ехал по Голливуд-авеню на запад, к Семнадцатому шоссе. Чарлин снова позвонила в службу 911. Оператор впервые серьезно отнеслась к ее словам:

– Мы потеряли радиосвязь с полицейским, выехавшим на вызов!

– Взломщик направляется к Семнадцатому шоссе, к югу от начала Голливуд-авеню, – сказала Чарлин. – Он едет на «форде-виндстар».

– Номер машины?

– Не могу рассмотреть.

– Наши люди уже занимаются и вашим первым вызовом, и этим «фордом». Можете прекратить погоню.

Чарлин опустила телефон.

– Майк?

– Все нормально, – ответил он.

Она откинулась на спинку сиденья и унеслась мыслями к собственному дому, к призракам и телам без души.

Эрика Ву трудно было чем-то удивить.

Но когда в прицепившейся к нему машине он разглядел соседку Сайкса с каким-то мужчиной, видимо ее мужем, это уже не лезло ни в какие рамки. Проблема требовала неотложного решения.

Ну и женщина!

Она его раскрыла. Она его выследила. Она вызвала полицию. Ву еще тогда понял, что она обязательно позвонит им снова, и рассчитывал уехать от дома Сайкса достаточно далеко, прежде чем полиция отреагирует на второй вызов. Когда дело касается транспорта, копы отнюдь не всемогущи: достаточно вспомнить не столь давнее дело «вашингтонского снайпера», когда сотни полицейских и патрульных черт-те сколько ловили двух дилетантов.

Если ему удастся оторваться, он спасен.

Однако возникло непредвиденное осложнение – эта женщина.

Они едут за ним. Они будут сообщать полиции, куда он направляется, на какое шоссе свернул. Так ему не уйти.

Вывод: нужно их остановить.

Ву заметил указатель поворота к торговому центру «Парамус-парк» и свернул туда, пересек несколько полос. Женщина со своим мужем последовали за ним. Из-за позднего времени магазины были закрыты. Ву въехал на пустую парковку и остановился. Женщина и ее муж как приклеенные не отстали и тут.

Это было хорошо.

Потому что пришло время раскрыть карты.

У Ву был пистолет, «Вальтер-ППК»; правда, он не любил им пользоваться. Не потому, что боялся крови, просто Ву предпочитал действовать руками. Пистолетом он владел прилично; руками он владел мастерски. Руки, как и все тело, он контролировал идеально; с пистолетом ему приходилось заставлять себя доверять механике, постороннему предмету. Ву это органически не переносил.

Но при необходимости прибегал к оружию.

Он проверил, заряжен ли пистолет. Дверца «форда» была не заперта. Он потянул ручку, вышел из машины и прицелился.

– Что он делает? – пробормотал Майк.

Чарлин видела, как «форд-виндстар» въехал на парковку торгового центра, где не было ни одной машины. Площадку заливал

ярчайший флуоресцентный свет торгового центра – горели вывески фирменных магазинов.

«Форд» остановился.

– Держись подальше, – предупредила Чарлин.

– Я запер двери, – отозвался Майк. – Что он нам сделает?

Азиат двигался плавно и даже грациозно, однако в его движениях была какая-то отрепетированная уверенность. Странное сочетание. Обычно люди так не двигаются. Он неподвижно постоял у своего «форда», и вдруг его рука неуловимо быстро метнулась вперед – только рука, тело не дрогнуло. Было похоже, что Чарлин и Майк наблюдали оптическую иллюзию.

Ветровое стекло взорвалось.

Звук был неожиданным и оглушительным. Чарлин закричала. В лицо ей брызнуло что-то влажное и вязкое. В воздухе запахло медью. Чарлин инстинктивно пригнулась, и ей на голову обрушился водопад осколков, а затем повалилось что-то тяжелое, но мягкое.

Это был Майк.

Она снова закричала, и крик слился со звуком второго выстрела. Нельзя было сидеть, нужно было выбираться, увозить себя и мужа подальше отсюда. Майк не двигался. Оттолкнув его, Чарлин рискнула на секунду поднять голову.

Третья пуля чиркнула ей по волосам.

Она не знала, куда эта пуля попала, но в долю секунды пригнулась к самому полу. Через мгновение она все же отважилась выглянуть. Азиат шел к их машине.

Что теперь?

Бежать, спастись, мелькнуло в голове.

Но как?

Она перевела рычаг в положение заднего хода. Нога Майка стояла на педали тормоза. Чарлин вытянула руку, обхватила его расслабленную, ставшую вялой щиколотку и сдвинула ступню на пол. Вжавшись в нишу для ног, Чарлин изо всех сил надавила ладонью на педаль акселератора, нависая над ней всем телом, всей своей

тяжестью. Машина дернулась и медленно покати́лась назад. Чарлин, не имея возможности приподняться, не знала, что происходит.

Но все же они двигались.

Ладонью она вдавливала педаль в пол, когда машина мягко на что-то наткнулась, возможно, на бордюрный камень. От толчка Чарлин удари́лась головой о рулевую колонку. Приподнявшись, она попыталась плечом удерживать руль, а левой рукой нажимать на педаль акселератора. Снова толчок. Чарлин давила на педаль. Машина плавно покати́лась, но это длилось лишь мгновение. Тишину прорезал резкий долгий сигнал, визг покрышек и ужасный шелестящий звук движения потерявших управление машин.

Последовал удар, сильный толчок, и мир погрузился в темноту.

Глава 19

Офицер Дейли побледнел. Перлмуттер выпрямился на стуле:

– Что там?

Дейли смотрел на листок бумаги в своей руке, словно опасаясь, что может раствориться в воздухе.

– Что-то не складывается, кэп.

В начале полицейской карьеры Перлмуттер ненавидел ночные смены. Тишина и одиночество были для него наказанием. Он вырос в большой – семеро детей – семье и не мыслил себе иной жизни. Они с женой Мэрион планировали завести большую семью. Перлмуттер все продумал заранее – барбекю, по выходным тренировки детской команды, школьные собрания, вечером в пятницу семейный просмотр телевизора, летние ночи на веранде – словом, копия его детства в Бруклине, но в пригородной версии, то есть в просторном доме.

У его бабки была привычка к месту и не к месту сыпать еврейскими пословицами. Любимым выражением Стью Перлмуттера было: «Когда люди планируют, Бог смеется». Мэрион, единственная женщина, которую он любил в своей жизни, умерла от эмболии в тридцать один год. Она была в кухне, делала сэндвич их единственному сыну Сэмми, когда воздушный пузырек разорвал какой-то важный сосуд. Мэрион умерла мгновенно, еще до того, как упала на пол.

Жизнь самого Перлмуттера в тот день в каком-то смысле тоже закончилась. Он растил Сэмми как умел, но, правду сказать, душа у него к этому не лежала. Перлмуттер любил сына и свою работу, но жил для Мэрион. Дом и Сэмми живо напоминали ему о Мэрион и обо всем, чему не суждено было сбыться. На работе в одиночестве ночных смен ему почти удавалось забыть об этом.

Да и то сказать, дело прошлое. Сэмми уже в колледже. Несмотря на невнимание отца, парень вырос хороший. Здесь, пожалуй, тоже

просится какая-нибудь еврейская пословица, но Перлмуттер не мог ничего подобрать.

Кивнув Дейли на стул, он нетерпеливо спросил:

- Так что случилось?
- Та женщина, Грейс Лоусон...
- А!.. – произнес капитан Перлмуттер.
- А?
- Я тоже как раз о ней думаю.
- Есть в ее деле что-то странное, капитан.
- Согласен.
- А я думал, только мне это дело не дает покоя.

Перлмуттер качнулся на стуле.

- Знаешь, кто она?
- Миссис Лоусон?
- Ну да.
- Художница.
- Не только. Ты заметил, что она хромает?
- Конечно.
- Она по мужу Лоусон. Раньше ее звали Грейс Шарп.

Дейли непонимающе смотрел на капитана.

- Ты что, не слышал о Бостонской давке?
- О беспорядках на рок-концерте?
- Да нет, произошла настоящая давка. Много народу погибло.
- Она там была?

Перлмуттер кивнул.

– Ее сильно помяли, она была в коме. Теленовости уделяли ей по пятнадцать минут в день, затем ажиотаж поутих.

- Давно это было?
- Пятнадцать-шестнадцать лет назад.
- И вы так хорошо помните?
- О, шум был на всю страну. А я к тому же очень любил «Джимми Экс бэнд».

- Вы? – удивился Дейли.

– Ну, не всегда же я был старым пердуном.

– Я слушал их диск – по-моему, классно. По радио до сих пор крутят «Бледные чернила».

– Да, это одна из лучших песен.

Мэрион тоже любила группу Джимми Экса. Перлмуттер помнил, как она сидела, закрыв глаза, в наушниках, из которых доносилась мелодия «Бледных чернил», и беззвучно подпевала, шевеля губами. Он с усилием прогнал воспоминание.

– А почему они не выступают?

– После массовой гибели зрителей на концерте группа распалась. Джимми Экс – я уже забыл его настоящее имя, – фронтмен и автор песен, вообще исчез куда-то. – Перлмуттер кивнул на листок в руке Дейли. – Что это?

– Об этом я и хотел поговорить.

– Новости по делу Лоусона?

– Не знаю. – Пауза. – Может быть.

Перлмуттер заложил руки за голову.

– Начинай.

– Сегодня с утра Ди Бартола принял еще одно заявление о пропавшем муже.

– Сходство с делом Лоусона?

– Нет. На первый взгляд нет. Пропавший вообще был в разводе – и не такой чистенький, как Лоусон.

– Что, были приводы или...

– Сидел за избиение.

– Имя?

– Рокки Конвелл.

– Правда Рокки, что ли?

– Так написано в свидетельстве о рождении.

– Ну бывают же родители, – поморщился Перлмуттер. – Подожди, а откуда я его знаю?

– Он недолго играл в футбольной лиге.

Перлмуттер подумал и пожал плечами:

– Так что там с ним?

– Ну, как я уже сказал, тут все еще банальнее, чем у Лоусонов, – пропал бывший муж, который обещал сегодня утром повезти жену по магазинам. Вообще ерунда какая-то, но Ди Бартола увидел эту жену – ну просто королева, зовут Лоррейн. Вы знаете Ди Бартолу...

– Свинья, – кивнул Перлмуттер. – Из первой десятки, между Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэшнл.

– Да. Вот он и решил потрафить красавице. От мужа она ушла, может, ему что-нибудь и обломится.

– Очень профессионально, – поморщился Перлмуттер. – Продолжай.

– И здесь начались чудеса. – Дейли облизнул губы. – Ди Бартола сделал простую вещь – проверил карту для проезда через электронные терминалы.

– Как и ты.

– В точности как я.

– Что значит – в точности?

– Согласно результатам проверки, – Дейли сделал еще один шаг в комнату, – вчера вечером Рокки Конвелл проехал шестнадцатый пункт сбора оплаты Нью-Йоркского шоссе ровно в десять двадцать шесть.

Перлмуттер уставился на Дейли.

– Да, в то же время и на той же дороге, что и Джек Лоусон.

Перлмуттер пробежал глазами отчет.

– Ты в этом уверен? Ди Бартола не мог случайно наткнуться на ту же дату и время, что и мы?

– Проверил дважды. Ошибки нет. Конвелл и Лоусон пересекли шестнадцатый пункт в одно и то же время, значит ехали вместе.

Перлмуттер подумал и покачал головой:

– Нет.

– Вы думаете, совпадение? – в замешательстве спросил Дейли.

– Две разные машины, одновременно проезжающие пункт оплаты? Маловероятно.

– А как тогда?

– Не знаю, – задумался Перлмуттер. – Представим, что они, ну, не знаю... убежали вместе. Или Конвелл похитил Лоусона. Или Лоусон Конвелла – в общем, как-то так. Будь они в одной машине, карту приложили бы один раз, а не два.

– Правильно.

– Но они были на двух машинах, вот что непонятно. Двое мужчин на своих тачках проезжают пункт оплаты в одно и то же время и исчезают.

– Нет, Лоусон звонил жене, – возразил Дейли. – Сказал, что она его задавила, помните?

Оба задумались.

Дейли заговорил первым:

– Хотите, я позвоню миз Лоусон и спрошу, не знает ли она Конвелла?

Перлмуттер задумался, пощипывая нижнюю губу.

– Пока не надо. Да и поздно уже, у нее дети.

– Тогда что будем делать?

– Искать. Сперва поговорим с бывшей женой Рокки Конвелла. Посмотрим, не обнаружится ли связь между ним и Лоусоном. Проверь его машину по компьютеру, посмотри, что это даст.

Зазвонил телефон. Дейли, заменявший телефонистку, которой не было в штате, снял трубку, послушал и повернулся к Перлмуттеру.

– Кто это?

– Фил из участка Хо-Хо-Кус.

– Что у них там?

– Они считают, что на их сотрудника совершено нападение, и запрашивают помощь.

Глава 20

Беатрис Смит была вдовой пятидесяти трех лет от роду.

«Форд-виндстар» летел по Риджвуд-авеню на север, к Гарден-Стейт, пока не свернул на Двести восемьдесят седьмое шоссе, соединявшее два штата, к мосту Таппан-Зи. Не доезжая Армонка, штат Нью-Йорк, Ву съехал с автомагистрали и дальше выбирал грунтовки и малые шоссе. Он хорошо знал, куда едет. Он наделал ошибок, но партию еще не проиграл.

Очень важно всегда иметь наготове другую «крышу».

Муж Беатрис Смит был известным кардиологом и даже «отбыл срок» на посту мэра городка. Круг друзей у Смитов был широк, но состоял в основном из семейных пар. Когда Мори – так звали мужа Беатрис – скоропостижно скончался от сердечного приступа, друзья побыли с ней день или два, а затем исчезли, как не было. Единственный сын, тоже избравший профессию врача, жил в Сан-Диего с супругой и тремя детьми. Дом, где прежде жили Беатрис и Мори, казался вдове слишком большим и пугающе пустым. Она подумывала продать его и переехать в Манхэттен, но как раз сейчас цены на жилье в Нью-Йорке поднялись. К тому же Беатрис, всю жизнь прожившая в Армонке, побаивалась прогадать с переездом.

Через Интернет она доверчиво поделилась опасениями с никогда не существовавшим Куртом Макфаддоном, вдовцом из Филадельфии, тоже подумывавшим переехать в Нью-Йорк. Свернув на улицу Беатрис, Ву сбросил скорость. В этом тихом и зеленом малонаселенном районе, да еще ночью, трюк с доставкой цветов или подарка не сработает. К счастью, с вдовой можно было не миндальничать – Ву не собирался оставлять ее в живых.

Не хватало еще, чтобы полиция объединила в одно дела Фредди Сайкса и Беатрис Смит.

Словом, вдову вообще не должны найти. Никогда.

Ву припарковал машину, натянул латексные перчатки – на этот раз никаких отпечатков – и пошел к дому.

Глава 21

В пять утра Грейс набросила купальный халат Джека и сошла вниз. Она всегда надевала одежду мужа. Он мягко настаивал на кружевных комбинациях, но Грейс предпочитала верх от его пижамы. «Ну?» – спрашивала она, поворачиваясь перед ним так и этак. «Неплохо, – отвечал Джек, – но лучше бы ты надевала мои пижамные брюки. Без верха. Вот тогда было бы на что посмотреть». Грейс покачала головой при этом воспоминании и вошла в кабинет, где стоял компьютер.

Первым делом она проверила почтовый ящик, адрес которого они указали в псевдоспаме, и очень удивилась.

Писем не было вообще.

Ни одного.

Как такое может быть? Ну хорошо, допустим, никто не узнал женщину на фотографии, к такому повороту Грейс была готова, но ведь разлетелись сотни тысяч сообщений разным людям. Даже при наличии блокировки спама хоть один человек должен был ответить – пусть даже ругательски ругая гнусных спамеров. Мало ли в Сети доведенных до отчаяния пользователей, уставших удалять из ящика всякую муру?

Множество.

Но в ящике не было ни одного ответа.

Как с этим быть?

В доме было тихо. Эмма и Макс еще спали, Кора похрапывала, лежа на спине с открытым ртом.

Ладно, займемся пока другим.

У нее оставалась единственная ниточка – Боб Додд, убитый репортер. И ниточка эта, надо признать, была тоньше некуда. Грейс не знала ни телефона покойного Додда или его семьи, ни даже почтового адреса. Впрочем, Додд был журналистом довольно

крупной газеты, «Нью-Гэмпшир пост», и ничто не мешало копнуть там.

Грейс считала, газеты работают круглосуточно: нужно же кому-то дежурить в «Пост» на случай экстренных новостей! Она рассудила, что репортер, засидевшийся на работе до пяти утра, наверняка соскучится и станет разговорчивее, и решила поднять телефонную трубку.

Но как подступиться к такому делу? Она обдумывала разные варианты. Представиться пишущим статью журналистом и попросить помощи коллеги? Нет, вряд ли она сможет обмануть профессионала.

В конце концов Грейс решила по возможности придерживаться правды.

Она нажала три клавиши, чтобы заблокировать определение своего номера. Бесплатной линией редакции Грейс пользоваться не стала – там этот номер не проходит. Надо же, где-то услышала, и это задержалось в памяти вместе с информацией о Дэрил Ханне в фильме «Всплеск» и Эсперанце Диас, рестлерше по прозвищу Малышка Покахонтас. Подобные причуды памяти принесли Грейс титул «энциклопедии бесполезных сведений», по выражению мужа.

Первые два звонка в «Нью-Гэмпшир пост» попали в «молоко». Журналист из отдела новостей едва слушал – он не знал Боба Додда, и ему было все равно. Грейс выждала пятнадцать минут и позвонила снова. На этот раз ее соединили с отделом прогнозов погоды, где очень молодая, судя по голосу, женщина сообщила, что в газете она недавно, это ее первая в жизни работа, Боба Додда она не знает, но, господи, это же ужас, что творится, правда?

Грейс проверила почту. По-прежнему ничего.

– Мама! – послышался голос Макса. – Мам, пойдись сюда скорей!

Грейс побежала на второй этаж.

– Что случилось, маленький?

Сидевший в постели Макс указал на свою ножку:

– У меня палец слишком быстро растет!

– Палец?

– Смотри!

Грейс села рядом с сыном.

– Второй палец больше указательного! Он слишком быстро растет.

Грейс улыбнулась:

– Это нормально, милый.

– Нет!

– У многих людей второй палец на ногах длиннее первого. У твоего папы точно так же.

– Неправда!

– Правда, правда. Второй палец на ногах у него самый длинный. – Отчего-то Грейс ощутила в груди болезненный укол.

Макс немного успокоился.

– Хочешь посмотреть «Непосед»?

– Фу, это для малявок!

– Ну, давай глянем, что идет по «Дисней плейхаус».

По «Диснею» шел «Роли Поли Оли». Макс уселся поудобнее и принялся смотреть. Он любил накрываться подушками вместо одеяла, превращая постель в форменный кавардак, но сейчас Грейс было не до этого. Спустившись вниз, она снова позвонила в «Нью-Гэмпшир пост», на этот раз попросив соединить ее с отделом очерков.

В трубке послышался сиплый мужской голос – похожий звук издают старые покрышки на грунтовой дороге.

– Что у вас?

– Доброе утро, – преувеличенно мажорно начала Грейс, улыбаясь в трубку как идиотка.

Ответный звук в трубке можно было интерпретировать как «переходи же наконец к делу».

– Я собираю информацию о Бобе Додде.

– Кто вы?

– Я бы предпочла не называться.

– Это что, шутка какая-то? Тогда, детка, я вешаю трубку, потому что...

– Подождите. Я не могу объяснить подробно, но если это выльется в крупную сенсацию...

– Сенсацию? Я правильно расслышал насчет крупной сенсации?

– Да.

В трубке послышалось хихиканье.

– Вы что, решили, что я собачка Павлова и при слове «сенсация» распущу слюни?

– Мне только нужно узнать о Бобе Додде!

– Для чего?

– Потому что мой муж пропал, и я считаю, это может быть как-то связано с убийством Додда.

Собеседник помолчал.

– Вы меня разыгрываете?

– Нет, – сказала Грейс. – Мне нужен кто-нибудь, знавший Боба Додда.

Голос в трубке потеплел:

– Ну, я его знал.

– Насколько хорошо?

– Для вас достаточно. Чего вы хотите?

– Вам известно, над чем он работал?

– Слушайте, дамочка, у вас есть информация по делу Боба? Если есть, не морочьте мне голову большой сенсацией и звоните в полицию.

– Нет, я ничего не знаю.

– Тогда что?

– Я просматривала старые телефонные счета. Мой муж говорил с Бобом Доддом незадолго до убийства мистера Додда.

– А кто у нас муж?

– Я не могу вам сказать. Возможно, это всего лишь совпадение.

– Но вы сказали, ваш муж пропал?

– Да.

– И вы настолько обеспокоены, что стали выяснять даже по поводу старых телефонных звонков?

– Мне больше ничего не остается, – призналась Грейс.

– Но так же нельзя, нужно действовать иначе, – помолчав, отозвался собеседник.

– Да я не знаю как!

Пауза.

– Да ладно, какой в этом вред... Я не в курсе, Боб со мной не делился.

– А с кем он был откровенен?

– Позвоните его жене.

Грейс чуть не стукнула себя по лбу. Это же надо умудриться не вспомнить о жене покойного! Господи, да она просто дура!

– Не подскажите, как мне ее найти?

– Боюсь, что нет. Я видел ее всего-то раз или два.

– А как ее зовут?

– Джиллиан. Через «джей», наверное.

– Джиллиан Додд?

– Да, наверное.

Грейс записала.

– Еще попробуйте поспрашивать отца Боба, Роберта-старшего. Ему за восемьдесят, но они близко общались.

– У вас есть его адрес?

– Он в доме престарелых в Коннектикуте. Мы отвезили ему вещи Боба.

– Какие вещи?

– Вещи с рабочего стола. Я лично все сложил в коробку.

Грейс нахмурилась:

– Вы передали вещи его отцу в дом престарелых?

– Ну.

– А почему не Джиллиан, жене?

Последовала короткая пауза.

– Не знаю, если честно. После убийства с ней творилось что-то странное – все произошло на ее глазах, вы читали, наверное.

Подождите, я найду телефон дома престарелых. Сами и спросите.

Чарлин непременно хотела сидеть у больничной койки – в фильмах и сериалах жены всегда сидят у изголовья больного мужа, держа его за руку, – однако в палате не было стульев. Единственное сиденье оказалось чересчур низким – хитрая штука, раскладывающаяся в спальную кушетку. Позже она может оказаться полезной, но сейчас все, чего хотелось Чарлин, – это сидеть и держать мужа за руку.

Поэтому она стояла, временами присаживаясь на край койки, но, боясь беспокоить Майку, вставала снова. Что ж, может, оно и к лучшему. Маленькая епитимья.

Сзади открылась дверь. Чарлин, сидевшая спиной к двери, не обернулась. Прозвучал знакомый мужской голос:

– Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно.

– Вам очень повезло.

Чарлин кивнула:

– Да, я просто выиграла в лотерею.

Она коснулась бинта на лбу. Несколько швов и подозрение на легкое сотрясение мозга – вот и все, чем она отделалась после аварии. Синяки, ссадины и несколько швов.

– А как ваш супруг?

Чарлин не стала отвечать. Пулю из шеи Майку вынули; он еще не пришел в сознание, но врачи заверили – «худшее позади».

– Мистер Сайкс выживет, – сказал мужчина. – Благодаря вам. Он обязан вам жизнью. Еще несколько часов в той ванне, и...

Говоривший, видимо полицейский, не закончил фразу. Чарлин обернулась и посмотрела на него. Да, коп. В форме. Судя по нашивке на рукаве, служит в Касслтонском полицейском управлении.

– Я уже все сказала полиции Хо-Хо-Кус, – произнесла Чарлин.

– Да, я знаю.

– И добавить мне нечего...

– Перлмуттер, – подсказал он. – Капитан Стюарт Перлмуттер.

Чарлин снова повернулась к кровати. Майк лежал без рубашки; внушительный живот ритмично приподнимался и опускался в такт дыханию. Даже вдох и выдох казались непомерной нагрузкой для раненого. Майку нужно лучше следить за собой. Хорошая жена должна была контролировать это.

– Кто присматривает за вашими детьми? – спросил Перлмуттер.

– Брат и невестка мужа.

– Я чем-нибудь могу вам помочь?

– Нет.

Чарлин переложила вялую ладонь Майка в другую руку.

– Я тут обдумывал ваше заявление...

Чарлин не ответила.

– Вы не против ответить еще на пару вопросов?

– Не понимаю...

– Что, простите?

– Я живу в Хо-Хо-Кус. При чем здесь касслтонская полиция?

– Мы им сейчас помогаем.

Она кивнула, хотя так и не поняла, в связи с чем их городскому отделению понадобилась помощь.

– Согласно вашему заявлению, вы выглянули из окна спальни и на дорожке перед черным ходом дома мистера Сайкса заметили брошенную там ключницу. Правильно?

– Да.

– И вызвали полицию?

– Да.

– Вы знакомы с мистером Сайксом?

Чарлин пожала плечами, не сводя глаз с поднимающегося и опускающегося живота Майка.

– Да нет, просто здороваемся при встрече.

– По-соседски?

– Да.

- Когда в последний раз вы с ним говорили?
- Никогда. Я ни разу с ним не говорила.
- Просто здоровались, потому что живете рядом?

Чарлин кивнула.

- И когда в последний раз?..
- Здоровались?
- Да.
- Ну, не знаю, может, неделю назад.
- Я немного запутался, миссис Суэйн, так что вы уж мне помогите.

Вы заметили пустую ключницу на дорожке и сразу решили позвонить в полицию...

- Еще я заметила движение.
- Что?
- Я заметила движение в доме.
- В смысле по дому кто-то ходил?
- Да.
- А как вы узнали, что это не мистер Сайкс?

Чарлин обернулась:

- Я этого не знала. Но еще я заметила пустую ключницу.
- На видном месте на дорожке?
- Ну да.
- Понятно. И сложили два и два?
- Да.

Перлмуттер кивнул, словно его наконец озарило.

– Значит, если бы ключницу открыл мистер Сайкс, он не бросил бы ее на дорожку, так вы подумали?

Чарлин промолчала.

– Видите ли, миссис Суэйн, у меня кое-что не сходится. Почему человек, проникший в дом и напавший на мистера Сайкса, оставил ключницу на самом виду? По идее он должен был спрятать ее или взять с собой в дом.

Молчание.

– И вот еще что. Когда мы нашли мистера Сайкса, он уже примерно сутки находился в тяжелом состоянии. Неужели ключница столько часов провалялась на дорожке?

– Не знаю.

– Откуда ж вам знать, вы ведь не следили за домом соседа, верно?

Чарлин молча смотрела на капитана Перлмуттера.

– Почему вы с мужем поехали за человеком, проникшим в дом Сайкса?

– Я уже сказала другому полицейскому...

– Вы пытались помочь полиции не упустить злоумышленника.

– И еще я боялась...

– Чего?

– Что он догадается – это я позвонила в полицию.

– Почему вы так решили?

– Я выглянула в окно, когда подъехала полицейская машина. Он обернулся и заметил меня.

– И вы подумали, что он вернется за вами?

– Не знаю. Я испугалась, вот и все.

Перлмуттер снова кивнул:

– Что ж, это похоже на правду. Некоторые детали с трудом укладываются в логическое объяснение, но, с другой стороны, преступления редко выстраиваются в идеальную схему.

Чарлин отвернулась к Майку.

– Вы сказали, он ехал на «форде-виндстар»?

– Да.

– Он выехал на нем из гаража?

– Да.

– Вы видели номер?

– Нет.

– Хм. Тогда почему вы так решили?

– Что решила?

– Что машина стояла в гараже?

– Понятия не имею. Может, потому, что ее нигде не было видно.

– А, тогда ясно.

Чарлин снова взяла мужа за руку. В последний раз они держались за руки два месяца назад, когда смотрели романтическую комедию с Мег Райан. Майк питал непонятную слабость к «дамскому кино» – его глаза влажнели при просмотре даже плохих мелодрам. В жизни она видела, как он плачет всего однажды – на похоронах отца, но в темном зале кинотеатра лицо Майка дрожало, а из глаз текли слезы. Тем вечером он взял ее за руку, однако Чарлин – сейчас она вздрагивала при этом воспоминании – не растрогалась. Когда Майк попытался переплести их пальцы, Чарлин чуть напрягла ладонь, чтобы помешать ему. Вот как мало значил для нее этот располневший мужчина с зачесанными на лысину прядями, пытавшийся ее коснуться.

– Вы не могли бы сейчас уйти? – попросила она Перлмуттера.

– Не могу. Прошу меня понять.

Она прикрыла глаза.

– Я знаю о ваших проблемах с налогами.

Чарлин осталась неподвижной.

– Сегодня утром вы звонили в контору, где работает мистер Сайкс.

Она не отпускала руку, но ей показалось, что Майк попытался отстраниться.

– Миссис Суэйн?

– Не здесь, – сказала Чарлин, уронив руку и поднимаясь с кровати. – Не перед моим мужем.

Глава 22

Обитатели заведений для престарелых всегда дома и всегда рады гостям. На звонок Грейс ответила бойкая женщина:

- Дом социальной поддержки «Звездный свет».
- Можно узнать ваши часы посещения?
- У нас их нет! – радостно воскликнула собеседница.
- Как это?

– У нас нет специальных часов. Вы можете навещать нас двадцать четыре часа семь дней в неделю.

- Мне хотелось бы пообщаться с мистером Робертом Доддом.

– С Бобби? Давайте я соединю вас с его комнатой... Ой, нет, подождите, сейчас восемь, он на гимнастике. Бобби поддерживает себя в форме.

- А как можно договориться о посещении?
- Да зачем, просто приезжайте!

Дорога займет меньше двух часов. Проще съездить, чем пытаться объясниться по телефону, особенно если учесть, что Грейс понятия не имеет, о чем спрашивать отца погибшего журналиста. С пожилыми вообще лучше общаться лично.

- Не подскажите, утром он будет у себя?

– Конечно. Бобби уже два года не садится за руль. Он будет на месте.

- Спасибо.
- Вам спасибо за звонок.

За завтраком Макс запустил руку в недра пачки хлопьев «Кэп-н-кранч». Зрелище – ее ребенок пытается достать игрушку – заставило Грейс замолчать. Это было настолько привычно... Дети все чувствуют, но иногда они проявляют удивительное – и очень полезное – безразличие. Сейчас Грейс была за это благодарна.

- Ты уже достал игрушку, – сказала она.

Макс остановился:

– Достал?

– Сколько пачек, столько паршивых призов...

– Что?

В детстве Грейс сама с азартом искала в хлопьях эти дешевенькие игрушки. Причем в хлопьях этой же марки.

Нарезав банан, она смешала его с сухими хлопьями. Грейс всегда старалась схитрить, добавляя побольше банана и поменьше «Кэп-н-кранч». Одно время она сыпала «Чириос» – там меньше сахара, но Макс быстро раскусил это дело.

– Эмма! Вставай сейчас же!

Недовольное мычание. Дочь еще слишком мала, чтобы разыгрывать по утрам спектакль «то болит, се болит». Грейс, помнится, начала выдумывать причины, чтобы не вставать, в старших, ну, может быть, средних классах, но не в восемь лет. Как давно нет ее родителей... Однако дети ее порой выкидывают такие штуки, что Грейс сразу вспоминаются отец и мать. Эмма надувала губы так похоже на то, как это делала ее бабка, которую она не знала, что Грейс иногда замирала на месте. А улыбка Макса была копией улыбки ее отца. Гены явственно проявились во внуках, и Грейс не могла определить, трогает это ее или отзывается в ней незабываемой болью.

– Эмма, я кому говорю!

Невнятное копошение, которое при желании можно трактовать как «ребенок встает».

Грейс начала собирать дочери ланч, Макс любил покупать обед в школе, и Грейс была двумя руками «за» – собирать ланч по утрам было для нее самым нелюбимым занятием. До недавних пор Эмма тоже обедала в школе, но в последнее время ей там разонравилось – новый непонятный запах в кафетерии вызывал такое отвращение, что у девочки случались позывы к рвоте. Эмма пробовала есть на улице, даже в холодную погоду, но запах, как вскоре она обнаружила, исходил и от еды. Теперь дочка являлась в столовую, помахивая контейнером с изображением Бэтмена.

– Эмма!

– Я здесь.

Дочь вошла в своем излюбленном прикиде спортивного сорванца: дурацкие шорты, синие высокие кроссовки «Конверс», фужайка с эмблемой «Нью-Джерси Нетс». Ходячее противоречие, Эмма наотрез отказывалась надевать что-нибудь, что хоть немного отдавало «девчатиной». Заставить ее надеть платье требовало изворотливости ближневосточных переговоров, причем нередко с тем же неожиданным результатом.

– С чем тебе сэндвичи? – спросила Грейс.

– С арахисовым маслом и джемом.

Грейс молча смотрела на дочь.

– Что? – с невинным видом спросила Эмма.

– Ты сколько лет ходишь в эту школу?

– А?

– Четыре года, считая детский сад? Ты в третьем классе, значит, четыре года.

– И что?

– Сколько раз за четыре года ты просила в школу сэндвичи с арахисовым маслом?

– Не знаю.

– Раз сто?

Эмма молча пожала плечами.

– И сколько раз я тебе говорила, что ваши школьные правила запрещают приносить арахисовое масло, потому что у некоторых детей на него аллергия?

– Ах да...

– Ах да! – Грейс взглянула на часы.

У нее было несколько «Ланчебл» от Оскара Мейера, довольно паршивый готовый завтрак, который Грейс держала на крайний случай, то есть на случай отсутствия желания или времени делать бутерброды. Дети, естественно, эту гадость обожали. Грейс вполголоса спросила Эмму, будет ли она «Ланчебл», – если услышит

Макс, о школьных обедах можно будет забыть. Эмма милостиво согласилась и затолкала сверток в контейнер с Бэтменом.

Сели завтракать.

– Мам? – позвала Эмма.

– А?

– Когда вы с папой женились... – Девочка замолчала.

– Ну что?

Эмма начала снова:

– Когда вы с папой женились, в конце, когда вам сказали, что вы можете поцеловать невесту...

– Ну-ну?

Эмма склонила голову набок и закрыла один глаз.

– Тебе пришлось?

– Поцеловать папу?

– Ну да.

– Почему вдруг «пришлось»? Я сама этого хотела.

– А это обязательно? Почему нельзя просто ладонью о ладонь?

– Хлопнуть друг друга по рукам?

– Да, вместо поцелуя? Повернуться друг к другу и вот так... – Эмма показала как.

– Ну, отчего же нельзя... Любой каприз за ваши деньги.

– Классно! – с воодушевлением отозвалась Эмма.

Грейс отвела детей на автобусную остановку. На этот раз она не поехала за автобусом до школы – осталась на месте, закусив нижнюю губу. Спокойствие покинуло ее, но коль скоро дети уехали, нет необходимости сдерживаться.

Когда она вернулась в дом, Кора уже проснулась: шелест компьютерных клавиш сопровождался громкими стонами.

– Что тебе дать? – участливо спросила Грейс.

– Анестезиолога, – простонала Кора. – Лучше традиционной ориентации... Но я не настаиваю...

– Может, просто кофе?

– О, давай кофе! – Пальцы Кора плясали по клавиатуре. Вдруг ее глаза сузились. Кора нахмурилась. – Тут что-то не так.

– Ты имеешь в виду наш спам?

– Ни одного ответа!

– Я уже заметила.

Кора откинулась на спинку стула. Грейс стояла у нее за спиной, покусывая ноготь большого пальца. Через несколько секунд Кора подалась вперед:

– А ну, проверим кое-что...

Она открыла новое сообщение, что-то напечатала и отослала.

– Что ты делаешь?

– Посылаю сообщение на наш спамовый адрес. Хочу посмотреть, дойдет или нет.

Они подождали. Письмо не дошло.

– Хм... – Кора снова откинулась на спинку стула. – Либо что-то с почтой...

– Либо?

– Либо Гус еще не сделал свою маленькую ссаную линию.

– А как узнать наверняка?

Кора не сводила глаз с монитора.

– Куда ты звонила с этого телефона в последний раз?

– В дом престарелых, отцу Боба Додда. Хочу съездить к нему сегодня.

– Хорошо. – Кора не отрывалась от экрана.

– А что?

– Хочу кое-что проверить.

– А именно?

– Да, наверное, ничего важного. Одну вещь с телефонными счетами. – Кора снова начала шлепать по клавишам. – Что-нибудь узнаю – позвоню.

Перлмуттер оставил Чарлин Суэйн с художником из округа Берген, рисовавшим портреты по словесному описанию. Он все-таки выжал

из нее правду, попутно вытащив на свет божий и ее постыдный женский секрет. Правильно Чарлин Суэйн не желала откровенничать: все равно это ничем не помогло. Разоблачение обернулось грязненьким ложным следом.

Он сидел над блокнотом, выписывая сочетание «форд-виндстар» и подолгу обводил буквы.

«Форд-виндстар».

Касслтон не был сонным маленьким городком. В здешнем участке числилось тридцать восемь полицейских. Они раскрывали ограбления, проверяли подозрительные машины, держали под контролем распространение наркотиков в школах – разные таблеточки белых деток из пригорода. Раскрывали случаи вандализма, решали проблемы автомобильных пробок и незаконной парковки, выезжали на дорожные аварии. Они прилагали максимум усилий, чтобы держать все прелести городского кризиса Патерсона – городишки в трех милях от границы Касслтона – на безопасном расстоянии. Они реагировали на многочисленные ложные вызовы – результат технологического брачного зова расплодившихся в последнее время детекторов движения.

Перлмуттер никогда не стрелял из служебного револьвера, кроме как в полицейском тире. Он вообще ни разу не доставал пистолет на работе. За тридцать лет его практики всего три смерти подходили под определение «подозрительные», и все три злоумышленника были пойманы по горячим следам: бывший муж, который, напившись, решил устроить себе любовь до гроба, убил женщину, которую якобы обожал, а потом «застрелился». Он прекрасно справился с первой частью плана – два выстрела разнесли вдребезги голову бывшей супруги, но, как водится, запорол финал, запасшись лишь двумя пулями; через час он был уже в следственном изоляторе. Подозрительная смерть номер два: хулиган-подросток, которого пырнул ножом доведенный его издевательствами до отчаяния хлипенький ученик начальной школы. Тощий «ботаник» провел три года в колонии для малолетних преступников, где и

узнал, что такое настоящие издевательства и отчаяние. В третьем случае умиравший от рака мужчина умолил свою сорокавосемилетнюю супругу прекратить его муки. Женщина получила условный срок – Перлмуттер считал приговор более чем достаточным.

Что касается выстрелов, то в Каслтоне они звучали нередко, но почти всегда пуля предназначалась самому стрелку. Перлмуттер мало интересовался политикой и не был убежден в пользе контроля за продажей оружия, хотя по опыту знал: пистолет, купленный для охраны дома, гораздо чаще используется хозяином для самоубийства, чем для самозащиты. За все годы служения закону Перлмуттер ни разу не сталкивался с применением оружия с целью застрелить, остановить или отпугнуть непрошенных гостей, зато самоубийств из короткоствольного оружия было более чем достаточно.

«Форд-виндстар». Перлмуттер снова принялся обводить буквы.

Впервые в карьере капитану досталось дело, включающее попытку убийства, странное похищение, нетипично жестокое нападение с нанесением увечий и, как подозревал капитан, целый список неизвестных пока злодеяний. Он снова начал чертить в блокноте каракули. В верхнем левом углу он написал: «Джек Лоусон», в правом – «Рокки Конвелл». Эти двое предположительно пропавших человека одновременно пересекли пункт дорожного сбора на шоссе, ведущем в соседний штат. Перлмуттер провел линию от одного имени к другому.

Первая ниточка.

В левом нижнем углу Перлмуттер написал: «Фредди Сайкс», жертва зверского нападения. В правом нижнем – «Майк Суэйн» – огнестрельное ранение, попытка убийства. Связь между двумя жертвами, вторая ниточка, была очевидной. Жена Суэйна оба раза видела проникшего в соседский дом злоумышленника – молодого азиата спортивного телосложения, который, по ее мнению, был в сто раз опаснее Одджоба из старого фильма о Джеймсе Бонде.

Но Перлмуттеру не удавалось связать все четыре случая – два исчезновения и двух жертв Одджоба-младшего. Правда, оставался «форд-виндстар».

Джек Лоусон уехал на синем «форде-виндстар» и пропал. Азиат из дома Сайкса тоже уехал на синем «форде-виндстар».

Предположим, что здесь есть связь, хотя универсалов в этом пригороде – как силикона в стриптиз-клубе. Фактов, конечно, кот наплакал, но если вспомнить историю их добропорядочного пригорода, где солидные отцы семейств просто так не исчезают, и то, что в Касслтоне отродясь не наблюдалось такого оживления... Связь, конечно, неявная, но капитан Перлмуттер понимал: все четыре случая между собой связаны.

Правда, он не представлял как и не хотел пока забивать этим голову. Пусть сначала поработает лаборатория. Пусть криминалисты обследуют дом Сайкса на предмет волос и отпечатков пальцев. Пусть художник закончит портрет. Пусть Вероник Болтрус, компьютерный специалист и сногшибательная красотка, пошарит в «пентиуме» Фредди. Для гипотез еще слишком рано.

– Капитан!

Это оказался Дейли.

– Что там?

– Мы нашли машину Рокки Конвелла.

– Где?

– Знаете стоянку на Семнадцатом шоссе?

Перлмуттер снял очки, в которых читал.

– Дальше по этой самой улице?!

Дейли кивнул:

– Бессмыслица какая-то, он же выехал из штата!

– Кто обнаружил машину?

– Пепе и Пашайан.

– Скажи им, чтобы тщательно осмотрели район. – Перлмуттер встал. – «Форд» мы поищем сами.

Глава 23

Усевшись в «сааб», Грейс вставила в проигрыватель компакт-диск «Колдплей» – в надежде, что это ее отвлечет. Отвлекало плохо. С одной стороны, Грейс вполне отдавала себе отчет в том, что происходит, и ей не требовалось объяснений. С другой – открытия последних дней оказались ошеломляющими, и необходимость смотреть трезво на факты приводила ее в состояние ступора. Должно быть, сюрреализм возник из чувства самосохранения, из стремления художника защитить себя, отфильтровывая то, что видишь. Сюрреализм дает силы действовать, искать правду – в ее случае найти Джека, – тогда как реальность, беспощадно-резкая, неприкрытая и чистая, вызывала желание свернуться в клубок и выть, пока не увезут в психлечебницу.

Зазвонил сотовый. Перед тем как нажать кнопку ответа, Грейс бросила взгляд на дисплей. Не Джек. Кора.

– Слушаю.

– Не буду делить новости на плохие и хорошие. Тебе сначала какие – странные или очень странные?

– Давай странные.

– Не могу связаться с Гусом по его ссаной линии – он не отвечает на звонки. Постоянно попадаю на автоответчик.

Будто нарочно, в проигрывателе зазвучало «Содрогание». Руки Грейс остались лежать на руле симметрично. Она двигалась по средней полосе, продолжая сохранять максимально разрешенную скорость. Справа мимо нее проносились машины.

– А очень странные?

– Помнишь, как мы пытались отследить звонки Джека за двое суток?

– Да.

– Так вот, я позвонила в компанию – оператору сотовой связи, сказала, что я – это ты. Ты ведь не возражаешь?

– Нисколько.

– Так вот... Ладно, не важно. Единственный звонок, который Джек сделал с сотового за последние три дня, – это вчера тебе на твой мобильный.

– Когда я была в полиции?

– Да.

– А что в этом странного?

– Ничего. Странное начинается на вашем домашнем телефоне.

Пауза. Грейс вела машину по шоссе Меррит со всей безупречностью.

– А что с домашним?

– Ты в курсе, что Джек звонил своей сестре в офис? – уточнила Кора.

– Да. Я же нажала повторный набор.

– Как, еще раз, зовут его сестру?

– Сандра Ковал.

– И эта Сандра Ковал сказала тебе, что ее на работе уже не было и что они с Джеком не разговаривали?

– Да.

– Телефонный разговор длился девять минут.

Дрожь пробежала по телу Грейс. Она сделала усилие, чтобы не выпустить руль.

– Стало быть, она солгала.

– Получается, да.

– Так что же Джек ей рассказал?

– И что она ему ответила?

– И почему она лжет?

– Слушай, мне жаль, что все так вышло... – начала было Кора.

– Отчего ж, это к лучшему.

– Как так?

– Это ниточка. До сих пор Сандра была тупиковой версией. Теперь мы знаем: каким-то боком она все-таки причастна.

– И что ты будешь делать?

– Не знаю, – отозвалась Грейс. – Наверное, позвоню ей снова и спрошу, в чем дело.

Они попрощались, Грейс нажала отбой. Она ехала, прокручивая в голове различные сценарии. В плеере заиграли «Проблему». Впереди показалась заправка «Эксон». В Нью-Джерси не было самообслуживания, и Грейс несколько секунд просидела в «саабе», пока сообразила, что бензин придется наливать самой.

Она купила в мини-маркете бутылку холодной воды, а сдачу бросила в банку для сбора пожертвований. Ей хотелось получше обдумать новую ниточку, протянувшуюся к сестре Джека, но на глубокий анализ не было времени.

Номер юридической фирмы «Бертон и Кримштейн» Грейс помнила. Достав телефон, она набрала ряд цифр. Трубку сняли через два звонка; Грейс попросила соединить ее с линией Сандры Ковал и удивилась, когда ответила сама Сандра:

– Алло?

– Вы мне солгали.

В трубке повисла пауза. С бутылкой воды под мышкой Грейс шагала к машине.

– Разговор длился девять минут. Вы с Джеком разговаривали.

Молчание.

– Сандра, что происходит?

– Не знаю.

– Зачем Джек вам звонил?

– Слушайте, я кладу трубку, и не пытайтесь мне больше звонить...

– Сандра!

– Вы говорили, что Джек вам уже позвонил?

– Да.

– Мой вам совет – дождитесь, пока он позвонит снова.

– Я не прошу ваших советов, Сандра. Я хочу знать: что он вам сказал?

– По-моему, вы должны прекратить.

– Что прекратить?

– Вы сейчас на мобильном?

– Да.

– А где вы?

– На заправке в Коннектикуте.

– Где?!

– Сандра, я хочу, чтобы вы меня выслушали. – В трубке слышался оглушительный треск. Грейс пришлось переждать. – Вы последняя, кто говорил с моим мужем до его исчезновения. И вы мне солгали. И по-прежнему не хотите открыть содержание разговора. Почему я должна вам что-то отвечать?

– Справедливо. А теперь послушайте меня, Грейс. Я сейчас повешу трубку, а вам настоятельно советую: поезжайте домой и позаботьтесь о детях.

Связь оборвалась. Грейс уже сидела в машине. Она нажала повторный набор и попросила соединить ее с офисом Сандры. Никто не ответил. Она попробовала снова – то же самое. Что теперь? Снова к ней съездить?

Через две мили после заправки Грейс увидела указатель – «Центр социальной поддержки „Звездный свет“». В годы ее детства и юности дома престарелых размещались в кирпичных неоштукатуренных одноэтажных зданиях – яркий пример преобладания содержания над формой, – напоминавших... начальную школу. Увы, жизнь циклична: все начинается в таких вот зданиях и там же заканчивается. Виток, виток, еще виток, круг замкнулся.

Но центр социальной поддержки «Звездный свет» напоминал трехэтажную гостиницу в псевдовикторианском стиле – с башенками, террасами, нарисованными ярко-желтой краской дамами прежних времен, правда с безобразным алюминиевым сайдингом. Газон был ухожен настолько, что казался ненатуральным, пластиковым. Здешней обстановке пытались придать веселенький, жизнерадостный вид, но перестарались, эффект получился как от

«Диснейленда» в Эпскот-центре – прелюбопытная копия, которую, однако, нельзя принять за оригинал.

На крыльце-террасе в кресле-качалке старуха читала газету. Она пожелала Грейс доброго утра; та ответила и толкнула дверь. В вестибюле явно старались воссоздать обстановку отеля минувшей эпохи: повсюду висели картины маслом в безвкусных рамах – таких полно на распродажах «Холидей инн»: все по девятнадцать долларов девяносто девять центов. Сразу становилось понятно: это репродукции классических работ, даже если вы никогда не видели ни «Завтрака гребцов» Ренуара, ни «Ночных ястребов» Хоппера.

В холле было неожиданно многолюдно: он был полон стариков разной степени полуразрушенности. Одни передвигались без помощи, другие ковыляли, кто-то – опираясь на трость, кто-то с помощью костылей, остальные сидели в инвалидных креслах. Большинство обитателей «Звездного света» держались бодро; меньшинство мирно подремывали.

Холл был чистым и светлым, но здесь чувствовался запах старости: так пахнет древний заплесневелый диван. Запах пытались заглушить вишневыми ароматизаторами в виде деревца, которые любят вешать в такси, но некоторые амбре не перебить ничем.

Единственная молодая особа здесь – девушка лет двадцати с небольшим – сидела за письменным столом того же стиля, что и вся обстановка, но по виду купленным в «Бомбей компани». Она приветливо улыбнулась Грейс.

– Доброе утро, я – Линдси Барклай.

Грейс узнала голос вчерашней собеседницы.

– Я приехала к мистеру Додду.

– Бобби у себя. Второй этаж, комната двести одиннадцать. Я вас провожу.

Линдси была привлекательна прелестью молодости. Так энергично и улыбочиво держатся исключительно невинные девушки и вербовщики некоего культа.

– Вы не возражаете подняться по лестнице? – спросила она.

– Отнюдь.

Попадавшие навстречу им обитатели «Звездного света» останавливались и здоровались. Линдси находила минуту для каждого, радостно отвечая на приветствия. Игра на публику, не без цинизма отметила Грейс. Однако Линдси всех знала по именам и не скупилась на теплые фразы, отчего старики на глазах расцветали.

– У вас здесь в основном женщины, – сделала заключение Грейс.

– Когда я училась в школе, нам говорили, что в домах престарелых женщин в пять раз больше, чем мужчин.

– Ничего себе...

– Да. Бобби шутит, что всю жизнь мечтал попасть в малинник.

Грейс усмехнулась.

Линдси махнула рукой:

– О, это лишь разговоры. Его жена – он зовет ее «моя Мод» – умерла почти тридцать лет назад, и с тех пор Бобби, по-моему, не взглянул ни на одну женщину.

Они замолчали. Коридор был выкрашен зеленым и розовым, стены увешаны узнаваемыми работами: репродукции Нормана Роквелла, собаки, играющие в покер, черно-белые кадры из кинохитов: «Касабланка» и «Незнакомцы в поезде». Грейс шла прихрамывая. Линдси заметила ее хромоту – Грейс ловила на себе ее осторожные взгляды, – но, как большинство сделало бы на ее месте, тактично промолчала.

– У нас в «Звездном свете» кварталы, – пояснила Линдси. – Мы так называем коридоры. Каждый оформлен в своем стиле, этот, например, Ностальгия. По-моему, жильцам это нравится.

Они остановились. На табличке у двери справа было написано «Додд». Линдси постучала:

– Бобби!

Никто не ответил. Линдси нажала ручку, и дверь открылась. Они вошли в маленькую, но удобную комнату. Справа была крохотная кухонька. На кофейном столике стояла черно-белая фотография очень красивой женщины, похожей на Лену Хорн, повернутая так,

чтобы было видно и от двери, и с кровати. Даме на портрете было лет сорок, но можно было с уверенностью сказать, что снимок старый.

– Это его Моды.

Грейс кивнула, на секунду засмотревшись на фотографию в серебристой рамке, – ей снова вспомнился «ее Джек». В первый раз она допустила до сознания невозможное: не исключено, что Джек никогда не вернется. Именно об этом Грейс избегала думать с той самой минуты, как услышала звук мотора универсала. Возможно, она никогда больше не увидит Джека, не обнимет его, не засмеется его старым шуткам и – здесь эта мысль сама просилась в голову – не состарится вместе с ним.

– Вам нехорошо?

– Нет, все в порядке.

– Должно быть, Бобби у Айры в Воспоминаниях, они часто режутся в карты.

– Воспоминания – это тоже... э-э... квартал?

– Нет, Воспоминаниями мы называем третий этаж. Там у нас жильцы с болезнью Альцгеймера.

– О-о...

– Айра не узнает своих детей, но попробуйте выиграть у него в пинакль!

Они вышли в коридор. Рядом с дверью Бобби Додда Грейс заметила много фотографий. На стене висела рамка-коробка, в каких обычно выставляют сувениры. У Додда в ней были армейские медали, побуревший от времени бейсбольный мяч, фотографии разных времен и снимок его убитого сына. Такой же Грейс видела вчера в Интернете.

– Аллея памяти, – сказала Линдси. – Вернее, коробка.

– Мило, – произнесла Грейс, не зная, что еще сказать.

– У каждого пациента такая висит возле двери. Это способ рассказать другим о себе.

Грейс кивнула. Итоги жизни, собранные в рамке двенадцать на восемь дюймов. Как и все в доме престарелых, это казалось разумным и вместе с тем жутким.

На этаж Воспоминаний нужно было подняться на лифте. Лифт вызывался набором цифрового кода на кнопочной консоли.

– Так население не разбредается, – объяснила Линдси. Что ж, и это в соответствии со стилем учреждения – целесообразно и правильно, хоть и мороз по коже.

Этаж Воспоминаний оказался комфортным, хорошо оборудованным, полностью укомплектованным персоналом – и ужасающим. Некоторые его жильцы выглядели довольно бодро, но большинство вяло сидели в инвалидных креслах, напоминая собой увядающие цветы. Некоторые стояли или пытались идти куда-то, другие что-то бормотали себе под нос, но взгляд у всех был характерный – застывший, словно они высматривали что-то далеко впереди.

Дряхлая, лет под девяносто, старуха, бренча ключами, прошаркала к лифту.

– Куда вы, Сесил? – позвала ее Линдси.

Старуха обернулась:

– Забрать Денни из школы. Он меня уже ждет.

– Все нормально. Занятия закончатся только через два часа.

– Вы уверены?

– Конечно. Сперва съешьте ланч, а потом заберете Денни.

– У него сегодня фортепиано.

– Я знаю.

Медсестра подошла и увела Сесил. Линдси проводила их взглядом.

– Для пациентов с прогрессирующим Альцгеймером мы применяем валидационную терапию.

– Как это?

– Не спорим с ними, не пытаемся заставить их осознать реальность. Я, например, не говорю Сесил, что ее Денни уже за

шестьдесят, он работает в банке и нянчится с тремя внуками. Мы просто стараемся на что-то переключать их.

Они прошли по коридору – в смысле «кварталу», заставленному большими, в натуральную величину, куклами-детками. Здесь же нашел себе место пеленальный стол с плюшевыми медведями.

– Детский квартал.

– Они играют в куклы?! – не удержалась Грейс.

– Только те, у кого больше сохранилась личность. Это помогает им подготовиться к визитам праправнуков.

– А остальные?

– Некоторые думают, что они – молодые мамы. Куклы помогают их успокоить.

Невольно – а может, и намеренно – они ускорили шаг. Через несколько секунд Линдси повысила голос:

– Бобби!

Бобби Додд поднялся из-за карточного стола. Первое определение, просящееся на язык, если посмотреть на Додда-старшего, – фронт. Щеголь. Додд выглядел энергичным и свежим, с очень черной кожей и рельефными, как у аллигатора, морщинами. Твидовый пиджак, двухцветные мокасины, алый аскотский галстук и в нагрудном кармане такой же платок. Седые волосы коротко подстрижены и гладко причесаны.

Приподнято-галантное настроение Додда не изменилось, даже когда Грейс объяснила, что приехала поговорить о его покойном сыне. Она ожидала проявлений сдерживаемого горя – повлажневших глаз, дрогнувшего голоса, но ничего подобного не увидела. Пусть это смелое обобщение, но престарелые менее болезненно воспринимают смерть или крупные трагедии. Старики способны разволноваться от пустяков вроде дорожных пробок, очередей в аэропорту, плохого обслуживания, но драматические события от них просто отскакивают. Что за странный эгоизм развивается с возрастом? Связано ли это с приближением к неизбежному, когда в преклонном возрасте люди начинают

блокировать беды или отмахиваться от настоящих несчастий? Может, старческая хрупкость не в силах устоять перед ударами судьбы, отсюда этот защитный механизм, инстинкт выживания, безразличие?

Бобби Додд был готов помочь, но ему мало что было известно. Грейс поняла это почти сразу. Сын навещал его дважды в месяц. Да, вещи Боба в редакции упаковали и прислали ему, но он даже не открывал коробку.

– Она на складе, – ввернула Линдси.

– А можно мне посмотреть, что в коробке?

Бобби Додд потрепал ее по ноге:

– Конечно можно, детка.

– Ее еще нужно сюда привезти, – сказала Линдси. – Склад не на территории «Звездного света».

– Это очень важно.

– Я могу заказать доставку на завтра.

– Спасибо.

Линдси отошла, оставив их наедине.

– Мистер Додд...

– О, пожалуйста, просто Бобби!

– Бобби, – согласилась Грейс. – Когда сын навещал вас в последний раз?

– За три дня до того, как его убили.

Додд ответил сразу и не задумываясь. В первый раз Грейс ощутила дрожь за непроницаемым фасадом и усомнилась в справедливости своей догадки о свойстве возраста смягчать душевную боль. Может, к старости лучше овладеваешь наукой держать лицо?

– Вы не заметили ничего необычного в его поведении?

– Необычного?

– Не был ли он рассеяннее, чем всегда, или занят своими мыслями?

– Нет. – Пауза. – По крайней мере, я не заметил.

– О чем вы говорили?

– Мы отродясь не вели долгих бесед. Иногда вспоминали его маму, а большей частью смотрели телевизор. Здесь есть свое кабельное, знаете?

– И Джиллиан приезжала?

– Нет.

Это вылетело слишком быстро. Лицо Бобби вдруг стало замкнутым.

– Она вообще навещала вас?

– Иногда.

– Но в последний раз ее не было?

– Нет.

– Это вас не удивило?

– Это? Нет, как раз это меня не удивило.

– А что удивило?

Бобби отвел глаза и прикусил нижнюю губу.

– Ее не было на похоронах.

На секунду Грейс решила, что ослышалась, но Бобби Додд закивал, будто прочитав ее мысли:

– Да-да, вот такая законная супруга.

– Они плохо ладили?

– Боб со мной не делился.

– А дети у них были?

– Нет. – Он поправил галстук и снова опустил глаза. – Для чего все это вытаскивать, миссис Лоусон?

– Грейс.

Бобби не ответил. Он смотрел на нее взглядом, исполненным мудрости и печали. Должно быть, причина холодного равнодушия пожилых гораздо проще – на своем веку они многое повидали и не хотят видеть еще.

– Мой муж пропал, – сказала Грейс. – Я считаю... Я не знаю, но мне кажется... это как-то...

– Как зовут вашего мужа?

– Джек Лоусон.

Имя ничего не говорило Додду-старшему. Грейс спросила, нет ли у него телефона Джиллиан Додд и как с ней можно связаться. Бобби покачал головой. Они пошли к лифту. Бобби не знал кода, и медсестра проводила их вниз. С третьего этажа на первый они спускались молча.

У самых дверей Грейс поблагодарила старика за то, что он уделил ей время.

– Вы любите мужа? – вдруг спросил Додд.

– Да, очень.

– Надеюсь, вы окажетесь сильнее меня. – И Бобби Додд побрел прочь. Грейс подумала о фотографии в серебряной рамке, о его Моди, и поспешно вышла.

Глава 24

Перлмуттер вдруг спохватился: по закону у них нет права открывать машину Рокки Конвелла. Он подозвал Дейли:

– Ди Бартола на дежурстве?

– Нет.

– Позвони жене Конвелла, спроси, есть ли у нее ключи от «тойоты». Скажи, мы нашли машину и нам нужно ее разрешение, чтобы осмотреть салон и багажник.

– Они же в разводе, разве у нее есть право?

– Нам хватит.

– Понятно.

Дейли управился моментально: миссис Конвелл согласилась помочь. Они подъехали к дому на Мейпл-стрит, Дейли сбегал наверх и взял ключи. Через пять минут они уже сворачивали к парковке.

Не было никаких причин подозревать неладное – напротив, выводы напрашивались прямо противоположные. На этой стоянке люди оставляли машины и пересаживались на автобусы. Кто-то ехал развеять скуку в центр Манхэттена или на северную оконечность знаменитого острова, к мосту Джорджа Вашингтона. А можно было махнуть в какой-нибудь из трех крупных аэропортов – Джона Ф. Кеннеди, Ла-Гардиа и Ньюарк-Либерти, то есть в конечном счете в любую точку мира. Поэтому в том, что «тойота» стояла здесь, не было решительно ничего подозрительного.

По крайней мере на первый взгляд.

Полицейские Пепе и Пашайан, разыскавшие «тойоту», этого не понимали. Перлмуттер покосился на Дейли, но напарник стоял с самой безмятежной миной, видимо не сомневаясь, что и эта находка заведет их в очередной тупик.

Поправив ремни, Пепе и Пашайан вразвалочку подошли к Перлмуттеру:

– Здрасте, капитан.

Перлмуттер не сводил глаз с «тойоты».

– Нам начать опрос билетных кассиров? – спросил Пепе. – Может, кто-нибудь из них вспомнит Конвелла?

– Вряд ли, – проронил Перлмуттер.

Трое молодых людей уловили особые интонации в голосе начальника. Переглянувшись, они пожали плечами. Капитан не стал ничего объяснять.

Конвелл ездил на маленькой «тойоте-селика» старой модели, но ни размер, ни год выпуска значения не имели. Не важно, что колеса ржавые, что двух колпаков нет, а оставшиеся настолько грязны, что не разглядеть, где резина, а где металл. Нет, не это привлекло внимание Перлмуттера.

Он смотрел на багажник машины и думал о шерифах маленьких городков из фильмов ужасов – когда все идет вразнос, горожане начинают странно себя вести, число убитых растет, а шериф, архипорядочный, страшно умный и преданный своему делу блюститель закона, бессилен этому помешать. Именно так чувствовал себя Перлмуттер, потому что машина просела на задних колесах и багажник завис как-то низко. Очень низко.

Слишком низко.

Объяснение могло быть только одно – в нем что-то тяжелое.

Конечно, там могло лежать что угодно. Рокки Конвелл был футболистом и спортсменом. Может, у него там гантели. Да, все могло оказаться проще некуда – старый добрый Рокки возит с собой десяток гирь. Может, он ехал в дом с садом на Мейпл-стрит, под крылышко к супруге. Может, они помирились. Загрузил Рокки свое железо в багажник – на заднем сиденье пусто – и рванул переселяться обратно к жене.

Перлмуттер побренчал ключами, обходя «тойоту-селика». Дейли, Пепе и Пашайан топтались поодаль. Перлмуттер взглянул на связку ключей у себя в руке. Жена Рокки – кажется, ее зовут Лоррейн – носила брелок в виде футбольного шлема «Ниттани Лайон» –

старый, поцарапанный. Капитан ощутил мимолетный интерес – о чем она думает, глядя на брелок, и почему до сих пор не снимает.

Обойдя машину сзади, Перлмуттер остановился и втянул носом воздух. Вроде ничего. С поворотом ключа замок багажника резко щелкнул, так что эхо отдалось в деревьях. Перлмуттер приподнял крышку багажника – можно было слышать, как засвистел, выходя, воздух. Теперь уже ошибки быть не могло – в ноздри ударил характерный запах.

В багажник было уложено что-то большое, напоминающее огромную подушку. Без всякого предупреждения оно вдруг расправилось, раскрылось, мелькнув в воздухе гигантским чертиком из табакерки. Перлмуттер отскочил, и тело тяжело рухнуло на бетон головой вниз, с глухим звуком приложившись макушкой.

Но это уже не имело значения. Рокки Конвелл был давно мертв.

Глава 25

Что теперь?

Прежде всего Грейс страшно хотелось есть. Проехав по мосту Джорджа Вашингтона, она свернула на Джонс-роуд и остановилась перекусить в китайском ресторанчике. Она молча ела, чувствуя себя отчаянно одинокой, но стараясь не показывать этого. Итак, подведем итоги. Позавчера, а кажется, сто лет назад, она забрала заказ из «Фотомата», и – все. У нее была прекрасная жизнь, замечательный муж и двое чудесных пытливых детишек. У нее было время рисовать. Все они были здоровы и отнюдь не бедствовали. Но с того мгновения, как она нашла ту треклятую старую фотографию...

Грейс почти забыла о Джоше – Бородатом Пушке.

А ведь именно он проявлял пленку. Он таинственным образом покинул ателье вскоре после того, как Грейс забрала заказ. Именно он – Грейс уже не сомневалась – положил злосчастный снимок в ее пачку.

Она схватила сотовый, спросила в справочной службе телефон «Фотомата» в Касслтоне и согласилась дополнительно заплатить за то, чтобы ее сразу соединили. Трубку сняли на третьем звонке.

– «Фотомат».

Грейс даже спрашивать не пришлось – она мгновенно узнала ленивую, с растяжкой, интонацию как бы смертельно утомленного работой обалдую. Трубку снял Джош – Бородатый Пушок. Явился, значит.

Грейс хотела молча нажать отбой, но подумала, что это насторожит Пушка и он сделает ноги. Сбежит. Изменив голос, добавив в интонацию оптимизма, она спросила, до какого часа работает ателье.

– Типа, это, до шести, – ответил Пушок.

Грейс поблагодарила, но он уже повесил трубку. Счет лежал на столе. Расплатившись, она быстро пошла к машине, еле

сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Четвертое шоссе было местом оживленным. Проехав мимо бесчисленных торговых центров, она увидела свободное место недалеко от «Фотомата», но в этот момент зазвонил сотовый.

– Алло?

– Это Карл Веспа.

– Здравствуйте.

– Я хочу извиниться за вчерашнее. Не надо было подсовывать тебе Джимми Экса без предупреждения.

Грейс поколебалась, не рассказать ли ему о вчерашнем визите рокера, но, вспомнив о Бородатом Пушки, она решила отложить это.

– Я знаю, тебе все равно, но Уэйда Ларю, судя по всему, собираются выпустить.

– Может, это и правильно, – сказала Грейс.

– Может быть, – отозвался Веспа без тени согласия. – Тебе точно не нужна защита?

– Точно.

– Если передумаешь...

– То позвоню.

Возникла странная пауза.

– Что-нибудь слышно о твоём муже?

– Нет.

– У него есть сестра?

Грейс переложила телефон в другую руку:

– Да. А при чем здесь она?

– Я тебе потом расскажу.

Веспа повесил трубку. Грейс уставилась на свой сотовый. Что происходит, черт побери? Она покачала головой. Перезванивать бесполезно. Нужно переключиться на что-то другое.

Подхватив сумку, она быстро похромала к «Фотомату». Нога болела, каждый шаг давался с трудом, словно кто-то схватил ее за щиколотку. Но она упрямо шла вперед и ощутила крайнюю досаду,

когда всего за три магазинчика до фотоателье незнакомый мужчина в деловом костюме заступил ей дорогу:

– Миссис Лоусон?

При взгляде на незнакомца Грейс стало немного смешно – его каштаново-рыжеватые волосы были одного цвета с костюмом, словно сделанные из того же материала.

– Что-то хотели? – бросила она.

Мужчина полез в карман, извлек оттуда фотографию и вытянул руку так, чтобы Грейс могла разглядеть снимок.

– Вы рассылаете это по Сети?

Это был увеличенный фрагмент ее таинственной фотографии – с двумя девушками, блондинкой и рыжей.

– Вы кто?

– Скотт Дункан, – представился мужчина. – Я работаю в федеральной прокуратуре. А это, – он ткнул пальцем в блондинку с перечеркнутым лицом, не сводившую влюбленных глаз с оставшегося за кадром Джека, – моя сестра.

Глава 26

Перлмуттер сообщил Лоррейн Конвелл печальную новость со всей мягкостью, на которую был способен.

Он много раз приносил людям плохие новости, обычно после аварий на Четвертом шоссе или на Гарден-Стейт. Услышав о гибели мужа, Лоррейн Конвелл разрыдалась, но на смену слезам через некоторое время приходит онемение чувств, и теперь вдова сидела с сухими глазами.

Стадии горя. Говорят, что первая – отрицание очевидного, неверие в случившееся. Это не так. Первая как раз наоборот – полное принятие. Вы узнаете ужасную новость и полностью осознаете услышанное. Вы понимаете, что близкий вам человек – супруг, партнер, кто-то из родителей, ребенок – никогда не придет домой, он ушел навсегда, его жизнь оборвалась, вы никогда не увидите его живым. Вы понимаете это мгновенно. Ноги становятся ватными, сердце останавливается.

Это первая стадия – не только принятие, не только понимание произошедшего, но вся правда целиком. Человеческий организм не выдерживает подобных ударов, поэтому осознание сразу сменяется отрицанием. Неверие затопляет сознание, врачует раны или по крайней мере затягивая их, но до того каждый – к счастью, недолго – переживает подлинную первую стадию горя, когда, услышав новость, на миг заглядываешь в бездну и до глубины души, всем существом проникаешься ужасом случившегося.

Лоррейн Конвелл сидела очень прямо. Ее губы дрожали, но глаза были сухи. Она казалась такой маленькой и одинокой, что Перлмуттер с трудом сдержал порыв обнять ее и прижать к себе.

– Мы с Рокки, – выговорила она, – решили снова съехаться.

Перлмуттер кивнул, показывая, что внимательно слушает.

– Это моя вина. Я заставила Рокки уйти. Не надо мне было... – Она посмотрела на Перлмуттера глазами цвета фиалки. – Когда мы

познакомились, он был другим, знаете? Мечтал, строил планы. Был уверен в себе. А когда больше не смог играть в профессиональной команде, это выело его изнутри, как кислота. Он не смог с этим жить.

Перлмуттер снова кивнул. Он искренне хотел помочь Лоррейн, посидеть с ней, но у него действительно не было времени выслушивать историю ее жизни. Нужно было поговорить по существу и ехать по делам.

– А кто мог желать Рокки зла? Были у него враги, недоброжелатели?

Лоррейн покачала головой:

– Нет. Ни одного.

– Но он сидел в тюрьме.

– Попал по глупости – ввязался в драку в баре, и ситуация вышла из-под контроля.

Перлмуттер посмотрел на Дейли. Они знали о драке и уже проверяли, не захотел ли избитый взять запоздалый реванш, но эта версия казалась маловероятной.

– Рокки где-нибудь работал?

– Да.

– Где?

– В Ньюарке, на заводе «Будвайзер». Возле аэропорта.

– Вы вчера звонили в полицию... – сказал Перлмуттер.

Лоррейн кивнула, глядя невидящими глазами в одну точку.

– И говорили с офицером Ди Бартолой.

– Да, он держался очень любезно.

Ну естественно...

– Вы позвонили рано утром и сказали, что ночью Рокки был на работе.

– Да.

– Он что, работал в ночную смену?

– Нет. Он нашел вторую работу. – Поколебавшись, Лоррейн добавила: – Неофициальную.

– Что за работа?

– У одной начальницы.

– И что он делал?

Лоррейн пальчиком подтерла слезу.

– Рокки не очень рассказывал. Доставлял повестки, по-моему, и тому подобное.

– А как зовут леди-босс?

– Ой, фамилия трудная, иностранная, я не выговорю.

Перлмуттеру не пришлось долго гадать:

– Индира Харивалла?

– Да, – посмотрела на него Лоррейн Конвелл. – Вы ее знаете?

Перлмуттер знал. Дело прошлое, но капитан знал ее очень хорошо.

Грейс отдала Скотту Дункану полную фотографию, с пятью молодыми людьми. Он не сводил глаз со снимка, особенно со своей сестры, глядя пальцем ее лицо. Грейс старалась не слишком на него смотреть.

Они сидели у нее в кухне и беседовали уже полчаса.

– Вы получили это два дня назад? – спросил Дункан.

– Да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Лучший американский автор
детективной прозы
по версии «Нью-Йорк таймс»

**ХАРЛАН
КОБЕН**

**ВСЕГО ОДИН
ВЗГЛЯД**

НЕВИНОВНЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Примечания

1

Садовый штат – неофициальное название штата Нью-Джерси. –
Здесь и далее примеч. перев.

[Вернуться](#)

2

Здесь: ваша правда (фр.).

[Вернуться](#)

3

«Крайола» – бренд художественных изделий.

[Вернуться](#)

4

Жизнь втроем (фр.).

[Вернуться](#)

5

Лемони Сникет – псевдоним писателя Дэниела Хэндлера, автора серии детских книг «33 несчастья».

[Вернуться](#)

6

Намек на холмик, с которого предположительно стрелял в президента Кеннеди второй убийца.

[Вернуться](#)

7

Имеется в виду перехватывающая парковка, где можно оставить машину и продолжить путь на автобусе.

[Вернуться](#)

8

Макмансион – большой дом массового производства без четкого архитектурного стиля.

[Вернуться](#)

9

«Ю-Джи-О!» – японский фильм в жанре аниме. Вместе с билетами на этот фильм распространяются стилизованные тематические карты, подобные тем, что в фильме вызывают монстров.

[Вернуться](#)

10

Уипет – английская порода борзых собак.

[Вернуться](#)

11

Грейсленд – дом-музей Элвиса Пресли в Мемфисе, США.

[Вернуться](#)

12

То есть членам «Weather Underground» – американской террористической группировки.

[Вернуться](#)